

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ (ФИЛИАЛ)
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОНОМНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО» (г. ЯЛТА)**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 4

Научный журнал

**Новосибирск
Ялта
2018**

УДК 37
ББК 74.04
П 78

Рекомендовано ученым советом Гуманитарно-педагогической академии (филиал) «Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского» от 26 ноября 2018 года (протокол № 11)

Педагогический вестник. – Научный журнал: – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2018. – Вып. 4. – 67 с.

Главный редактор:

Глузман А. В., доктор педагогических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта).

Редакционная коллегия:

Горбунова Н. В., доктор педагогических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта);

Редькина Л. И., доктор педагогических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта);

Глузман Ю. В., доктор педагогических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта);

Шушара Т. В., доктор педагогических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта);

Гордиенко Т. П., доктор педагогических наук, профессор, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь);

Шерайзина Р. М., доктор педагогических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород);

Донина И. А., доктор педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород);

Овчинникова Т. С., доктор педагогических наук, профессор, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области "Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина" (г. Санкт-Петербург);

Штец А. А., доктор педагогических наук, профессор, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь);

Петрушин В. И., доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

Болотова М. И., доктор педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Оренбург);

Егорова Ю. Н., доктор педагогических наук, профессор, Самарский государственный университет (г. Самара);

Пономарёва Е. Ю., кандидат психологических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта);

Везетиу Е. В., кандидат педагогических наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта);

Вовк Е. В., кандидат педагогических наук, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта).

Учредитель:
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»

© Изд. АНС «СибАК» (г. Новосибирск), 2018 г.

© Гуманитарно-педагогическая академия (г. Ялта), 2018 г.

Все права защищены.

*магистрант 3 курса направление подготовки
«Менеджмент в образовании» Рябцева Светлана Эдуардовна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта);
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
и дошкольного образования Абибуллаева Энисе Эдемовна
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь)*

Постановка проблемы. Происходящие в последнее время изменения в сфере образования в Российской Федерации связаны с новым отношением к детям с ограниченными возможностями здоровья (далее - ОВЗ). Мы должны способствовать тому, чтобы жизнь детей с ОВЗ была полноценной, для этого необходимо обеспечить оптимальные условия для их успешной интеграции в среду здоровых сверстников уже в дошкольной организации. Создание этих условий задача сложная, требующая комплексного подхода и полной отдачи от всех участников образовательного процесса. Для её решения мы не должны принуждать детей с ОВЗ адаптироваться под имеющиеся условия, а должны быть готовы изменить систему образования, спроектировать ее так, чтобы появились новые формы организации образовательного пространства, комфортные для детей с ОВЗ. В связи с этим осуществление инклюзивного образования в сфере развития современной образовательной системы актуально в настоящее время, начиная с дошкольных образовательных организаций.

Инклюзивное образование определяется социальным заказом родителей (законных представителей) на создание в дошкольной образовательной организации специальных условий для воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья, в котором будут обеспечены равные права, и оказана психолого-педагогическая и коррекционно-развивающая помощь. При этом одной из важных задач является – создание устойчивой, развивающейся, эффективно действующей системы психолого-педагогического сопровождения инклюзивного образования в образовательных организациях всеми педагогами, которые задействованы в процессе реализации инклюзии.

Целью статьи является рассмотрение особенностей процесса инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации как социально-педагогической проблемы.

Изучением проблем инклюзивного образования занимались зарубежные: А. Де Боэр, Р. Бонд, В.Ю. Дикер, Э. Кастагнера, С.-Дж. Пийл, А. Миннаэрт, Б. Кагран, М. Шмидт и отечественные авторы: О. И. Жукова, С. В. Алехина, В. В. Афонина, П. Р. Назарова, О. А. Козырева, Н. Н. Малофеев, Н. Я. Семаго, М. М. Семаго, Н. В. Старовойт, И. Н. Симаевой, В. В. Хитрюка, Т. В. Волосевец и другие.

Изложение основного материала исследования. Получение доступного образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми - инвалидами, сейчас является одним из главных и неотъемлемых условий для эффективной и успешной их социализированности в обществе. Также большое значение приобретает обеспечение этими детьми доступа на равных условиях к получению образования, полноценного их участия в общественной жизни, проявлению социальной активности, эффективной их самореализации в дальнейшем.

Обеспечение реализованности права на получение дошкольного образования детьми с ограничениями возможностей здоровья и особыми потребностями сейчас рассматривается как одна из главнейших задач государственной политики, при чем не только в области образования, но и с точки зрения демографического и социально-экономического роста и развития Российской Федерации.

О. И. Жукова считает, что для реализованности права на образование детей с ограниченными возможностями здоровья следует создать такие условия, чтобы они учитывали их психофизические особенности, чтобы получение образования всеми детьми указанной категории стало возможным [1].

На сегодняшний день такими странами как Канада, Кипр, Дания, Бельгия, ЮАР, Испания, Швеция, США и Великобритания накоплен богатый опыт по организации социального взаимодействия «обычных» детей без отклонений и детей с проблемами, и предоставления им прав и реальных возможностей для получения качественного образования с учетом их индивидуальных различий и особенностей психофизического развития. Инклюзивное образование реализуется в практике в этих странах уже 30-40 лет.

Россия взяла на себя обязательства по соблюдению права на образование людей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ) согласно Конвенции о правах инвалидов, которая была подписана государством 24 сентября 2008г. Данная деятельность осуществляется на основании: Конституции РФ, Федеральном законе РФ от 29 декабря 2012 № 273 - ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], Федерального государственного образовательного стандарта (далее - ФГОС) (приказ Министерства образования и науки России от 17. 10. 2013 № 1155) [3].

По Федеральному государственному образовательному стандарту (далее - ФГОС) инклюзивное образование теперь является обязательной частью системы в Российской Федерации. Предпринимаются серьезные шаги для того, чтобы «особые» дети перестали быть таковыми и смогли получить подходящее им образование, на комфортных для них условиях позволяющее им в дальнейшем интегрироваться в общество и стать его полноценной частью.

Рассматривая инклюзивное образование в дошкольной организации, с точки зрения социально-педагогической проблемы, необходимо изначально следует выделить в нашем исследовании следующие термины «инклюзия», «инклюзивное образование детей».

Термин «инклюзия» с английского переводится как «включенность». «Включенность» выражается в предоставлении возможности полного вовлечения детей с ОВЗ в жизнь неспециализированного дошкольного образовательного учреждения. Инклюзия – это процесс развития предельно доступного образования для каждого в обычных дошкольных образовательных организациях, формирование процессов обучения с

постановкой адекватных целей всех учеников, процесс ликвидации различных барьеров для наибольшей поддержки каждого учащегося и максимального раскрытия его потенциала, наравне со здоровыми сверстниками.

Проанализировав трактовки понятия «инклюзия», которые дают исследователи А.Ю. Белогурова, Т. В. Волосовец, Б. Кагран, М. Шмидт, И. С. Гордеева, следует отметить, что в понимании термина инклюзия существует в основном два понимания: это с одной стороны, является такой практикой включения человека в культуру и социум (включения человека в его соотносительности с референтной группой), которая будет способствовать культурному обогащению как самого человека, так и всей культуры социума. Это понятие, было предложено в социальной философии, поэтому опирается на такое понятие как включающее общество [5; 6]. С другой стороны, инклюзию определяют непосредственное включение ребенка с ОВЗ в учебный коллектив здоровых сверстников, полагаясь на соблюдение его права на образование. Различные подходы в определении понятия «инклюзия» связано, прежде всего с тем, что это процесс, ориентирован на поиск, для нахождения новых способов удовлетворения образовательных потребностей каждого участника, как следствие, определяемый очень в широком диапазоне и это определение напрямую зависит от обучающей ситуации и контингента детей.

Инклюзивное образование должно предполагать совместное обучение детей с ОВЗ и других детей, не имеющих ограничений здоровья, доступность качественного «образования для всех», на основе создание благоприятного образовательного пространства, соответствующего различным потребностям всех детей. Ребенок с ограниченными возможностями здоровья не должен адаптироваться под имеющиеся на данный момент условия обучения в дошкольных образовательных организациях, а условия обучения должны быть подходящими для его индивидуальных особенностей.

Инклюзивное образование детей в настоящее время является важным шагом для развития образования не только детей с ограниченными возможностями здоровья, но и всей образовательной системы, оно является естественным продолжением интегрированного образования и учитывает все созданные условия, т.к. способствует гуманизации общества.

По мнению Т.В. Волосовец инклюзивное образование строится на ряде принципов: индивидуального подхода, поддержки самостоятельной активности ребенка, активного включения в образовательный процесс всех его участников; междисциплинарного подхода, вариативности в организации процессов обучения и воспитания, партнерского взаимодействия с семьей, принцип динамического развития образовательной схемы детского сада [4].

По мнению Е.В. Михальчи, развитие инклюзивного образования – есть процесс очень сложный и многогранный. Педагоги и администрация образовательной организации, которые взяли на себя ответственность воплотить идею инклюзии, особенно остро нуждаются в оказании помощи при организации педагогического процесса, а также в отработке механизма взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса, где центральной фигурой является ребенок. Создание инклюзивного пространства подразумевает прежде всего открытость и доступность, но не только для детей, а и для взрослых. Считается, что чем больше партнеров имеет образовательная организация, тем более успешным в этом случае будет воспитываемый ребенок [6].

С.В. Алехина отмечает, что организация инклюзивной практики – это процесс сугубо творческий, в котором каждый участник должен и может внести свой вклад для получения положительного результата. Сам инклюзивный подход, подразумевает необходимость изменения образовательной ситуации, путем создания новых форм и способов в организации образовательного процесса, при этом следует учесть индивидуальные различия детей. Указанные причины, обусловленные организацией инклюзивной системы, требуют, чтобы она обладала гибкостью, для возможности включения необходимых элементов для ее изменения [7].

Основной целью инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации является результат созданности и обеспеченности определённых условий, которые позволят проводить совместное воспитание и образование детей с разными психофизическими особенностями.

По мнению Н.П. Артюшенко задачи при инклюзивном образовании в дошкольной образовательной организации следующие: обязательная квалифицированная коррекция имеющихся отклонений как в физическом, так и в психическом развитии детей, интеграция воспитанников, у которых имеются отклонения в здоровье в единое образовательное пространство, а также обеспечить условия для возможности совместного воспитания и образования детей с разными психофизическими особенностями развития; формирование толерантного сообщества детей, родителей, персонала и социального окружения; создать возможность для всех учащихся в полном объеме принимать участие в жизни коллектива ДОО [8].

Для управления процессами инклюзии требуется введение командной формы работы, а также проектную практику для организации деятельности. Требуется постоянная диагностика и мониторинг инклюзивных процессов на этапах реализации, для соблюдения согласованности интересов всех участников образовательного процесса, а именно детей, родителей, педагогов и администрации.

Перед дошкольной образовательной организацией ставятся стратегические задачи, которые направлены создание эффективного инклюзивного образовательного процесса: разработка концепции инклюзивного дошкольной образовательной организации и формирование на ее основе адаптированной образовательной программы, программы развития и годового плана по определению направлений разработки и плана внедрения новых технологий дошкольного образования; формирование базы знаний, передового опыта, определение научно - практических материалов, необходимых для работы по образовательной программе.

При планировании деятельности инклюзивной дошкольной образовательной организации реализуются следующие направления деятельности: проводится анализ ситуации в дошкольной образовательной организации, составляются перспективные и календарные планы; обсуждение и согласование планов и составленных отчетов о текущей деятельности со всеми специалистами ДОО.

На практике, внедрение инклюзивного образования в ДОО выявляет ряд проблем. В работах исследователей Т. В. Волосовец, В. В. Афонинной, Н. В. Старовойт, О.А. Антонова [9; 10] отмечается, что в инклюзивное образование в дошкольной образовательной организации, нуждается в усовершенствовании, так как при его осуществлении существует ряд проблем: полное и частичное несоответствие учебных планов и непосредственного содержания самого обучения, для удовлетворения особых образовательных потребностей ребенка с ОВЗ; отсутствие специализированной подготовки у педагогического коллектива в дошкольных образовательных организациях, которое выражается в незнании основ работы, связанной с

коррекционной педагогией и специальной психологией; отсутствие у педагогов представления об особенностях, которыми сопровождаются психофизическое развитие детей с ОВЗ, а также незнание методики и технологий для организации эффективного образовательного и коррекционного процесса для детей с ОВЗ; не в полной мере обеспечение материально-технического оснащения дошкольных организаций, которые требуются для возможности удовлетворения потребностей детей с ОВЗ, (например, отсутствие пандусов, сенсорных комнат, развивающего игрового оборудования и т. п.); отсутствие дополнительных, но необходимых в этих случаях педагогических ставок и ставок медицинских работников в штатном расписании дошкольных организаций, таких как сурдопедагоги, логопеды, педагоги-психологи, тифлопедагоги, тьюторы.

Но, несмотря на все имеющиеся проблемы при реализации инклюзии в дошкольных образовательных организациях, зарубежный и отечественный опыт показывает, что создание инклюзивных детских садов способствует социальной адаптации детей с ОВЗ с самого раннего возраста, развитию их самостоятельности и независимости, и, что немаловажно, подталкивает современное общество к изменению отношения к ним, учит здоровых детей видеть в детях с ОВЗ равных себе независимо от их особенностей, быть более дружелюбными, толерантными и гуманными, прививает уважение к людям с ограниченными возможностями.

Выводы. Инклюзивное образование - процесс развития образования, который подразумевает доступность образования для всех, в плане приспособления к различным нуждам всех детей. Основной целью инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации является создание и обеспечение определенных условий, которые позволяют проводить совместное воспитание и образование детей с разными психофизическими особенностями. Инклюзивное образование в дошкольной образовательной организации процесс многогранный и сложный, который строится на общих и специальных принципах. На сегодняшний день инклюзивное образование в ДОО на пути своей реализации требует усовершенствования. Среди основных проблем внедрения инклюзивного образования в дошкольные образовательные организации можно выделить полное и частичное несоответствие учебных планов для обучения детей с ОВЗ, отсутствие специализированной подготовки и необходимой педагогической квалификации педагогического коллектива ДОО, работающего с детьми с ОВЗ, недостаточность материально-технического оснащения ДОО.

Аннотация. В статье рассматривается специфика инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья как социально-педагогической проблемы в современной дошкольной образовательной организации. Рассмотрен процесс реализации инклюзивного образования в образовательных организациях, отечественный и зарубежный опыт его внедрения. Выделены основные понятия характеризующие инклюзивное образование, его цели, задачи и принципы.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное образование, инклюзивное образование в дошкольной образовательной организации, принципы инклюзии, федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования.

Annotation. The article deals with the specifics of inclusive education of children with disabilities as a socio-pedagogical problem in the modern preschool educational organization. The process of implementation of inclusive education in educational institutions, domestic and foreign experience of its implementation. The basic concepts characterizing inclusive education, its goals, objectives and principles are highlighted.

Keywords: inclusion, inclusive education, inclusive education in the preschool educational organization, the principles of inclusion, the Federal state educational standard of preschool education.

Литература:

1. Жукова О.И. Управление инклюзивным образованием в условиях дошкольного образовательного учреждения / О.И. Жукова // Студенческий научный форум. 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016025719>
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) "Об образовании в Российской Федерации" – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/f9d3e8f84b9df44048ffe94083eebf76a34bf6a3/
3. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fgos.ru/>
4. Волосовец В. Специальное образование в России: проблемы и перспективы развития / В. Волосовец // Коррекционная педагогика. - 2003. - № 1. - С. 9-14.
5. Кагран Б. Отношение словенских учителей к инклюзии учащихся с различными видами образовательных потребностей в начальной школе / Б. Кагран, М. Шмидт // Educational Studies. - 2011. - № 2. - С. 37-43
6. Михальчи Е. В. Состояние инклюзивного образования в системе высшего образования в России / Е. В. Михальчи // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 2.
7. Алёхина С. В. Инклюзивное образование: история и современность: учебно-методическое пособие / С. В. Алёхина. - Москва: Педагогический университет «Первое сентября», 2013. - 33 с.
8. Алдошина М.И. Опыт практической реализации в университете программ подготовки педагога-психолога по работе с детьми с девиантным поведением / М.И. Алдошина // Научный журнал КубГАУ. 2016. - № 1 (115)
9. Артюшенко Н. П. Организация процесса включения детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательные учреждения / Н.П. Артюшенко // Школьный логопед. - 2011. - № 1. - С. 5-24.
10. Старовойт Н. В., Антонова О. В. Трудности реализации инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации // Молодой ученый. — 2017. — №21. — С. 450-452.

*студентка 1 курса Апазова Сельвие Рефатовна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Тарханкут – это Северо-Западный Крым. Он является полуостровом Крымского полуострова. Как всякое подобное образование, Тарханкут с трех сторон омывается водами Черного моря, что создает хорошие условия для развития рыболовства. В море Тарханкут выступает двумя мысами, разделенными Караджинской бухтой. Первый мыс Прибойный (Карамрун) является самой западной точкой всего Крыма. Второй мыс расположен на юго-западе и носит название Тарханкутского. Берега полуострова обрывистые. В двух километрах к востоку от мыса Тарханкут круто спускаются к морю известные мысы Большой и Малый Атлеш.

Именно здесь, на мысе Большой Атлеш в античные времена греки расположили рыбный стан. Древние рыбаки подметили, что каждый год с августа до середины ноября, рыба в прибрежных водах мыса мигрирует по одним и тем же путям. Они просто ставили «гузем» (квадратную сетку) в нужном месте. Когда рыба заходила в сеть, вытягивали улов. Именно в это время рыба приближается к берегу для метания икры. И проходил всегда вдоль берега определенными маршрутами, издавна известными местным рыбакам.

Изложение основного материала исследования. Актуальность темы не вызывает сомнений, впервые собран воедино и проанализирован материал о рыбопромысловой деятельности у берегов Тарханкута с древнейших времен до наших дней, проведено развернутое сравнение способов, хода, приемов, орудий рыбопромысловой деятельности на мысе Большой Атлеш в наши дни в сравнении аналогичными показателями первого их подробного описания ученым и путешественником К.Ф. Кесслером.

Вопросу о рыболовстве в прибрежных водах Крымского полуострова посвящено немало опубликованных работ. Их можно разделить на две группы:

1. Записки путешественников, ученых XVI – XIX вв.;
2. Исследования специалистов XVIII – XXI вв.

Современные историки относят «путешествующие записки» к историческим источникам. Хронологически первыми стали записки польского дворянина Мартина Броневского, бывшего посланником короля Стефана Батория к Крымскому хану Мухаммед-Гирею в 1578-1579 годах. Через 15 лет М. Броневский издал «Описание Татарии» - ценный исторический источник по истории Крыма XVI века, однако на Тарханкуте и в Гёзлёве (Евпатории) он не был. Ознакомившись с изложением содержания этой книги в интернете, автор извлек интересную цитату об отношении крымских татар XVI века к рыбе и рыболовству: «...татары небольшие любители рыбы, ...ловлей её занимаются по большей части христиане и путешественники, наши приезжающие сюда» [14].

Труд Э. Челеби охватывает широкий круг вопросов по истории и этнографии территорий современной России, включая Крым. Э. Челеби посещал Крым не один раз, в том числе был в Гёзлёве (Евпатории) и посвятил этому главу «Описание города Гёзлев, или прекрасного замка Гёзлев» [12, с. 68-70].

В 1777 году Крым посетил шведский историк Иоганн Эрих Тунманн. Путешественника поразило обилие рыбы у крымских берегов: «Ничего не может быть более обильным рыбой, чем Чёрное и Азовское море у берегов Крыма» [15]. Он указывает, что наиболее активная торговля шла через порты Каффы (Феодосии) и Гёзлёва (Евпатории), в том числе на втором месте после рабов была торговля соленой рыбой и икрой. В описании еды крымских татар рыба отсутствует. Это свидетельствует о том, что и в XVIII веке крымские татары ее не употребляли в пищу, а значит, и рыболовством не занимались [15].

Перейдем к характеристике исследований специалистов по морской фауне и рыбному промыслу XVIII – XXI вв.

В конце XVIII века ряд ученых из разных регионов России и зарубежных стран занимались изучением фауны Черного моря у берегов Крыма. Их труды также можно отнести к историческим источникам. Первым исследователем фауны Черного моря считается академик П.С. Паллас, который во время своего путешествия в Крым и на Кавказ в 1793—1794 годы описал 94 вида рыб [9]. Затем последовали сочинения на эту тему петербургского профессора Э. И. Эйхвальда, немецкого профессора М.Г. Ратке (1832-1837 гг.), профессора Ришельевского лицея в Одессе А.Д. Нордмана (1837—1846 гг.), профессора Киевского университета К.Ф. Кесслера (1858-1860 гг.), профессора Казанского университета Н.П. Вагнера (1862 г.), харьковского зоолога В.И. Чернявского и других [13, с. 15-19].

Наиболее интересно исследование К.Ф. Кесслера, опубликованное в 1860 году. Много страниц «Путешествия с зоологической целью к северному берегу Черного моря и в Крым в 1858 году» посвящены рыбопромысловой деятельности жителей Тарханкута. Его автор побывал в поселках крымских татар Шейхлар (не сохранился, его территория ныне включена в пгт. Черноморское и находится в балке на его юго-восточной окраине) и Чоротай (не сохранился, месторасположение не определено), а также на рыбном промысле на мысе Атлеш. К.Ф. Кесслер дал подробное описание рыбного промысла жителей Тарханкута [5].

Научные исследования на тему о промысле рыбы на Черном и Азовском морях были начаты Н. Я. Данилевским в 1863—1864 гг. Результатом этих работ явилось монографическое «Описание рыболовства в Черном и Азовском морях» (1871), вошедшее в VIII том «Исследований о состоянии рыболовства в России», созданных Н. Я. Данилевским совместно с академиком К. З. Бэрм.

В начале XX века продолжилось изучение состояния и перспектив рыболовства у побережья Черного моря. Наиболее плодотворными считаются экспедиция А.А. Остроумова на шхуне «Атманай» (1895) и исследования морского рыболовства Таврической губернии, проведенные С. А. Зерновым в 1901 — 1904 гг. [13, с. 81].

Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война в России негативно сказались не только на развитии рыбного промысла, но и на исследованиях о нём. Возобновление того и другого произошло в начале 1920-х годов уже в Советской России. Декретом СНК РСФСР от 23 сентября

1921 года было создано Главное Управление по Рыбной промышленности и Рыболовству. В его ведение входила Керченская (впоследствии Азовско-Черноморская) рыбохозяйственная научная станция. Заведующий станцией А.И. Александров в 1923 году опубликовал статью «Крымское рыболовство (Краткий очерк)» [1]. Её содержание не утратило значения и в наши дни. В частности, автор правомерно разделил прибрежные воды Крыма на три района: южный, западный и восточный. В каждом из районов он выделяет центры «особо интенсивного рыболовства, лежащие на выступающих полуостровах Крыма: 1) Тарханкутский, 2) Севастопольско-Балаклавский и 3) Керченский». Он подчеркивает, что «промежуточные участки: Евпаторийский, Ялтинский и Феодосийский имеют второстепенное значение, тогда как первые три определяют собой размеры и характер Крымского рыболовства» [1, с. 133].

Важная информация по данной теме содержится в книге «Орудия рыболовства Азово-Черноморского района». Она издана в 1952 году по решению Министерства рыбной промышленности СССР и содержит полное описание орудий рыболовства указанного бассейна, в том числе применявшихся тарханкутскими рыбаками [7]. В 1958 году в издательстве АН УССР вышла в свет книга К.А. Виноградова «Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море» [13]. Автор ознакомился с ней в электронном виде. В монографии изложена история изучения Черного моря отечественными и зарубежными исследователями с конца XVIII века до конца 1950-х годов. В 1962 году Управление рыбной промышленности Крымского совнархоза подготовило и издало альбом орудий лова, применяемых рыбаками Крыма. Среди них я обнаружила орудия, применявшиеся рыбаками Тарханкута. В альбоме приведены иллюстрации процесса вылова рыбы, в том числе в районе Тарханкута [8].

Описание ловли рыбы рыбаками Тарханкута в советский период дано в книге крымского географа П.Д. Подгороднецкого, опубликованной 1979-х годах [10]. Краткая характеристика процесса рыбной ловли содержится в «Путеводителе по Тарханкуту», авторами которого являются П.Г. Коростелёва, Г.Н. Овчинникова, И.А. Савчук, а также в альбоме – каталоге музейных экспонатов «Античные памятники Тарханкута» А.Р. Кемаловой [4, 2].

Из публикаций последних лет отметим книгу В.Е. Заики «Черноморские рыбы и летопись их промысла» [3]. Автор увлекательно рассказывает об основных этапах истории рыбного промысла в Северном Причерноморье. В частности, речь идет о морском рыбном промысле у берегов Крыма греческими колонистами. Однако о рыбной ловле у берегов Тарханкута в книге ничего не сказано.

Таким образом, историография вопроса о рыбном промысле в Крыму в целом и на Тарханкуте в частности насчитывает несколько столетий. Она делится на две группы – «путешествующие записки», а также научные и научно-популярные издания. Труды путешественников и ученых XVI – XIX веков являются ценным источником по теме. Для работы наиболее важным источником стала книга К.Ф. Кесслера, так как она содержит описание рыбного промысла у берегов Тарханкута. Изучение исследований специалистов XVIII – XXI веков о фауне Черного моря и рыбном промысле в его акватории помогло проследить развитие рыбохозяйственной деятельности жителей Крыма и Тарханкута с древнейших времен до наших дней. Специальных исследований по истории и современному состоянию рыбопромысловой деятельности в прибрежных водах Тарханкута не выявлено.

Проследить основные этапы истории и способов рыбного промысла в Северном Причерноморье – Крыму – на Тарханкуте помогли ряд книг. В первую очередь книга В.Е. Заики, который в 1977 году был избран директором Института биологии южных морей в Севастополе. Он считает, что рыболовство в этом регионе зародилось в первобытном обществе в эпоху мезолита: «На ... стоянке на Керченском полуострове у кострищ встречены кости джейрана, сайги, осла. Но там же встречены прямые свидетельства морского промысла – кости тюленя, много рыбных костей, а также крючья блесны и гарпуны. Мезолитический крымчанин научился делать не только колесо, но и долбленные лодки. Так в наших краях начинался водный и морской промысел» [3, с. 25].

В I тысячелетии до нашей эры Северное Причерноморье и степной Крым населяли кочевые племена киммерийцев и скифов. В горах обитали тавры – скотоводы. Скорее всего, они не занимались рыболовством. В.Е. Заика считает, что «первыми, кто организовал рыбный промысел в Черном море и стал добывать рыбу в «товарных количествах», ...то есть не только для своей семьи, но и на вывоз, были древнегреческие колонисты» [3, с. 89].

Первые письменные сведения о рыбном промысле у берегов Северного Причерноморья относятся к VII-VI вв. до н. э. и принадлежат греческим авторам. Эти свидетельства древних авторов подтвердили археологи. На городищах Беляус, Тарпанчи и Южно-Донузлавское в слоях III века до нашей эры – III века нашей эры ими были обнаружены различные рыболовные принадлежности – медные крючки, глиняные грузила для сетей, а также рыба чешуя, костные жучки и отдельные кости скелета многих видов черноморских рыб, в том числе трех видов кефали, морского карася, камбалы-калкана, ската-лисицы, осетра, позвонки дельфина-белобочки [11, с.34]. Ученый А.Н. Щеглов считает, что массовость подобных находок свидетельствует о промышленном характере рыболовства, которое в указанное время наряду с сельским хозяйством, являлось важной сферой хозяйственной деятельности населения Крымского полуострова [11, с. 35].

Греческие города-полисы на черноморских берегах стали центрами оживленной торговли. Из городов-государств Древней Греции доставлялись в Причерноморье ремесленные изделия и вина. В обратный путь суда заполнялись хлебом и лесом, скотом и рыбой. Много рыбы вывозили в Византию [3, с. 56].

В средние века Причерноморье и Крым продолжали вылавливать и обрабатывать рыбу. В Корсуне (бывшем Хесонесе) в кухонных остатках археологи XX века находили большие кучи рыбных костей. Известия о рыбном промысле жителей Крыма сохранили древние акты. Так, в договоре 945 года Византии с Русью оговорено право корсуян, ловить рыбу в устье Днепра и иметь там стоянки. Это свидетельствует о том, что рыбацкие суда из Корсуни ходили далеко и надолго [3, с. 60].

В свою очередь в IX-X вв. в азово-черноморских водах появились рыбаки славяне. Ко времени появления славян - русинов в Крыму (X в. н. э.) и на Керченском полуострове (XI в. н. э.) рыболовство продолжало играть заметную роль в экономике Тавриды в целом и ее северо-западного региона в частности.

С середины XV до конца XVIII века в Крыму и Северном Причерноморье существовало Крымское ханство. Как кочевой народ крымские татары не интересовались мореплаванием и рыбным промыслом. Как было сказано ранее, польский дворянин М. Броневский, посетивший Крым в 1578 году, оставил свидетельство о том, что татары не занимаются ловлей рыбы и не употребляют её в пищу, едят в основном

конину, верблюжати́ну, коровье́ мясо и баранину [14]. В то же время, по свидетельству Э. Челеби, турки в Османской империи в XVII веке совсем по-другому относились к морепродуктам, активно употребляя их в пищу [12, с.98]. Вероятно, турки, проживавшие в Крыму, также питались рыбой, а, значит, осуществляли ее вылов. В XVIII веке, когда по Крыму путешествовал шведский историк И. Э. Тунманн, в торговом обороте на полуострове второе место после рабов занимала торговля соленой рыбой и икрой, однако крымские татары по-прежнему не употребляли в пищу рыбу [15]. В целом же, по сравнению с античным периодом, рыболовство в Северном Причерноморье в период Крымского ханства переживало не лучшие времена.

В конце XVIII в., после присоединения Крыма к России, рыбный промысел на полуострове начинает возрождаться. Большую роль в этом сыграли греки, которым российское правительство разрешило занять опустевшие турецкие поселения на территории Северного Причерноморья и Приазовья. Греки в короткий срок восстановили былое развитие рыболовства и передали свои навыки и другим жителям Крыма [6, с. 29].

На Тарханкуте возрождение рыболовства было связано с хозяйственной деятельностью двух знатных людей России – князя М.С. Воронцова и генерал-майора В.С. Попова. В 1824 году все земли при Ак-Мечетской гавани с деревней Ак-Мечеть, Чукур, а также деревню Шейхлар приобрёл генерал-губернатор Новороссийского края граф М. С. Воронцов. Он обустроил здесь гавань, куда причаливали небольшие суда для вывоза шерсти и зерна. Граф завез в свое имение греческую рыболовческую артель, члены которой быстро возродили традиции рыбного промысла.

Подробное описание работы всех трех рыбацких станом или «заводов» на землях графа М.С. Воронцова и генерал-майора В.С. Попова содержится в книге К.Ф. Кесслера [10]. Он отмечал, что Евпатория славится вывозимой из нее кефалью и кефалевою икрой, но ловля кефали производится не в самой Евпатории, а у берегов Тарханкутского полуострова [5, с. 70].

Первым К.Ф. Кесслер описывает Шейхларский кефалевый «завод», расположенный на землях С.М. Воронцова. Наиболее интересным является рассказ о рыболовческих орудиях и технологии вылова: «Снастью для ловли кефали служит большая и крепкая четырехугольная сеть, имеющая как длину, так и в ширину от 20 до 25 сажень. Сеть эта, при помощи свинцовых грузил, расстилается по дну моря, в близком расстоянии от берега и в таком положении, чтобы две стороны ее были параллельны берегу, а две другие к нему перпендикулярны. Вместе с тем края сети с трех сторон, т. е. на двух сторонах продольных и на одной стороне поперечной приподнимаются к шестам, вбитым в грунт, так чтобы края эти, приблизительно на аршин, выставлялись над поверхностью воды; только с одной стороны край сети остается погруженный на дно. Таким образом, снасть принимает вид четырехугольной сетевой загородки, с одной стороны открытой. Как скоро стадо рыбы, с открытой стороны, проникает в загородку, то обратный выход ей преграждается тем, что и с этой стороны край сети быстро выдвигается из воды. Насупротив двух поперечных сторон сети, между нею и берегом, воздвигаются двое высоких бревенчатых козел и на них утверждаются системы блоков. От этих блоков проходят веревки к краям сети, так что посредством их можно приподнять всю сеть и в особенности можно быстро повысить опущенную ее сторону. На тех же козлах устроены будки, в которых постоянно, и днем и ночью, сидят сторожевые рыбаки. В будке, находящейся при открытом конце сети, сидят четыре рыбака, а в другой будке один рыбак. На этом последнем рыбаке специально лежит обязанность непрерывно иметь самый тщательный надзор за сетью. Как скоро он заметит, что табун кефали вступил в сеть и дошел до заднего ее конца, то он подает условный знак, тогда тотчас рыбаки, сидящие в первой будке, с возможною быстротою поднимают опущенную сторону сети и таким образом заграждают обратный выход рыбе» [5, с. 78].

К.Ф. Кесслер указывает, что ловля кефали у берегов Тарханкута была весенней (от половины мая) и осенней (от исхода июля до октября). Подметил он и то, что в разное время года кефаль идет вдоль берега по-разному. Поэтому рыбаки во время лова опускают на дно край сети то с одного, то с другого боку. «Дело в том, - пишет автор, - что кефаль, совершая периодически свои переходы с севера на юг и с юга на север, имеет обычай очень близко придерживаться берега и таким образом заворачивает в бухты и заливы, лежащие на ее пути, то с одной, то с другой стороны. Так, например в Шейхларский залив она вступает осенью, когда идет с севера на юг, с восточной стороны, и, обогнув его, выходит обратно в море с западной стороны; весною же, когда направляются с юга на север, вступает в залив с западной стороны и оставляет его восточной. Шейхларский завод, как я уже заметил, расположен при восточной стороне залива, а потому на нем вход в сеть находится с боку, обращенного к устью залива, а весною с боку противоположного; или другими словами, осенью перенимаются табун кефали при вступлении их в залив, а весною при выходе их из него» [5, с. 81-82].

Шейхларский завод, по свидетельству К.Ф. Кесслера, в XIX веке славился богатым ловом кефали и служил главным местом для приготовления кефалевою икры.

Далее К.Ф. Кесслер описывает «Отлешский» и Чаротайский кефалевые «заводы», расположенные на землях генерал-майора В.С. Попова. «Отлешский» находился на южной стороне Тарханкута. К.Ф. Кесслер так описывает его месторасположение: «На небольшой губе этого берега, косвенно вдающейся в море, стоит завод Отлешский». Губою, на которой стоит завод, образуется маленький залив, служащий для постановки сети. Около сотни неправильных, узких ступеней, высеченных на внутреннем боку губы, образуют извилистую лестницу ведущую вниз к поверхности воды, где находится довольно широкий уступ, составляющий как бы естественную каменную галерею, выдолблен ряд небольших пещер, в которых рыбаки устроили свои койки. Вершина залива посредством величественного природного туннеля, имеющего около 40 сажень в длину, сообщается с открытым морем.

...Отлешские рыбаки в прежнее время тяготились тем, что им приходилось пойманную рыбу на своих плечах втаскивать по крутой и опасной лестнице, но последнему атаману пришла мысль пробить сверху широкую продушину в туннель, и этим значительно облегчилась работа рыбакам. Теперь лодки с рыбою въезжают в туннель и там сваливают ее в большие корзины, которые посредством ворота с легкостью вытягиваются, сквозь продушину, к поверхности земли» [5, с. 87-88].

Затем К.Ф. Кесслер описывает третий кефалевый «завод» - Чаротайский, находившийся на северной стороне Тарханкута: «Он существует еще недавно и расположен при маленькой бухте, в которую открывается глубокая степная балка. Как на Отлешском, так и на Чаротайском заводах, по показаниям тамошних рыбаков, кроме кефали, ловятся еще следующие рыбы: бычки, хелидонопсера, по-татарски курланчуг, до 3 фунтов весом, всегда в одиночку, скорпида или скорпена, морской карась, смарида, барабуля или султанка, скумбрия, паламида, лакерда, ставрида, камбала и глосса» [5, с. 90].

К.Ф. Кесслер не обошел своим вниманием организацию труда на рыбных «заводах» Тарханкута. Каждым из них руководил приказчик, который заведовал хозяйственной частью и атаман, который руководил процессом вылова рыбы. Артель состояла из 10 или 12 рыбаков («матросов»). Большинство рыбаков были греками и малороссами, реже – крымские татары. К.Ф. Кесслер отметил также, что «дисциплина на заводах соблюдается самая строгая: все матросы беспрекословно должны повиноваться атаману» [5, с. 92].

В книге Д.А. Данилевского указано, что рыбу, выловленную в прибрежных водах Тарханкута, здесь же подвергали обработке – копчению. Считалось, что здесь готовили самую лучшую копченую кефаль в Крыму, из-за чего её стоимость превышала стоимость икры осетровых рыб. Копчёную тарханкутскую кефаль везли на продажу даже в Константинополь.

В статье А.И. Александрова «Крымское рыболовство (Краткий очерк)» приведены обобщающие сведения о способах и количестве выловленной рыбы до революции в центрах «особо интенсивного рыболовства» (Тарханкутском, Севастопольско-Балаклавском и Керченском), а также на «промежуточных участках (Евпаторийском, Ялтинском и Феодосийском). Оказывается, в Тарханкутском регионе до 1915 года основными орудиями лова рыбы были 12 каравий или кефальных заводов. Их обслуживали 300 человек. По национальности – греки и турки (так называемые «пришлые»). На всем протяжении западного побережья Крыма до первой мировой войны для рыбного промысла использовались: 12 каравий, 5 скипастей, около 400 лодок, 4 тысячи сетей, 300 тысяч крючьев, свыше 20 неводов и мереж. В промысле участвовало до тысячи рыбаков. В то же время на побережье от Севастополя до Феодосии имелось всего 3 каравии [1, с. 141]. Организация труда рыбаков была такой же, как её описал К.Ф. Кесслер: «Владелец крупного орудия лова (каравии, скипастей, волокуш) вступал в соглашение с «атаманом... «Атаман» набирал «ватагу» и в дальнейшем производил лов по своему усмотрению» [1, с. 142]. Автор приводит сведения о добыче рыбы в разных регионах Крыма. На первом месте был Керченский район – 600 пудов рыбы в свежем виде, что составляло три четверти зарегистрированного улова в Крыму. Остальное побережье давало в общей сложности около 200 пудов рыбы: Западный или Тарханкутский – 60 тысяч пудов, Севастопольско-Балаклавский – 70 тысяч пудов, Феодосийский – 60 тысяч пудов. Все промежуточные районы (Евпатория, Ялта, Алушка, Судак) – до 30 тысяч пудов [1, с. 144].

Таким образом, можно заключить, что на рубеже XVIII – XIX веков у берегов Тарханкута был возрожден промысел, известный с античных времен – вылов кефали и других ценных пород рыб в промышленных объемах и способами, которые применялись издревле. По объемам вылова он, конечно, уступал Керченскому, однако от других центров «особо интенсивного рыболовства» не отставал.

«Орудия рыболовства Азово-Черноморского района» и «Орудия промышленного рыболовства Азово-Черноморского бассейна, применяемые Крымским СНХ» [6, 7]. В первой из них в главе «Краткая характеристика ставных неводов (ловушек) Черноморского бассейна» подчеркнуто, что внедрение ловушек связано с условиями «многих участков Черного моря», которые заключаются «в массовой миграции рыб в береговой полосе». Интересно и другое замечание, полностью соответствующее способу лова, описанному К.Ф. Кесслером: «В Азово-Черноморском бассейне только один вид рыболовных ловушек – кефальный подъемный невод – требует непрерывного наблюдения и механического поднятия сетного полотна для задержания зашедшей в ловушку рыбы» [7, с. 35]. Названия орудий лова для кефали, применяемые в книге, также имеет древнее происхождение, например, «скипасть» [7, с.35]. Авторы поместили в книге таблицу с основными технико-производственными показателями «Невода подъемного кефального берегового (Типа «Отлеш»)» и его чертеж [7, с. 51], а также два рисунка «Лов кефали подъемным неводом типа «Отлеш» и «Лов кефали подъемными неводами» [7, с. 53-54].

Авторы-составители второй книги во Введении указывают, что «инженерно-технические работники и передовики лова внесли много существенных конструктивных улучшений в действующие орудия рыболовства» [8, с.1]. Однако, в кефальные неводы (каравии, заводы) конструктивных изменений не было внесено. Об этом свидетельствуют рисунки, чертежи, таблицы, приведенные в книге [8, с. 68-69]. Характеристики «Подъемного завода кефального» практически совпадают с характеристиками, данными в первой книге.

Выводы. Таким образом, история рыбопромысловой деятельности в Крыму началась в эпоху мезолита (10 – 5 тысячелетия до нашей эры), а значит, имеет солидный возраст. Основные этапы развития рыбного промысла на полуострове совпадают с общепринятой периодизацией всемирной истории – Первобытное общество; Древний мир; Средние века; Новое время; Новейшее время. Содержание каждого из них в отношении рыбного промысла имеет специфику. Так, в Первобытном обществе он возник как один из видов собирательства. В период Древнего мира с приходом греческих колонистов на крымскую землю возникают основные виды, способы ловли рыбы в больших масштабах, конструируются орудия промышленного рыболовства, в том числе в прибрежных водах. В Позднее Средневековье и в начале Нового времени (в период Крымского ханства) рыболовство как вид хозяйственной деятельности не пользуется популярностью, его традиции затухают. Однако на рубеже XVIII – XIX вв., т.е. в Новое время в связи с включением Крыма в состав Российской империи рыбохозяйственная деятельность на полуострове получает новое дыхание в своём развитии, но на «старых», полузабытых греческих традициях. Эти традиции были успешно возрождены и развивались весь период Новой истории и, несмотря на временные трудности 1914 – 1920, 1941 – 1944 гг., получили развитие в Новейшее время.

Аннотация. В статье на основе широкого круга опубликованных источников и научно-популярной литературы прослеживаются основные этапы промышленного рыболовства в Северо-Западном Крыму. Основные приёмы, орудия, этапы (ход) вылова рыбы в прибрежных водах Тарханкута, в частности на мысе Большой Атлеш остаются неизменными с античных времен. Этот «консерватизм» кроется в особых природно-климатических условиях здешних мест, которые остаются неизменными с давних времен. Автором показана ценность записок путешественников как исторического источника по истории Тарханкута.

Ключевые слова: Тарханкут, Большой Атлеш, рыболовство.

Annotation. The article, based on a wide range of published sources and popular scientific literature, traces the main stages of industrial fishing in the North-West Crimea, the Main techniques, tools, stages (course) of fishing in the coastal waters of the Tarkhankut, in particular on the Cape Bolshoy Atlesh remain unchanged since ancient times. This "conservatism" lies in the special climatic conditions of the local places, which have remained unchanged since ancient times. The author shows the value of travelers' notes as a historical source on the history of the Tarkhankut.

Keywords: Tarhankut, Big Atlesh, fishing.

Литература:

1. Александров А.И. Крымское рыболовство (Краткий очерк) / Рыбное хозяйство, книга II, 1923. – С. 134 – 176.
2. Античные памятники Тарханкута: Альбом-кат. муз. экспонатов из фондов ГБУРК ИАМЗ «Калос Лимен» / Мин-во культуры Респ. Крым, ГБУ Респ. Крым «Ист.-арх. музей-зап-к «Калос Лимен»; [сост. Кемалова А. Р. и др.]: под ред. Кемаловой А. Р. – СПб.: ООО «Волна»: Любавич, 2015. – 160 с.: ил.
3. Заика В. Е. Черноморские рыбы и летопись их промысла. - Севастополь: НИЦ ЭКОСИ-Гидрофизика, 2008. - 118 с.
4. Коростелёва П.Г., Овчинникова Г.Н., Савчук И.А. Путеводитель по Тарханкуту. – Издание второе, дополненное и переработанное. – Симферополь, Крымская Академия гуманитарных наук, 2009. – 260 с., ил.
5. Кесслер К.Ф. Путешествие с зоологической целью к северным берегам Черного моря и в Крым в 1858 году. – Киев, 1861.
6. Марти В. Ю. Возникновение и развитие рыбного промысла в Азовско-Черноморском бассейне // Природа: популярный естественно-исторический журнал, №5. М., 1941. - С. 78-83.
7. Орудия рыболовства Азово-Черноморского района. М.: Пищепромиздат, 1952.
8. Орудия промышленного рыболовства Азово-Черноморского бассейна, применяемые Крымским СНХ. Материал подготовили сотрудники экспериментального цеха Приморской СРТС инженер Н.А.Матвеев, зав.лабораторией М.И. Бабенко. – Симферополь, 1962.
9. Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / Пер. с нем. - М.: Наука, 1999. - 246 с, ил. - (Науч. наследство; Т. 27)
10. Подгородецкий П.Д. Северо-западный Крым: краеведческий очерк. – Симферополь: Таврия, 1979 г. – 101 с.
11. Щеглов, А.Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. - Ленинград: Наука, 1978. - 158 с.
12. Челеби, Э. Книга путешествий / Эвлия Челеби. – Симферополь: ДАР, 1999. – 144 с.
13. Виноградов К.А. Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море. – Киев: АН УССР, 1958. hydrobio.onu.edu.ua
14. Описание Крыма Мартина Броневского. Окончание - Крым. Реалии <https://ru.krymr.com/a/27697927.html>
15. Тунманн. Крымское ханство. – Симферополь: Таврия, 1990. – 96 с. litres.ru/chitat

УДК 316.347 (470.45/47+470.611.62)

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В МОЛОДЁЖНОМ СООБЩЕСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И Г. СЕВАСТОПОЛЯ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)¹**

*доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор Баранов Андрей Владимирович
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)*

Постановка проблемы. Тема актуальна, поскольку в условиях воссоединения Крыма и России крайне важно обеспечить межэтническое и конфессиональное согласие в региональном сообществе, равно как и укрепить ценности, ориентации, установки российского патриотизма. С особой остротой эти задачи стоят применительно к студенческой молодёжи Республики Крым и г. Севастополя, от активности которой во многом зависит будущее межэтнических отношений на полуострове. В этом контексте необходимо выявить реальное состояние общественного мнения студенческой молодёжи всего Крымского полуострова и тенденции его развития. Мы разделяем субъектно-деятельностный подход к исследованию межэтнических коммуникаций, согласно которому ориентации и установки взаимного восприятия этнических групп формируются посредством их взаимодействий, повседневного общения. Гипотеза статьи состоит в том, что межэтнические восприятия и установки поведения молодёжи г. Севастополя – города с прочными патриотическими традициями, в населении которого количественно доминируют русские, имеют выраженную специфику в сравнении с более полиэтничной Республикой Крым. Пилотажный анкетный опрос в обоих регионах проведён по единой программе, разработанной для реализации грантового проекта РФФИ под руководством д-ра полит. наук, проф. И. В. Юрченко. Ранее по этой же программе проведён пилотажный опрос общественного мнения студенчества в Республике Крым (октябрь 2017 г.) под руководством д-ра социол. наук, проф. В. А. Чигрина (выборка 90 чел.), результаты которого изложены в статье А. В. Баранова, М. В. Донцовой и В. А. Чигрина [1].

Изложение основного материала исследования. Среди предшествующих исследований научной проблемы выделяются по значению: монография этнопсихолога К. В. Коростелиной (2003 г.) [2]; монография социологов и историков Н. В. Киселёвой, А. В. Мальгина, В. П. Петрова и А. А. Форманчука (2015 г.) [3]; статья этносоциологов В. И. Мукомеля и С. Р. Хайкина (2016 г.) [4]. Вместе с тем, специализированные исследования общественного мнения крымской и севастопольской молодёжи по этническим вопросам публикуются редко. Политическая обстановка на полуострове развивается настолько быстро, что необходим постоянный регулярный мониторинг межэтнических коммуникаций, кстати, предписанный федеральным законодательством.

Цель работы – определить тип межэтнических коммуникаций в молодёжном сообществе Республики Крым и г. Севастополя по итогам самостоятельного пилотажного опроса студенческой молодежи (октябрь – декабрь 2017 г.). Автор сосредоточил внимание на таких аспектах темы, как восприятие уровня безопасности, ориентации и установки межэтнических отношений, отношение к миграции.

Теоретической основой работы является конструктивистская парадигма этничности, с точки зрения которой социально значимые этнические различия осмысливаются в качестве проявлений коллективного и

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

индивидуального самосознания, а этнические границы воспринимаются как подвижные и производные от самоидентификации индивидов и групп [5].

Опрос носил пилотажный характер. Исследование в г. Севастополь непосредственно проведено в декабре 2017 г. канд. филос. наук, доц. Л. Н. Гарас (выборка 50 чел.). Выборку составили бакалавры и магистранты Севастопольского государственного университета, поровну – обучающиеся по социально-гуманитарным и техническим направлениям. Выборка пропорциональна по гендерному составу: 23 женщины и 27 мужчин, соразмерно представлены студенты всех курсов (возраст 18-22 года). Этническая самоидентификация опрошенных отличается от состава всего населения г. Севастополя, зафиксированного переписью 2014 г., что объясняется составом студентов. В выборке русские составили 74%, украинцы – 6%, белорусы – 4%, крымские татары – 4%, а 12% не указали свою этничность. По итогам переписи 2014 г., среди всех постоянных жителей г. Севастополя было 81,1% русских, 14,2% украинцев, 1,5% крымских татар, 1,0% белорусов, а не указали этничность 4,9% [3, с. 135-141]. Религиозная самоидентификация респондентов такова: православных – 20%, христиан – 22%, атеистов – 16%, не указавших свою позицию – 34%, а также по 1 чел. – буддист, язычник, теист, «просто верующий».

Декларируемая степень значимости этнической принадлежности человека в повседневном общении опрошенных студентов умеренна. Считают этничность значимой (ответ «Скорее, да») 16% респондентов (для сравнения – в Республике Крым 21,2%), не считают (ответ «Скорее, нет») – 74% (в РК – 70,6%), а затруднились ответить 10% в Севастополе и 8,2% в РК. В ситуациях, требующих доверия и риска (совместное дело, финансовые операции, лечение близких и т.д.), значение этнической принадлежности человека повышается лишь до 18% (в РК – до 29,4%) [1, с. 12-13]. Эти пропорции мало различаются по этническим подвыборкам.

Характер межэтнических отношений в г. Севастополе положительно оценивается относительным большинством респондентов (44%) как «доброжелательность, мирное сосуществование» (почти не отличается от мнения студентов в РК – 43,5%) либо «терпимость» (26% в Севастополе и 30,6% в РК), «доверие» (10% ответов в Севастополе и 7,1% в РК). Напряжёнными межэтнические отношения сочли 20% опрошенных в Севастополе и 17,6% в республике, а конфликтными – никто в Севастополе и 1,2% в РК [1, с. 12-13].

Вероятность реальных межэтнических столкновений в своём городе оценивается респондентами в среднем на 29,6 баллов из 100 максимальных (опрошенные в Республике Крым студенты дали оценку 36 баллов) [1, с. 13]. Важно, что оценка вероятности реальных межэтнических столкновений более высока среди студентов технических направлений подготовки в г. Севастополе (32,3 балла в сравнении с 26,8 в подвыборке студентов-гуманитариев).

Будущее межэтнических отношений в городе воспринимаются опрошенными студентами противоречиво. Считают, что через 5 лет характер межэтнических отношений, «скорее, улучшится», 28% респондентов в г. Севастополе и 10,6% – в республике; «не изменится» – 40% в Севастополе и 32,9% в РК; «скорее, ухудшится» – 8% в городе и 18,8% в республике; затруднились с ответом 24% в Севастополе и 37,7% в Республике Крым. Ввиду малого числа украинцев и крымских татар в севастопольской выборке их ответы не репрезентативны. В то же время характерно, что опрошенные в Республике Крым студенты-украинцы предпочли ответы о неизменности межэтнических отношений в регионе либо уклонились от ответа. В подвыборке опрошенных крымских татар считали, что межэтнические отношения «скорее улучшатся» – 6,7%, «никак не изменятся» – 26,7%, «скорее ухудшатся» – 20%, а затруднились с ответом – 46,6% [1, с. 12-13]. Таким образом, риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар.

Студенты г. Севастополя и Республики Крым достаточно скептически оценивают наличие трудовой конкуренции между постоянными жителями и мигрантами в своём регионе. Признают эту конкуренцию «скорее, реальной проблемой» 26% опрошенных в Севастополе и 28,2% – в РК, считают её «скорее, надуманной проблемой» 40% в Севастополе и 35,3% – в республике, а уклонились от ответа 34% в городе и 36,5% – в республике. Причиной достаточно терпимого восприятия миграции является относительно сниженный уровень конкуренции на рынке труда Крыма в сравнении с Краснодарским краем. Однако в подвыборке крымских татар, опрошенных в РК, степень признания трудовой конкуренции с мигрантами достигает 33,3%, а в подвыборке украинцев – 44,4% [1, с. 12-13]. Следовательно, модальность восприятия миграции зависит от этнической самооценки респондентов.

Вместе с тем, опрошенные студенты Севастопольского государственного университета разделились поровну в проективной оценке предпочтительной стратегии миграционной политики – нацеленной на привлечение переселенцев или на ограничение их притока. Полагают, что мигранты «скорее, способствуют развитию региона» 24% респондентов, а 20% – напротив, считают, что мигранты «скорее, препятствуют его развитию». Такие распределения оценок делают необходимой просветительную работу органов власти, учреждений образования и СМИ, коммерческих структур, приглашающих трудовых мигрантов.

Охарактеризованный характер межэтнических отношений, бесспорно, соподчинён общей оценке респондентами уровня безопасности в Севастополе и Крыму. Считают, что г. Севастополь можно назвать стабильным регионом, 40% опрошенных молодых людей, а называют свой город нестабильным 36%. Чувствуют себя защищёнными в аспекте финансовой безопасности 32% опрошенных в Севастополе и 28,2% – в Республике Крым. Ощущают себя в имущественной безопасности 58% в городе и 45,9% – в республике, в физической безопасности – 64% в Севастополе и 51,8% в РК, а в правовой безопасности – только 28% в городе и 24,7% респондентов в республике [1, с. 11]. Иерархия уровней субъективного восприятия безопасности в городе и республике одинакова. В наибольшей мере молодые крымчане ощущают физическую и имущественную безопасность, а в наименьшей мере – правовую и финансовую.

Доверяют в большей мере российской государственной власти, чем оппозиции, 38% респондентов в Севастополе и 29,4% в Республике Крым. Преобладает нейтральное отношение к данным институтам – 58% в городе и 65,9% в республике. Скорее, оппозиции, чем действующей власти доверяют 4% севастопольских респондентов и 4,7% опрошенных в РК [1, с. 11-12].

Допускают возможность личного участия в массовых акциях протеста против сокращения уровня жизни, «несправедливых действий» органов власти, в защиту своих прав 10% опрошенных в г. Севастополе и 35,4% в Республике Крым, а не допускают такой возможности 62% в городе и 54% – в республике [1, с. 12]. Важно,

что различий установок протестной активности по этническим подвыборкам нет ни в городе, ни в республике.

Сделаем выводы статьи. Приведённые итоги пилотажного опроса студенческой молодёжи г. Севастополя и Республики Крым нуждаются в перепроверке после реализации анкетных опросов с массовой выборкой. Целесообразно расширить рамки объекта исследования, включив в выборку работающую молодёжь и старшеклассников средних школ. В анкету предполагается добавить вопросы об иерархии коллективных идентичностей респондентов (национальной, этнических, религиозных, региональной, локальных и др.), а также вопросы о межэтнических дистанциях. Вероятно, необходимо также проведение одновременного с массовым экспертного опроса в обоих субъектах Российской Федерации.

Установки опрошенной студенческой молодёжи по преимуществу демонстрируют модель избегания межэтнического конфликта, добрососедских межэтнических отношений. Межэтнические коммуникации в г. Севастополе более устойчивы и позитивны, чем в Республике Крым. Одновременно наблюдается латентная конфликтность, связанная с восприятием статуса этнических групп региона, их поведения в публичной политике, возможных намерений повысить свой коллективный статус. Риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар. Модальность восприятия миграции зависит от этнической самооценки респондентов. Наиболее позитивно воспринимают трудовую миграцию на полуостров опрошенные студенты – русские, а относительно сдержанно – крымские татары и украинцы.

Восприятие уровня безопасности в Крыму студенческой молодёжью в целом позитивное, но отмечено сниженное восприятие уровня правовой и финансовой безопасности. Это объясняется трудностями перехода крымского регионального сообщества на российское законодательство, а также финансовыми трудностями, вызванными блокадой полуострова.

Выводы. Учитывая особое положение, в котором находятся г. Севастополь и Республика Крым, – пограничность, информационная война со стороны стран Запада и Украины, повышенная открытость молодёжи контактам с украинским пространством, – необходима целенаправленная политика реинтеграции молодёжи Крымского полуострова в российское социокультурное и политическое сообщество, направленная на формирование прочной и осознанной приверженности российской нации. В проведении такой политики социологические исследования и политическая экспертиза призваны стать важным и профессионально реализуемым направлением.

Аннотация. Определена типология межэтнических коммуникаций в молодёжном сообществе Республики Крым и г. Севастополя по итогам самостоятельного пилотажного опроса студенческой молодёжи (октябрь – декабрь 2017 г.). Выявлены особенности восприятия межэтнических отношений в сравнении студенчества двух субъектов федерации, этнических подвыборок. Раскрыты причины данных особенностей. Установки студенческой молодёжи по преимуществу демонстрируют модель избегания межэтнического конфликта, добрососедских межэтнических отношений. Межэтнические коммуникации в г. Севастополе более устойчивы и позитивны, чем в Республике Крым. Наблюдается латентная конфликтность, связанная с восприятием статуса этнических групп, их политического поведения, возможных намерений повысить коллективный статус. Модальность восприятия миграции зависит от этничности респондентов. Наиболее позитивно воспринимают миграцию на полуостров студенты – русские, а относительно сдержанно – крымские татары и украинцы.

Ключевые слова: межэтнические коммуникации, молодёжное сообщество, опросы, Республика Крым, Севастополь.

Annotation. The article defines the typology of interethnic communications in the youth community of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol following the results of an independent pilot survey of student youth (October – December 2017). Peculiarities of perception of interethnic relations in comparison of students of two subjects of the federation, ethnic subsamples are revealed. The reasons for these features are revealed. Attitudes of student youth primarily demonstrate a model of avoidance of interethnic conflict, good neighborly inter-ethnic relations. Interethnic communication in Sevastopol is more stable and positive than in the Republic of Crimea. There is a latent conflict, associated with the perception of the status of ethnic groups, their political behavior, possible intentions to raise the collective status. Modality of the perception of migration depends on the ethnicity of the respondents. The most positive are the migration to the peninsula by students - Russians, and relatively restrained - Crimean Tatars and Ukrainians.

Keywords: interethnic communication, youth community, surveys, the Republic of Crimea, Sevastopol.

Литература:

1. Баранов А. В. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ / А. В. Баранов, М. В. Донцова, В. А. Чигрин // Общество: социология, психология, педагогика. – Краснодар, 2017. – № 11. – С. 10–14.
2. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / пред. редкол. А. Е. Суринов. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. – С. 135–141.
3. Киселёва Н. В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. – Симферополь: Салта, 2015. – 352 с.
4. Коростелина К. В. Научно-теоретические проблемы изучения социальной идентичности. Вып. 2. Исследование социальной идентичности на пути к примирению в Крыму / К. В. Коростелина. – Симферополь: ДОЛЯ, 2003. – 360 с.
5. Мукомель В. И. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей / В. И. Мукомель, С. Р. Хайкин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 3. – С. 51–68.
6. Тишков В. А. Российский народ / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2013. – С. 40–60.

*студентка 4 курса, кафедры истории, краеведения
и методики преподавания истории Билецкая Татьяна Ивановна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта);
кандидат педагогических наук, доцент Бекирова Эльмира Шевкетовна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Исследования по истории возникновения религиозных общин в немецких колониях, и особенности развития этих общин, являются важнейшей составляющей отечественной историографии, однако вопрос их становления в современной литературе разработан недостаточно.

Изложение основного материала исследования. Тема возникновения евангелическо-лютеранской общины в Крыму была рассмотрена в работах Лаптева Ю. Н., Кашенко С.Г., Лиценбергер О.А., и Плохотнюк Т.Н. Итоги их исследований отображены в материалах международных научных конференций, а так же в форме статей содержащихся в журнале «Очерки истории и культуры Крыма».

По вероисповеданию немецкое население Крыма являлось большей частью христианами, и придерживалось двух крупных течений – протестантизма и католицизма. В Крыму они имели свои течения, церкви и секты: лютеранские, реформаторские, меннонитские, баптистские, адвентистские и др. Наиболее крупным и значимым направлением в сектанстве немцев были многочисленные группы, образовавшиеся под влиянием меннонитов, сюда входили различные : танцующие братья, гюпферы, вюстисты и др. Характерной особенностью всех немецких колоний было то, что они основывались по религиозному признаку то есть немцы различных вероисповеданий селились отдельно друг от друга [3].

Из всех протестантских конфессий евангелическо-лютеранская пользовалась особой популярностью, а впоследствии и покровительством со стороны правительства. Указы от 22 мая 1828г. и 28 декабря 1832 г. способствовали её усилению и оформлению особого положения среди прочих исповеданий. Благодаря этим законам был разработан устав евангелическо-лютеранской церкви, строго соответствующий ее основополагающим догматам веры во всей полноте и неприкосновенности. Законы способствовали переходу евангелическо-лютеранской церкви в разряд официальной религии, поставив в один ряд с православной. С одной стороны закон допускал единение всех евангелических организаций, но, с другой стороны, устанавливал чисто лютеранский церковный порядок. Этому способствовала заключенная в 1820 году уния между лютеранами и реформаторами, по которой последователи обоих вероисповеданий, существенно различных между собой по догмам и основным началам веры, стали ходить в одну церковь (как правило в лютеранскую), иметь одних пасторов и общие приходы. Старейшими объединенными общинами являлись – Найзацкая и Цюрихтальская [1].

Под конец XIX века в Крыму было 186 евангелическо-лютеранских общин, 22 католические общины, 29 меннонитских общин и 10 общин сепаратистских [2].

Религиозная жизнь в колониях была активной. Поскольку со стороны русского правительства обеспечивалась свобода вероисповедания, колонисты вносили немалые суммы денег в качестве пожертвований на строительство церквей. Церкви строились собственными силами. Распределённый общиной церковный налог охотно вносился , а участие в строительстве поощрялось и считалось почётным. Во многих средних и больших селениях имелась церковь с колокольней, в селениях поменьше – молитвенный дом [1].

В архитектурном плане церкви имели элементы традиционного немецкого церковного строительства. Большие церкви имели колокольни. В каждой церкви обязательно стоял доставленный из Германии орган, или более простой инструмент – гармоний. Позднее их стали изготавливать на местах или привозить из инструментальной мастерской Карла Гааза в Одессе. Проповеди в церквях велись на немецком языке [1].

Церкви и моленные дома часто посещались колонистами. По воскресеньям они были переполнены. Из всей семьи в доме оставался лишь один человек. Воскресный покой соблюдался образцово. По воскресеньям днем не работали, даже во время уборки урожая или молотбы. Церкви так же строились и в городах, а не только в колониях [4].

В Симферополе Лютеранская кирха была построена в 1840 году. Имела лицевой фасад и звонницу, а в 1891 году кирха была окружена решетчатой оградой, разработанной архитектором Г. Геккером. Симферопольский евангелическо-лютеранский приход состоял из немцев и эстонцев. Богослужения в Кирхе проводились поочередно. При кирхе действовало евангелическо-лютеранское училище, открытое в 1845 году [2].

В Феодосии лютеранская кирха была перестроена из мечети и открыта в 1876 году. Богослужения в ней проходили довольно редко, приход был небольшим и состоял из 75 человек, а пастор жил в 35-ти верстах от города. Постепенно феодосийская община разрасталась. В 1910 году городское управление безвозмездно предоставило общине « место под постройку церкви», с условием, чтобы через три года община приступала к строительству, а старое здание возвращалось городскому управлению. Проект постройки кирхи составлял городской архитектор Кейлис [1].

На заседании церковного совета, была собрана сумма в размере 12,5 тыс. рублей. Общество так же обладало государственными бумагами, оценёнными в 9 тыс.рублей. Таким образом церковный совет обладал суммой около 24 тыс.рублей. Сумму на внутреннее убранство церкви хотели просить в вспомогательной кассе пожертвований. Кирху решено было назвать Екатерининской, в честь памяти императрицы. В июле 1913 года была сделана закладка будущего здания. В сентябре председатель и секретарь были ознакомлены с проектом здания и сметы, и Таврическое губернское правление утвердило проект здания и смету. По всей видимости, будущие события первой мировой войны, революции и гражданской войны не позволили

осуществиться планам феодосийской общины. Подтверждением этому служит и тот факт, что в 20-е годы богослужения по-прежнему проводились, в старом здании, перестроенном из мечети [2].

Одной из самых красивых и больших была кирха в Керчи, она насчитывала около тысячи прихожан, немцев и эстонцев. В 1903 году лютеранской общине города Керчь было разрешено строительство кирхи Святого Николая, построенная в 1904 -1908 годах она являлась прекрасным образцом готического зодчества на полуострове. Однако в 1924 году кирха закрылась, в 1932 в ней открыт кинотеатр «Новая Заря». В годы Великой Отечественной войны перед кирхой захоронили немецких солдат и офицеров. А после войны опять открыли кинотеатр «Родина», могилы были заброшены. В 1957 году снесен шпиль с колокольней. В начале 1990-х годов кинотеатр закрылся, здание передали на баланс городскому роддому, захоронения перенесены в другое место. В 1995 году здание арендовало немецкое общество. Из-за отсутствия финансовых средств кирха не восстанавливалась. С 1996 года стены стали разбирать на стройматериалы. В настоящее время здание полностью разрушено [4].

В 1875 году был утверждён проект здания кирхи «Святой Марии» в Ялте. Разработан он был городским архитектором Густавом Шрайбером, а назван в честь его дочери Марии. В конце 70-х гг. кирха была построена и являлась филиалом Нейзацкого евангелическо-лютеранского прихода. В 1910 году Ялтинский приход, кроме немцев, составляли латыши и эстонцы. Богослужение и проповеди проходили на немецком и латышском языках. В ноябре 1991 году зарегистрирована лютеранская община, богослужения возобновились [1].

В других относительно крупных городах Крыма тоже были евангелическо-лютеранские кирхи, в 1887 году кирха была построена в Судак, до этого здесь был только молитвенный дом. В 1913 году предполагалось строительство кирхи в Старом Крыму, местным управлением был предоставлен участок, однако строительство так и не началось. Цюрихтальский приход ограничивался молельным домом.

Не смотря на обилие возможностей и поддержку местного управления, в городах лютеранские кирхи были распространены реже чем в сельской местности [2].

Выводы. Переселяясь в Крым в массовом порядке, немцы на новом месте проживания обычно сохраняли свою религиозную принадлежность в качестве одного из компонентов ментальности, напрямую связывающую их с оставленной ими родиной. Следствием этого фактора стало образование религиозных общин на территории полуострова. Самой популярной из них стала евангелическо-лютеранская община. Она предпринимала активные действия по строительству и реконструкции церквей, а также образованию новых приходов.

Аннотация. Религиозный фактор играл одну из главных ролей в процессе иммиграции немцев в Россию. Попав в новые экономические и общественно-политические условия, религиозная община являлась одним из центров сохранения культуры. Немецкая иммиграция оказалась представленной рядом самостоятельных церквей и сект. Они отличались друг от друга культом и организацией, но были связаны общим происхождением, и догматикой. Из всех протестантских конфессий евангелическо-лютеранская пользовалась особой популярностью, а впоследствии и покровительством со стороны правительства.

Ключевые слова: немецкие колонии, евангелическо-лютеранская церковь, религиозные общины, кирха, молитвенный дом.

Annotation. The religious factor played a leading role in the process of immigration of Germans to Russia. Having fallen into new economic and socio-political conditions, the religious community was one of the centers of cultural preservation. German immigration was represented by a number of independent churches and sects. They differed from each other in cult and organization, but were connected by common origin, and dogmatism. Of all the Protestant denominations, the Evangelical Lutheran religion was very popular, and later also patronized by the government.

Keywords: German colonies, evangelical-lutheran church, religious communities, church, prayer house.

Литература:

1. Кашенко С. Г. Система образования и религиозные верования немецкого населения Крыма. / С.Г. Кашенко // Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 1994. - № 5. – С. 3-9.
2. Лаптев Ю.Н. Немецкие религиозные общины (XIX — начало XX в.) / Ю. Н. Лаптев // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 37–49.
3. Лиценбергер О. А. Секты «танцующих братьев» и «гюпферов» в немецких колониях / О. А. Лиценбергер // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Международная научная конференция. – М., 1996.– С. 347 – 350
4. Плохотнюк Т. Н. Положение евангелическо-лютеранской церкви в России / Т. Н. Плохотнюк // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Международная научная конференция. – М., 1996. – С. 312-316.

УДК 908

ЯЛТИНСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД:1920-1923 ГГ.

*научный сотрудник Блинцов Дмитрий Александрович
ГИАК РК Ливадийский дворец-музей (п.г.т. Ливадия)*

Постановка проблемы. Одним из важнейших и градообразующих предприятий любого приморского города был и остается порт, как знаковый объект инфраструктуры. Стоит напомнить, что морские перевозки, до сегодняшнего дня являются одними из самых дешевых и выгодных. Несомненно, что история Ялтинского порта не может не привлекать внимания исследователей, так как история города и порта оказались очень тесно связаны. Задуманный и построенный еще в 19 в., порт сразу стал и визитной карточкой города и стал очень важным элементом инфраструктуры. К сожалению, ряд факторов привел к тому, что деятельность порта оказалась парализована. Дело в том, что начало Первой мировой войны, привело к тому, что перевозки морем конечно-же сократились, а сам курорт был вынужден смириться с возникшим положением, переходя на роль прифронтового города. Так, в 1914 году были запланированы, и даже начаты работы по углублению северной части набережной, для увеличения возможностей порта по приемке судов и грузов, для чего были

заготовлены материалы. Однако, ввиду начавшихся боевых действий все работы были приостановлены. Из-за отсутствия землечерпательных работ, сократилось число судов, которые порт мог принять у своих причальных линий, что серьезным образом сказалось на работе порта [2, л. 127].

Изложение основного материала исследования. К сожалению, из-за войны проблемы порта не решались, и это привело к накоплению критической массы проблем, которые препятствовали полноценному функционированию порта. Революционные события февраля и октября на первый взгляд не отразились на порту, однако это было не так. С началом Гражданской войны, начавшейся в России, порт стал выполнять, помимо своих естественных функций еще и роль бункеровочной (бункеровка-от морс. «бункер», т.е. ящик для угля) базы для военных и транспортных судов, в нем находили укрытие позднее и суда стран Антанты, введенные в Черное море по окончании Первой мировой войны. Однако теперь, в условиях разрухи и разрушения централизованной системы управления и снабжения, все проблемы выступили наружу. Так, уже в 1919 году Ялтинский маяк освещался при помощи настольной лампы из-за отсутствия керосина. Конечно-же это серьезно ограничивало возможности судоходства в целом, и в том числе в районе Ялты. Но, вскоре маяк был и вовсе потушен, ввиду отсутствия керосина, для горелки [2, л. 190]. В условиях разрухи и отсутствия финансирования, работники порта стали покидать свои места, что отразилось в докладной записке начальника ЯМП Попова в Отдел торговых портов и торгового мореплавания от 11 июня 1920 года. Более того, он также отметил, что на балансе порта не имеется никаких плавсредств, которые могут быть использованы для обеспечения функционирования, даже минимального, порта. Но говоря объективно, следует отметить, что порт несмотря на текущие недостатки и проблемы, продолжал ограниченно работать. В 1919 году в порт было завезено, для городских нужд:

112000 пудов угля,

258986 пудов муки,

13794 пуда сахара,

16644 пуда рыбы и так далее. Эти цифры позволяют нам сделать вывод о том, что в данной ситуации

поставки продовольствия в город морским путем стали основной функцией порта, с которой он, смог вполне успешно справиться. В порту удалось сохранить костяк работников, которые продолжали свою деятельность. Однако веяния военного времени дошли и до порта. Вводится должность коменданта, который, будучи военным, обладает большими полномочиями и обеспечивает уже военный характер деятельности порта, при особой надобности подчиняя всю его деятельность военным нуждам.

В дальнейшем деятельность порта стала еще более регламентирована. В 1920 году, для выхода судна в море требовалось получить по крайней мере несколько разрешительных документов: от Начальника Севастопольского отделения Транспортной флотилии, от руководства Тоннаж бюро (Это Тоннаж-Бюро состояло из представителей всех пароходных обществ, и назначение его состояло в распределении тоннажа для выполнения морских перевозок по нарядам намортрана. Намортран, получая от различных управлений задания на перевозки государственных грузов, как оперативных, так и продовольственных, в случаях невозможности выполнения этих перевозок на транспортах Морского ведомства давал наряд Тоннаж-Бюро, причем в таких случаях Тоннаж-Бюро само выбирало необходимые для данных перевозок суда) [3]. Серьезные проблемы в 1920 году начались с топливом, прежде всего с дровами и углем, выдача которого была также строго регламентирована. Ситуация, даже обострилась до того, что руководство порта было вынуждено обратиться к Морскому ведомству (в отдел снабжения) с просьбой о выдаче нескольких тысяч пудов нефти с баржи №43, находящейся в Ялтинском порту [2, л. 130].

Стоит отметить, что Ялтинский порт сыграл свою роль и в исходе Белого движения из Крыма. Уже в июне начальнику порта было предано предписание о запрете выдачи разрешения для выхода за границу капитанам парусно-моторных шхун, ввиду возникающей потребности в проведении эвакуации частей ВСЮР из Крыма [2, л. 604]. Из Ялты планировалось эвакуировать около 5000 человек, на пароходах РОПИТ и Ространса.

Новая страница в истории порта начинается в 1920-е годы, когда новая власть обратила самое пристальное внимание на нужды порта, справедливо полагая, что его возможности будут способствовать развитию города. Прежде всего, в январе 1921 года была подготовлена смета на производство первоочередных работ, в порту. На ремонт гидротехнических сооружений планировалось выделить 1378000 рублей, дноуглубительные работы требовали не менее 4500000 рублей, на организацию телефонной связи от управы порта до маяка-90000 рублей. Порт в 1923 году получает в свое распоряжение ряд плавсредств, что позволяет наконец-то организовать планомерную и эффективную работу, направленную на улучшение показателей, связанных с функционированием порта. Малый моторный катер «Славянка», малый водолазный баркас, 6-ти весельная шлюпка и обычная шлюпка, позволяли руководству порта проводить инспекционные выезды, выполнять водолазные работы в рамках акватории порта, проводить карантинные мероприятия в отношении прибывающих в порт судов. В порту была организована артель грузчиков, в которой работало 98 человек, немного, но в масштабах города вполне приемлемая цифра, говорящая о том, что порт стал местом работы, для нескольких сотен жителей города, с учетом других портовых работников.

Одной из главных задач, стоявших перед руководством порта, было увеличение грузооборота, по сравнению с дореволюционным периодом. Сравнение показывает, что объем грузов, проходивших через Ялтинский порт упал в разы: с 10 млн. пудов, до 1млн. 300 тыс. пудов в 1921-1922 году (почти в 9 раз). Однако наметилась положительная тенденция по перевалке грузов и увеличению пассажиропотока [1, л. 80]. Отмечалось, что за три с лишним года, после описываемых событий идет постоянный рост пассажиропотока, с 59 603 человек в 1925 году, до 76 011 человек в 1927 году, что позволяет сделать вывод о том, что доступность морских перевозок и развитие города как курорта предопределило сам рост перевозок.

«Ялтинский порт является единственным портом в СССР, как порт показательный и представительский, для иностранных делегаций, для жителей республик, прибывающих на южный берег для отдыха и лечения.» На территории порта находились конторы таких учреждений как Крымтабаксиндикат, Курортное управление, которое отвечало за прием и размещение граждан на отдых и лечение, Крымнефтьсиндикат. В порту также находятся агентство Государственного Черноморско-Азовского пароходства, контора Доброфлота. Основные статьи экспорта: виноград, вино и виноматериалы, табак. Импорт: мука, крупы, соль, рыба и зерновые. Ялтинский порт также являлся источником финансовых вливаний в бюджет. За период с 1.01.1923 по 1.10.1923 в бюджет было перечислено 1079240 рублей 61 коп. (в т.ч. 5 рублей золотом) [1, л. 85].

Для порта основным источником дохода являются портовые сборы, подразделяющиеся на основные и дополнительные. Тариф составлял 24 копейки золотом, за каждую регистровую тонну вместимости судна, заходящего в порт и использующего его инфраструктуру и мощности, причем такой-же тариф действовал в отношении и иностранных судов, с которыми был заключен соответствующий договор на оказание соответствующих услуг. Интересно, что за 1922 год порт посетило 303 судна, в том числе и 20 иностранных, по большей части турецких, хотя были и греческие суда. Это позволяет сделать вывод о том, что несмотря на сложную политическую и экономическую обстановку в регионе, уже в 1922 году, складывается практика взаимодействия с иностранными судовладельцами на предмет взаимодействия и обслуживания. Ялтинский порт являлся также и центром каботажных (прибрежных перевозок), которые позволяли связать Ялту с поселками Симеиз, Алушта, Мисхор, Алушка, и которые осуществлялись при помощи небольшого парохода «Гурзуф». Важную роль Ялта играла и в деятельности грузопассажирской линии Кавказ-Одесса, так как через нее курсировали пароходы, заходившие в порт по понедельникам и пятницам, курсом в Одессу и по субботам, шедшие в обратном направлении. В основном это были пароходы, ранее работавшие в РОПИТе, и оставшиеся в Крыму (чаще всего из-за технических причин). В Ялту часто заходили такие пароходы, как «Чичерин», «Пестель», «Ильич», «Игнатий Сергеев».

Однако к этому времени еще существовали не разрешенные проблемы, связанные с непосредственной деятельностью порта. Прежде всего, не была организована метеорологическая служба порта, отсутствовал также надзор за маломерными судами и плавсредствами. Эту функцию выполняли командированные сотрудники Одесского бюро технического надзора.

Выводы. Подводя итоги деятельности Ялтинского порта за указанный период, можно отметить, что несмотря на различные периоды, порт продолжал функционировать с разной степенью эффективности, играя значительную роль в жизни и деятельности города. С установлением советской власти порт начинает приобретать важное значение, уже как объект международной инфраструктуры.

Аннотация. В статье рассмотрены этапы становления и развития порта в послереволюционный период, позволяющие охарактеризовать его роль и значение в экономической жизни региона, и то значение которое ему придавала советская власть.

Ключевые слова: порт, морские перевозки, Ялта, сообщение, корабли, инфраструктура.

Annotation. The article describes the stages of formation and development of the port in the post-revolutionary period, allowing to characterize its role and importance in the economic life of the region, and the importance that he attached to the Soviet government.

Keywords: port, sea transportation, Yalta, communication, ships, infrastructure.

Литература:

1. ГАРК. Ялтинский морской торговый порт Черноморского морского пароходства, г. Ялта Крымской области. - Ф.Р - 1599. - Оп. 1. - Д. 35.
2. ГАРК. Ялтинский морской торговый порт Черноморского морского пароходства, г. Ялта Крымской области. - Ф.Р - 1599. - Оп. 1. - Д. 13.
3. Гутан Н. Краткий очерк действий флота при эвакуации Крыма в ноябре 1920 года / Флот в Белой борьбе. / Составление, научная редакция, предисловие и комментарий доктора исторических наук С. В. Волкова. — М.: Центрполиграф, 2002. (Научно-просветительное издание) — 607 с.- URL:<http://militera.lib.ru/h/whitefleet/index.html> (дата обращения 17.03.2018)

УДК 94:355.241.2"1941/1945"

СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТСКИХ ЗАВОДОВ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*студент 4 курса кафедры истории, краеведения
и методики преподавания истории Волянюк Дмитрий Владимирович
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. В условиях Великой Отечественной войны вся экономика СССР была переведена военный лад. Все отрасли промышленности были перестроены на создание тяжелой техники. 30 июня 1941 года, в СССР был создан Государственный Комитет Оборона (ГКО). Члены ГКО контролировали различными отраслями по выпуску тяжелой техники и боеприпасов. Плановая перестройка промышленности, созданная к началу войны, способствовала быстрой перестройке народного хозяйства. Более 60% всей натуральной продукции было передано на военные нужды. Следует выделить три основных этапа ее развития с 1941 – 1945 гг., а именно:

1. Эвакуация промышленности на Восток и деление производственных сил в указанном районе.
2. Полная перестройка всей промышленности на военный лад.
3. Появление массированного производства вооружения, внедрение в промышленность перспективных образцов новейшего вооружения и модернизация довоенной техники [4, с. 179-182].

Изложение основного материала исследования. По официальным данным, с 1942 г. были перевезены и введены в эксплуатацию 1523 тыс. предприятий, в том числе 1360 тыс. оборонных. Оборудование крупных заводов Москвы, Ленинграда и других промышленных городов перевозилось частично или полностью на приготовленные заранее площадки предприятий. После эвакуации предприятия, которое производило военную продукцию, передавали в ведомство оборонных наркоматов. Челябинский тракторный завод в годы Великой Отечественной войны был переименован в Кировский Челябинский завод. Наряду с выпуском тракторов, завод выпускал танки КВ. В конце 1941 г. завод полностью перешел на выпуск танков. В целом процесс эвакуации протек с огромными трудностями, в частности с перевозкой оборудования и размещением на новом месте. В короткие сроки не успевали провести монтажные работы, что задерживало восстановление эвакуированных предприятий. Отставание монтажных работ объяснялось следующими причинами:

1. После эвакуации большинства предприятий выбор оборудования для демонтажа проводился случайным образом. Значительная часть оборудования шло поездами и в отдельных вагонах. Большинство поездов простаивают на станциях более недели.

2. Острый недостаток квалифицированных рабочих, в частности токарей, шлифовальщиков и слесарей.

3. Большинство восстановленных предприятий нуждалось в электроэнергии, особенно на Урале [3, с. 281-283].

Вначале 1941 г. на территории СССР находилось четыре функционирующих танкостроительных завода. Одним из крупных был Харьковский паровозостроительный завод №183. По оценкам Главного автобронетанкового Управления предприятие на начало 1941 г. производило 100-200 танков в месяц. На момент начала войны производительная мощность завода увеличилась, что позволило выпускать уже 250-300 танков в месяц. Считалось, что сборочный цех завода мог наладить производство до 500 танков в месяц, но для этого нужно было наладить поставки деталей прямо на завод.

Завод имел более ста поставщиков деталей, в том числе и крупные предприятия Харькова. Тесные связи были налажены с Харьковским тракторным заводом. Производство на ХТЗ, на момент освоения Т-34, происходило в меньших масштабах, с использованием универсальных станков. С 1932 по 1939 гг. завод выпускал от 500 до 1500 боевых единиц ежегодно.

Для полного освоения Т-34 потребовалось знание массового производства, но полностью их смогли реализовать лишь в ходе войны.

Другим крупным заводом по производству танков был Кировский завод. В 30-х гг. он выпускал танки Т-28 ограниченными сериями, занимаясь при этом выпуском танков КВ-2, которое в дальнейшем было расширено. По оценкам ГАБТУ месячное производство КВ-2 составляло 55-60 машин [1, с. 75-76].

На Ленинградском заводе №174 в начале 1941 г. производили устаревший танк Т-26, однако было запланировано заменить их производство на Т-50. Завод выпускал за месяц 160 единиц Т-26. Производственная база Ленинградского завода оставалась на среднем уровне по сравнению с другими предприятиями, однако в будущем ему пришлось отойти на второй план в танкостроении СССР.

Московский танковый завод №37 был четвертым по количеству выпускаемой техники. На конвейерах этого завода собирали плавающий танк Т-40. Производительность завода оценивалась в выпуске 330 этих танков в месяц. Спецификой этого завода являлось то, что данный завод специализировался на выпуске легких танков, а производственная база была не приспособлена для выпуска тяжелых и средних машин.

В основном все перемещенные заводы размещались на территориях Молотовской, Свердловской, Челябинской, Куйбышевской и Новосибирской областях. На старых местах заводов находились ремонтные площадки, а в дальнейшем – новые производства.

Лидирующую позицию в создании танков одержало созданное на Урале конструкторско-производственное объединение «Танкоград». Находясь в Челябинске, руководство Министерства танковой промышленности во главе с В.А.Малышевым, был создан коллектив конструкторов, таких как: Ж.Я. Котин, Н.Л. Духов и другие. Они обеспечивали совершенствование танков и самоходных артиллерийских установок.

На площадях Кировского Ленинградского завода находилась ремонтная площадка тяжелых танков, производство запчастей, а уже в 1945 г. завод перешел к выпуску тяжелых самоходных артиллерийских установок СУ - 152. После эвакуации Московского завода № 37 им. Орджоникидзе в 1941 г. была открыта площадка ремонта автомобилей, а в середине 1942 г. – ремонт танков [2, с. 87-90].

В 1942 г. началась частичная реэвакуация заводов обратно в Москву, в частности авиационные предприятия. Трудности по возвращению заводов на прежнее место деятельности были похожи с трудностями сложившимися при эвакуации. В ходе войны начался процесс восстановления эвакуированной промышленности на освобожденных территориях. Основной целью по восстановлению военной промышленности в ходе войны оставался выпуск военной продукции для фронта [6, с. 127].

Стратегическим ресурсом для массового создания специализированной военной техники стала организация производства и внедрение последних достижений в научной сфере. Главным фактором в советском танкостроении является наличие разработок среднего танка Т-34 и тяжелого КВ. Благодаря простой конструкции танка Т-34, он был массово внедрен в производство для Советской армии.

Основной базой для создания танков на начальном этапе войны стали тракторные заводы. Самым первым из базовых предприятий стал Сталинградский тракторный завод. В довоенное время на заводе работал танковый отдел, в котором было собрано 10 танков Т-26. С января 1941 г. завод начал выпуск средних танков Т-34, вместе с тягачами. Завод выпустил порядка 1250 тыс. танков Т-34, а в 1942 г. - 2539 тыс. [5, с. 372-373].

Существенные успехи были достигнуты и в создании реактивной артиллерии. Завод «Компрессор» переключился на производство установок реактивного залпового огня «Катюш».

Во время исполнения второго пятилетнего плана было отмечено интенсивное строительство и переоснащение действующих авиационных заводов. Заводы авиастроения возникли на Украине, Ленинграде, Воронеже, Москве, где находилась основная база авиапромышленности. К 1939 г. в стране находилось 17 серийных заводов по конструированию авиации, а в 1940 г. подобные заводы строились на востоке страны. Решением правительства в 1940 г. началось строительство промышленных объектов на восточном берегу р. Волги. Было решено построить три завода, под номерами №122, №295, №377. К июню 1941 г. таких заводов насчитывалось 24 [4, с. 86-87].

Конструкторам удалось новые типы самолетов, которые не уступали иностранным аналогам. В частности были разработаны такие самолеты, как: истребитель МиГ-3, ЛаГГ-3, ЯК-1, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и штурмовик Ил-2. Главная сущность проблемы заключается во внедрении их в производство.

Саратовский авиационный завод № 292 должен был в течении трех месяцев начать серийный выпуск истребителя ЯК-1. Накануне войны в эксплуатацию был введен принципиально новый самолет-штурмовик Ил-2, который предназначался для прикрытия наземных войск. Воронежский самолетостроительный завод №18 им. К.Е. Ворошилова также наладил выпуск штурмовиков.

Московский завод №1 начал серийный выпуск истребителей МиГ-3, Горьковский авиационный завод №321 и Новосибирское предприятие №153 начали собирать истребитель ЛаГГ-3. Активные действия руководства Наркома авиационной промышленности, которые вкладывал огромные средства в отрасль,

привели к значительным успехам. Завод им. Ворошилова выпустил 249 Ил-2, Саратовский завод №292 -318 ЯК-1, Московский завод № предоставил 1363 истребителя МиГТ -3 [7, с. 51].

Выводы. На начальном этапе войны на судостроительных верфях находилось 3 линкора, 3 тяжелых крейсера, 14 легких крейсеров, 70 эсминцев, 18 сторожевых кораблей и 124 подводные лодки. С Николаевских судостроительных заводом № 198 и №200 и с Киевского судостроительного завода №300 удалось перебазировать 125 единиц морской техники. Заводы № 199 в г. Комсомольск - на - Амуре и завод № 402 в г. Молотовск остались в системе Наркомата судостроительной промышленности. Несмотря на плохую поставку судового оборудования, советские судостроители ко второй половине 1941 г. смогли построить 1 легкий крейсер, 1 эсминец, 17 миноносцев, 23 подводные лодки и 17 бронекатеров. 4 декабря 1941 г. ГКО отметил, что свертывание военного судостроения недопустимо и что выполнение военной программы по судостроению стоит рассматривать в числе самых главных [6, с. 236].

Аннотация. В статье рассматривается работа советских заводов и инженеров по производству военной техники в тяжелые годы войны. Рассматриваются основные действия по перестройке экономики Советского союза на военный лад. Главной целью советского руководства была эвакуация действующих заводов на Дальний Восток, а также перевооружение имеющихся предприятий на выпуск тяжелой техники.

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик, заводы, инженеры, Государственный Комитет Оборон, авиационное строительство, судостроение, танковая промышленность, экономика.

Annotation. The article examines the work of Soviet factories and engineers in the production of military equipment in the difficult years of the war. The main actions to restructure the economy of the Soviet Union in the military way are considered. The main goal of the Soviet leadership was the evacuation of existing factories to the Far East, as well as the re-equipment of existing enterprises for the production of heavy equipment.

Keywords: Union of Soviet Socialist Republics, factories, engineers, State Defense Committee, aviation construction, shipbuilding, tank industry, economy.

Литература:

1. Бакурский, В. А. Оружие победы / В. А. Бакурский, Б. В. Соломонов, С. Л. Федосеев. – М.: РОСМЭН – ПРЕСС, 2005. – 184 с.
2. Барятинский, М. Легкие танки Второй мировой. – М., 2007. - 176 с.
3. Ермолов А. Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. – 310 с.
4. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства в управление. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1996. – 336 с.
5. Фосс, Ф. К. Танки и боевые машины. – М., 2002. – 448 с.
6. Широкоград, А. Б. История авиационного вооружения: краткий очерк. – Минск: Харвест, 1999. - 560 с.
7. Якубович, Н. Истребитель ЯК-9: заслуженный фронтовик. - М.: ЭКСМО, 2008. - 112 с.

УДК 371

КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КAVKAЗE В XIX ВЕКЕ

*студент 62/1-И, направление подготовки
46.04.01 «История» Зубарев Артур Владимирович
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта);
кандидат педагогических наук, доцент Бекирова Эльмира Шевкетовна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Во время Кавказской войны Российская империя начала проводить колониальную политику. Целью колониальной политики была ассимиляция народов Кавказа и превращение этого региона в неотъемлемую часть государства.

Российская империя с целью усиления своих позиций в Кавказском регионе проводит переселенческую политику. По этому поводу представители имперской политики России писали: «стишком много Россией средств затрачено для того, чтобы Россия могла отказаться от Кавказа, и Кавказ является органической и неотъемлемой частью России во веки веков» [8, С. 270]. Согласно колониальной политике Российская империя переселяет в Кавказский регион русских, армян, немцев. Таким образом, в среду кавказского населения вводился иноземный, иноэтничный, иноязычный и иноконфессиональный компонент. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе преследовала создание себе в этом регионе этноконфессиональной базы. Исходя из выше изложенного видно, то Российская империя стремилась поглотить Кавказ в этническом, культурном и религиозной сфере для стабилизации своей власти в этом регионе.

По мнению В.М. Кабузана переселенческую политику Российской империи на Северном Кавказе можно разделить на несколько этапов:

В 1860-е гг. характеризовались заселением Кубанской области, прекращением заселения Черноморской губернии, выселением горцев в Османскую империю.

В 1870-е гг. Российская империя ограничивает переселение на Северный Кавказ. В результате увеличивается стихийно заселение территории Северного Кавказа. Также российским правительством отменяются льготы 1840-1850-х гг. для переселенцев.

В 1880-1890-е гг. российское правительство признает, что внутренние миграции крестьян полезны для империи. Однако процесс заселения территории Северного Кавказа уменьшается. Это было связано с тем, что определенная часть крестьян переселялась на территорию Дальнего Востока, Сибири и Казахстана.

Следует отметить, что в Северный Кавказ переселенцы шли с территории Левобережной Украины, Новороссии, и Центрально-Земледельческого региона [9].

Завоевание Российской империей Северного Кавказа и проводимая ей по отношению к местным этносам переселенческая, экономическая, военная и социальная политика в совокупности с культурно-религиозными отличиями привела к такому процессу как махаджирство. Данное явление представляет собой массовое переселение мусульман в мусульманскую страну из немусульманских стран. В частности в процессе махаджирства большая часть кавказских этносов поселилась во владениях Османской империи.

Изложение основного материала исследования. Проблема махаджирства позже затрагивалась в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Данная проблема носит дискуссионный характер в ходе, которой сформировалось две основные теории. По первой теории выселение коренных народов Кавказа было одним из ключевых способов завоевания новой территории и было направлено на дискриминацию прав кавказских народов [10, С. 19.]. По второй теории, которую представляет З.Б. Кипкеева, переселение народов Кавказа было связано непосредственно с завоеванием Российской империей территории Северного Кавказа. Соответственно переселение народов Кавказа носило добровольный и ненасильственный характер [7, С. 25]. Исходя из представленных теорий видно, что существует две противоположные оценки причин массового переселения народов Кавказа. Матвеев В.А. считает, что переселение народов Кавказа было частью общего континентального стабилизирующего процесса. Подобное расхождение мнений согласно замечаниям самих исследователей кроется в том, что историкам не удалось в полной мере перейти от осмысления источников до подбора фактов и их взаимосвязи [12, С. 91].

Российская империя проводила на Кавказе политику христианизации местного населения. В определенной мере политика христианизации была также частью переселения. Так для навязывания христианской религии местному населению на начальном этапе на Кавказ отправляли миссионеров, а во второй половине XIX в. Российской империя массово переселяла в Кавказский регион крестьян и казаков являвшимися адептами православия.

Однако российское правительство не учло один важный исторический факт: мусульманская культура и ислам в среде населения Кавказского региона имели многовековые глубокие корни и являлись для них факторами самосознания. Поэтому распространение христианства на территории Кавказа было малоэффективным.

На территории Северного Кавказа Российская политика преимущественно проводила русскую колонизацию. В Центральном Кавказе ключевую роль в переселенческой политике сыграл армянский этнос. Позиция России в отношении армян была основана на мнении, что «они по единому христианству под защитой российского правительства питают для собственного блага основательную преданность к российскому владычеству» [4, С. 44].

После подписания 10 июля 1774 г. между Российской и Османской империей Кючук-Кайнарджийского договора в состав России отошли территории до реки Кубань. С этого момента начинается процесс присоединения кавказских территорий Российской империей. Российское правительство для укрепления своей границы решало провести колонизацию на присоединенной территории. Поэтому в последней четверти XVIII в. около Мариинской, Павловской, Георгиевской крепостях были созданы казачьи станицы. Также на новые территории были переселены 4 тысячи российских крестьян из Тамбовского, Курского и Воронежского наместничеств [6, С. 373].

В процессе завоевания Кавказа российское правительство, заинтересованное в скорейшей колонизации этой территории переселяет на Кавказ немцев-колонистов. В связи с этим Екатериной II 27 октября 1778 г. был утвержден доклад «О переселении колонистов с луговой стороны Волги на линию, заводимую между Моздоком и Азовом» [13, С. 6]. Следует отметить, что, несмотря на предпринятые меры российского правительства, процесс немецкой колонизации Кавказского региона происходил скачкообразно и имел спонтанный характер вплоть до середины XIX в. К началу 1850-х гг. российским правительством на территории Кавказского региона было зарегистрировано только 5 немецких колоний [13, С. 7].

На азербайджанскую территорию правящая верхушка Российской империи предпочитала колонизировать армянский этнос. Такая политика российского правительства была основана на двух факторах. Во-первых, армяне являются христианами. Во-вторых, по мнению правящих кругов Российской империи, армянский этнос лучше всех был приспособлен к условиям жизни восточных стран. Подобная позиция российских чиновников обосновывалась на том, что армянская диаспора проживала в мусульманских странах и обладала высокой адаптацией в условиях изменения конфессиональных и политических условий жизни.

Колонизационная политика России в первой половине XIX в. в Центральном Кавказе стремилась уменьшить удельный вес азербайджанцев в этом регионе. После заключения в 1828 г. Туркманчайского и в 1829 г. Адрианопольского мирных договоров Российская империя переселила на территорию Северного Азербайджана 119,5 тысяч представителей армянского этноса. Процесс колонизации армянского населения на Центральный Кавказ продолжался до начала следующего столетия. В начале XX в. в Центральном Кавказе без учета Кутаинской и Тифлисской губернии проживало 1 208 615 представителей армянского этноса [2, С. 158].

Правительство Российской империи заселяло Кавказ также русским этносом. Социальную базу этой колонизации составляли русские раскольники и сектанты. В целом колонизация, проводимая российским правительством, не была последовательна. Увеличение количества русского этноса в Кавказском регионе не отвечало планам Российской империи. Параллельно с этим доминирование армянской колонизации над русской говорило о перекосах в колонизационной политике Российской империи.

На ошибки российского правительства, допущенные во время колонизации Центрального Кавказа, указывали и апологеты дореволюционной России. Представитель монархических позиций Н.Н. Шавров писал: «Нашу колонизационную деятельность мы начали не с водворения в Закавказье русских людей, а с водворения инородцев» [16, С. 63]. По мнению Ф.К. Гершельмана: «армяне не представляют собою гарантий политической благонадежности» [3, С. 70]. Г.А. Евреинов утверждал, что «Закавказье представляет обширное поприще для русской колонизации» [5, С. 103].

Только в конце XIX в. российское правительство начинает последовательно и планомерно переселять в Кавказский регион русских. Колонизация русских на Кавказ была представлена в основном православными крестьянами. Таким образом, Российская империя начала придерживаться выдвинутого тезиса: «русская

государственная власть на Кавказе была для того, чтобы действительно быть русской» [11, С. 9]. Российское правительство считало, что русская колонизация способствовала росту благосостояния и укреплению могущества Российской империи на Кавказе [15, С. 3].

Итогом русской колонизации стало создание 89 переселенческих поселка в Муганской и Мильской степях северной части Азербайджана к началу XX в. [1, С. 37]. Численность русских в Центральном Кавказе в конце XIX в. составляла 350 050 человек. В целом политика Российской империи после завоевания Кавказа была направлена на проведение колонизации, русифицирования, христианизации на приобретенных территориях.

Подводя итоги колонизации, мы видим, что Российская империя на территорию Кавказа переселяла в основном русских, армян и немцев. Приоритет в колонизаторской политике Российской империи был отдан на русификацию и христианизацию. В результате такой политике на территории Кавказа произошли количественные и качественные изменения в этнической и конфессиональной структуре.

Численность русских вначале XX в. в Северном и Центральном регионе Кавказа составила 3 760 000 человек. Причем основная часть русского населения оседала на Северном Кавказе и составляла 3 492 912 человек. Приведенная статистика говорит о том, что Российская империя проводила тотальную русскую колонизацию Северного Кавказа.

Численность немцев вначале XX в. в Кавказском регионе составляла 90 тысяч человек. Однако следует отметить, что этот этнос не пользовался благосклонностью в среде русского правительства.

Численность армянского населения на Кавказе вначале XX в. составила 1 400 000 человек. Основная часть армянского населения обосновывалась в Иреванской, Бакинской, Елизаветпольской губерниях являвшимися историческими территориями Азербайджана [2, С. 159].

Происходившие демографические изменения в кавказском регионе были основаны не только на колонизационной политике Российской империи, но и на национально-освободительном движении горцев Кавказа. Организованное и сплоченное сопротивление горцев было сломлено Российской империей в 1864 г. В частности, представители черкесского этноса «обитавшие за Кубанью, утратив с падением Шамиля надежду на возможность дальнейшего сопротивления, в главной своей массе выселились в Турцию». По сведениям, приводимым В. Линденом в тот период времени около 470 000 черкесов добровольно покинули свою родину. Оставшаяся часть горцев была подвергнута депортации со стороны Российской империи. Также российское правительство переселяло кавказские этносы с гор на территорию Екатеринодарской, Майкопского и других уездов Российской империи. Эти меры были сделаны из соображений безопасности с целью окончательной ликвидации сопротивления горцев. В результате проводимой политики Российской империей в 1915 г. в Кубанской области численность горцев составила 131 662 человек. При этом общая численность населения в Кубанской области составляла 2 598 205 человек.

Выводы. Не смотря на все предпринятые меры Российской империи, не удалось окончательно сломить сопротивление горцев. Во время Первой мировой войны в среде аджаров началась национально-освободительная война. Российское военное командование с особой жесткостью подавило это восстание. Так в долине Чорох, под командованием генерал-губернатора Батумской области Ляхова, было уничтожено 45 тысяч аджаров. Другая часть аджаров, которой удалось избежать физического уничтожения, была вынуждена бежать в соседние мусульманские страны. Еще одним примером сопротивления кавказцев служит движение гочагов среди азербайджанцев, которое происходило уже в СССР и длилось вплоть до конца 1940-х гг. Также в СССР происходило в 1920 г. Гянджинское восстание, в 1930 г. Шекинское восстание в Азербайджане, в период Второй мировой войны против советской власти выступали чеченцы, ингуши. Советское правительство успешно подавляло восстания и проводила депортацию населения. Однако следует отметить, что после 1864 г. сопротивление оказываемое горцами Российской империи, а затем и СССР не было полномасштабным, систематическим и возникало спонтанно, но все же это сопротивление подрывало военно-политическую стабильность в Кавказском регионе. Таким образом, мы видим, что Кавказский регион является нестабильным в военно-политическом плане. Политика, которая проводилась Российской империей, существенно изменила этнический состав Кавказского региона.

Аннотация. В статье рассматривается процесс колонизации Кавказа Российской империей в XIX веке. Подробно освещены проблемы переселенческой политики, христианизации и махаджирства.

Ключевые слова: колонизация, переселение, христианизация, махаджирство, русские, армяне, немцы, адыги.

Annotation. The article discusses the process of colonization of the Caucasus by the Russian Empire in the XIX century. Discussed in detail the problems of the resettlement policies of Christianization and muhajirism.

Keywords: colonization, migration, Christianization, banishment, Russians, Armenians, Germans, Circassians.

Литература:

1. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане / Х.Ю. Вердиева. – Баку, 1999. – 288 с.
2. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе / Х.Ю. Вердиева // Кавказ и глобализация. – 2007. – том I. – №5. – С. 152-160.
3. Герилельман Ф. Причины неурядиц на Кавказе / Ф. Герилельман. – СПб.: В. Березовский, 1908. – 72 с.
4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Том IV / Н.Ф. Дубровин. – СПб.: Тип. Скороходова, 1886 г. – 546 с.
5. Евреинов Г.А. Национальные вопросы на иностранных окраинах России / Г.А. Евреинов. – С.-Пб.: тип. А. Бенке, 1908. – 130 с.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. книги академик В.Б. Пиотровский – М.: Наука, 1988. – 554 с.
7. Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции : Историко-культурный аспект: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. / З.Б. Кипкеева. – Ставрополь, 2000. – 265 с.
8. Ковалевский П.И. Кавказ Т. II. История завоевания Кавказа / П.И. Ковалевский. – СПб, 1915. – 271 с.
9. Куваева А.А. Миграционная политика России на северо-западном Кавказе во второй половине XIX начале XX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Куваева // Вестник Майкопского государственного

технологического университета. – 2011. – №3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-na-severo-zapadnom-kavkaze-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-vv>

10. Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствия Кавказской войны / Т.Х. Кумыков. – Нальчик, 1994. – 115 с.

11. Липранди А.П. Кавказ и Россия / А.П. Липранди, А. Волинец. – Харьков: тип. "Мирный труд", 1911. – 262 с.

12. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.А. Матвеев. – Ростов-на-Дону: изд. Ростовский государственный университет, 2006. – 253 с.

13. Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе / Т.Н. Плохотнюк. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. – 238 с.

14. Шавров Н.А. Русский путь в Закавказье / Н.А. Шаврова. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1883. – 58 с.

15. Шавров Н.И. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам / Н.И. Шавров // Сборник. История Азербайджана по документам и публикациям. – Баку.: Элм, 1990. – С. 37

УДК 904 "653"(292.471)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАРТЕНИТА И ИСТОРИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

*студентка 4 курса кафедры истории, краеведения
и методики преподавания истории Иванова Екатерина Юрьевна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Еще просвещенные византийцы полагали, что отнюдь не стены делают города городами. Однако вопрос, имел ли средневековый Партенит укрепления, до самого последнего времени решен не был. Высказывалось предположение, что оборонительные сооружения могли дополнять скальные утесы Тепелера. Первым их остатки зафиксировал в начале прошлого века археолог Н.И. Репников. Однако, он сильно запутался в деталях местной топографии. Исследователями из Алушты А.В. Лысенко и И.Б. Тесленко проводились раскопки на Аю-Даге и в Партените и пока остатки укрепления обнаружены только при вершине Кале-Поти, наивысшей точки всего массива Тепелер [6, с. 204].

Изложение основного материала исследования. На холме Кале-Поти располагается средневековый замок. [Прил. А]. В 1969 г. Был составлен первый план объекта зафиксировавший развалы оборонительных стен, тогда же на памятнике были проведены археологические зачистки одной куртины и угла башни. О.И.Домбровский интерпретировал сооружение как руины большой укрепленной усадьбы X-XII вв., однако впоследствии видел в нем остатки крепости. В.Л. Мыц определил укрепление как замок генуэзского консула Партенита. Площадь замка – 0,054 га. В целом это сооружение неправильной в плане формы, тыльная сторона крепостной ограды, следуя рельефу холма, имеет округлые очертания, Фронтальная же часть замка образована двумя прямолинейными куртинами. Укрепление имеет полный периметр крепостных стен, охватывающий вершину холма Кале-Поти. Общая протяженность крепостных стен – около 102,0 м. Предположительно, замок состоял из двух башен и трех куртин. К сожалению, достоверность имеющегося плана укрепления, опубликованного в 1975 г. вызывают большие сомнения, но именно такая планировка замка вполне возможна [3, с. 187]. Вызвано это тем, что плановое решение замка в Партените во многом повторяет плановую схему другого генуэзского замка, расположенного на холме Кордон-Оба, в 18 км юго-западнее Каффы, называвшегося Калиера.

У конечности Тепелера в море округлым куполом выступает небольшая скала, сложенная вулканическими породами – Кучук-Ая. В литературе встречается указание, что некогда на его обращенном к берегу склоне стояла боевая башня предположительно генуэзского времени. Действительно, здесь сохранилась площадка площадью примерно 4Х4. К ней ведет узенькая, вырубленная в скале дорожка, огибающая скат скалы. Угадываются несколько камней кладки, в трещинах заметны фрагменты керамики. Так что некая средневековая постройка здесь явно стояла, но археологи склоняются к тому, что здесь не остатки башни, а небольшой церкви [6, с. 208].

Средневековые укрепления встречаются и на горе Аю-Даг, они представлены четырьмя линиями заградительных стен и кольцеобразным укреплением на вершине горы [7]. Крепостные стены первых трех рубежей в соединении с естественными особенностями рельефа Аю-Дага, видимо, создавали единую оборонительную систему, защищавшую подходы к поселениям на северо-восточном, восточном и юго-восточном склонах горы. Четвертая стена и кольцеобразное укрепление, возможно, преграждали подступы с северо-запада и запада. Последнее также, в случае военной опасности, могло служить кратковременным убежищем для населения и скота из незащищенных северо-западных и других селищ [8, с. 68].

Первая (нижняя) оборонительная стена возможно, впервые она упоминается у Н.И.Репникова. Обследована О.И.Домбровским в 1973 г. Сложена из необработанных диабазовых глыб без использования вяжущего раствора. Ширина кладок – 1,5-2 м, сохранившаяся высота – до 1,5 м. Датирована VIII-X вв. Вторая оборонительная стена, известна, видимо, с XVIII-XIX вв. Обследована Л.В.Фирсовым в 1963-66 гг. В 1969 г. изучалась экспедицией О.И.Домбровского. Датирована исследователями VIII-X вв. По сведениям Л.В.Фирсова, общая протяженность этого оборонительного пояса – 1350 м. Стена сложена из необработанных диабазовых глыб без использования вяжущего раствора. Ширина кладок – 1,5-2 м, сохранившаяся высота – до 3 м. Кольцеобразное укрепление на вершине горы известно еще с XVIIIв., однако первоеболевее или менее вразумительное описание памятника и его план принадлежат П.И.Кеппену [7]. Второй схематичный план составлен А.Л.Бертье-Делагардом и опубликован Н.И.Репниковым. В 1945 и 1950 гг. укрепление посещал П.Н.Шульц. В 1959-1964 гг. крепость изучал Л.В.Фирсов, а в 1969 г. – О.И.Домбровский. В разное время взгляды на датировку и этническую атрибуцию памятника значительно различались. Практически до начала 60-х гг. XX в. существовало три точки зрения по этому поводу. П.И.Кеппен считал сооружение средневековым. Ряд авторов сходились на том, что здесь располагалось

римское укрепление первых веков нашей эры. Другие исследователи склонялись к тому, что на вершине Аю-Дага находилось позднетаврское убежище I в. до н. э. – IV в. н. э. Лишь после разведочных работ середины 60-70-х гг. стало ясно, что стены кольцеобразного укрепления являются остатками укрепленного убежища, возведенного на случай военной опасности в VIII-IX вв. и сохранявшего свое значение, видимо, до X в. В плане укрепление представляет собой сложный многоугольник. Размеры его 180 x 230 м, площадь – 3,25 га, длина оборонительного периметра – 693 м. Стены сложены из бута насухо, в сечении трапециевидные (сужаются кверху), имеют двух- или трех-панцирную структуру. Ширина их составляет 1,8 м – 2,8 м. Высота сохранившейся части – от 0,5 до 2,5-3 м. На юго-западной стороне укрепления в периметре имеется проем шириной 2 м. Вдоль стены видны остатки построек, расположенных с внутренней стороны. Это в большинстве своем однокамерные сооружения размером от 2x3 до 2,5 x 4,5 м при толщине стен 0,7-0,9 м, не перевязанные с кладкой внутреннего панциря куртины. С наружной стороны к оборонительной стене примыкают монолитные «башенные» выступы. У Л.В.Фирсова учтено 9 оснований «башен» прямоугольных очертаний, размером в среднем 2 x 4 м. О.И.Домбровский указывает на 14 прямоугольных и 4 полукруглых «башни» по внешнему периметру куртины. Культурный слой внутри крепости отсутствует. Вероятно, она никогда не была заселена. Основной причиной разрушения кладок кольцеобразного укрепления могло быть сильное землетрясение [8, с. 68-70].

Охранные раскопки в Партените, связанные с курортным строительством, проводятся с 1985 г. Это – первые археологические исследования данного памятника столь значительного масштаба. Выявлены многослойные остатки средневековой застройки. Получен обильный археологический материал от VII-XIII до XV-XVI вв.

На данном участке сохранились отдельные строительные комплексы и соответствующие им культурные слои, достаточно для того, чтобы составить представление о застройке, планировке и типах домов. За четыре года раскопок изучены полностью или частично 17 разновременных усадеб. По археологическим данным в жизни поселения выделяется четыре различных строительных горизонта, частично перекрывающие друг друга [9, с. 202].

Первая выявленная застройка была приспособлена к местности. Усадьбы состояли из двух-трех помещений, небольшого двора или вымощенной площадки с крытым водостоком. Жилые помещения, вероятно, располагались на втором этаже, так как нижние этажи были приспособлены для хозяйственных нужд. В крытых дворах или отдельных помещениях были врыты в землю крупные пифосы.

Археологические материалы, полученные при раскопках Партенита, весьма разнообразны: керамика, изделия из металла (замки, хозяйственные орудия, пряжки, монеты), стеклянные сосуды и украшения. Самыми массовыми являются керамические изделия, которые по своему назначению могут быть разделены на следующие группы – строительная керамика, тара, бытовая, поливная, и в том числе художественная керамика, ремесленного назначения (грузила, пряслица) [10, с. 64].

К строительной керамике относятся кровельная черепица – керамида, калиптеры, плинфа. Самую массовую группу керамических изделий составляет домашняя и торговая тара, служившая для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов. Значительное место среди находок занимают амфоры с яйцевидным туловом, круглым дном, имеющие узкие полосы неглубокого рифления по плечика. Найдены фрагменты фляг – круглых сосудов с небольшим узким горлом и двумя ручками, имеющими один плоский, а другой сильно выпуклый бока. Кухонная керамика представлена шаровидными горшками с отогнутыми профилированным венчиком, под которым протянута многоярусная волна.

Среди других находок следует отметить керамические пряслица, сильно фрагментированные стеклянные изделия (бокалы, лампы), монеты византийских императоров [10, с. 70-77].

Второй строительный горизонт датируется серединой X в. Он перекрывает строительные остатки первого и имеет иное планировочное решение: усадьбы меньших размеров, располагаются ближе одна к другой и разделяются узкими переулками. Усадьбы имели два-три помещения почти квадратной в план формы с выходом в проулок или неширокую улицу, расположенную по краю террасы.

Третий строительный горизонт в основном повторяет планировку предыдущего. Отдельные усадьбы перепланировались. В культурных слоях этого времени найдено значительное количество археологического материала. Из строительной керамики преобладает черепица – керамида, калиптеры почти не встречаются. Пифосы этого времени небольших размеров с яйцевидным или шарообразным туловом. Среди керамического материала преобладают амфоры веретенообразной формы с массивными овальными в сечении ручками, высоко поднимающимися над узким горлом и с резким перегибом опускающимися на плечи. Поливная керамика представлена многочисленными фрагментами красноглиняных мисок с вертикальным бортиком, тарелок и чаш на кольцевом поддоне и небольших кувшинчиков [9, с. 203-204].

Самый поздний строительный горизонт, зафиксированный на данном участке, сохранился крайне фрагментарно. Это остатки северо-восточного угла помещения. Кладка стен выполнена из плоского бута без четкой порядовки. Пол помещения глинобитный, на его уровне у восточной стены найден железный круглодонный котел и пять монет Крымского ханства.

Раскопки памятника еще далеко не завершены. Тем не менее даже на сравнительно небольшой площади получен важный археологический материал, дающий ценную информацию. К сожалению, пока нет ни сведений письменных источников, ни археологических данных считать Партенит VII-IX вв. городом [10, с. 87-90].

Средневековые памятники составляют абсолютное большинство археологических объектов Аю-Дага. Систематические раскопки проводились лишь в 5 пунктах – это поселение на юго-западном «плече», монастырские комплексы с храмами у северного подножья горы (св. Апостолов) и в бухте Панаир, отдельные храмы в пределах поселений на северо-восточном «плече» и над восточным прибрежным обрывом [8, с. 68].

Монастырский комплекс в бухте Панаир проводила исследования Алуштинская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа [13].

До начала исследований на поверхности практически не было видно следов каких-либо строений. Среди подъемного материала обнаружены камни с остатками известкового раствора, большое количество фрагментов красноглиняной черепицы, фрагменты керамических сосудов.

В результате расчистки на уровне современной дневной поверхности выявлено каменное сооружение квадратной в плане формы, сохранившееся на высоту в 1-2 ряда крупных камней. Кладки сложены на грязевом растворе. Среди заполнения внутри помещения обнаружено несколько фрагментов черепицы и

толстостенных пифосов, а также три фрагмента тесаных архитектурных деталей из мраморовидного известняка. Вероятно, это строение, появилось здесь не ранее конца XVIII в. и могло быть использовано как сторожевой пункт [1, с. 15].

После того как камни, составляющие кладки помещения, были сняты, появилась возможность продолжить работы по всей территории раскопа.

Было выяснено, что изучаемый участок обживался с X в. Была выявлена центральная постройка монастыря – одноапсидный храм. Стены храма сложены из диорита средней величины на известковом растворе, с соблюдением горизонтальности рядов, но не особенно тщательно.

Пол храма выложен плитами, которые когда-то были плотно подогнаны друг к другу, но в результате камнепада разбились и были частично утрачены. Наиболее интересны восточная (алтарная) и северная стены сооружения.

Алтарная часть храма ограничена с двух сторон известняковыми выступами-колониками. Алтарная преграда не сохранилась, канавка от нее удалена от престола. Внешняя поверхность алтарного престола выложена плоскими плитами, в швах использованы фрагменты черепицы. Швы между верхними плитами аккуратно замазаны цементным раствором, что свидетельствует о потревоженности алтарной кладки в XX в [1, с. 16-17].

Северная стена сохранилась на максимальную высоту 2,0 м, ее протяженность 4,3 м. В ее восточной части, прямо около апсиды, на высоте 0,9 м от пола расширена полочка. Она состоит из одной плоской плиты, вмонтированной в кладку.

В центре северной стены, сделана ниша, с трех сторон выложенная плоскими плитами. Внутренняя сторона забутована мелким камнем с раствором. В западной части северной стены храма сохранился дверной проем и три ступеньки входа.

С юга к храму примыкают два помещения, их назначение в настоящий момент определить сложно [2, с. 12].

Все постройки с восточной стороны обнесены оградой, она также сложена из камней средней величины на известковом растворе. Стена стоит на материково-скальном грунте, пространство между камнями кладки затерто известковым раствором «под мастерок». В заполнении у ее основания обнаружены фрагменты византийской керамики из белой каолиновой глины и фрагменты черепицы 10 в. На территории раскопа вскрыто 4 погребения – 3 детских и 1 мужское.

Наиболее интересными являются находки двух бронзовых створок крестов-энколпионов хорошей сохранности с изображением Распятия и Евангелистов на одном и Богоматери на другом [1, с. 18].

Юго-восточный фланг оборонительной линии Аю-Дага упирается в обрывистый склон. За ней – урочище или поляна, известная под названием Ай-Констант. Некогда здесь располагалось замкнутое укрепление. Внутри заметны остатки многочисленных жилищ, площадок с подпорными стенами и основания нескольких более солидных построек, возможно даже отдельно стоявшей квадратной оборонительной башни с монументальными стенами двухметровой толщины. Предполагают, что некогда она была возведена для контроля ворот, располагавшихся где-то рядом. Поблизости располагался храм, окруженный некрополем. Позднесредневековая постройка здесь стояла на месте более раннего предшественника. В названии урочища сохранились имена святых Константина и Елены, кому был посвящен храм [4, с. 38].

Храм монастыря св. Константина и Елены на высоте 125 м — вторая археологическая ценность и духовная реликвия Аю-Дага. Храм в виде одностолпной базилики был воздвигнут в XIV веке на фундаменте храма VIII-IX веков. А на поляне у храма, получившей название Ай-Констант, человек обосновался, по данным исследований, еще в VII-VI тысячелетии до Рождества Христова. Вероятно, тогдашние люди умели лучше распознавать места, которые ныне называют энергетически благоприятными [5, с. 89].

Храм монастыря св. Константина и Елены известен в науке с XVIII века. По-видимому, отсюда, в 20-е гг. XIX века граф Воронцов вывез две мраморные колонны, находящиеся ныне в Алушкинском дворце. В 1999 г. поляна начала изучаться археологами Крымского филиала Института Археологии НАНУ под руководством И.Б.Тесленко [12].

Храм Первоверховных Апостолов Петра и Павла — остатки памятника под горой Аю-Даг на территории санатория Министерства обороны в Партените. Это был монастырский комплекс, возведенный здесь на рубеже IX-X веков, с роскошным храмом апостолов Петра и Павла, едва ли не самым большим на всем побережье. Предположительно какое-то время здесь располагался епархиальный центр.

Первые раскопки на месте святыни провел Н. И. Репников в 1905–1907 годах. Теперь можно было представить, как выглядел храм, и узнать его историю. Длина базилики 17 метров, ширина около 12 метров. С трех сторон здание когда-то окружала галерея. Пол нефов и галереи украшала мозаика, сложенная из разных по величине и материалу плиток. Здесь использовали красные и желтые плитки из керамики, зеленовато-бурые из песчаника, голубовато-серые из мрамора и белые из полевого шпата. К храму примыкали хозяйственные помещения [14].

Базилика несколько раз перестраивалась и переделывалась. Возможно, впервые ее разрушили хазары после подавления ими восстания. Храм, в котором похоронили святого Иоанна Исповедника — идейного руководителя антихазарского восстания, они не могли оставить в целости. Но в тот раз базилику вновь отстроили в прежнем виде. В X веке она была вновь разрушена, возможно, пожаром. Монастырь выжил, но о былом величии приходилось лишь вспоминать. В этот раз храм долго лежал в руинах, может быть, его восстановили лишь в 1427 году. Теперь он выглядел не так, как в начале своего существования. Новое строение возвели на фундаменте средней части базилики, а боковые нефы и галерею превратили в хозяйственные помещения. В таком виде храм простоял недолго, его разрушили и сожгли турки во время захвата Южного берега Крыма в 1475 году. Но святое место не было забыто. Несколько позже здесь соорудили небольшую часовню с деревянной крышей. Она действовала до XVIII века, и только после выселения греков-христиан в Россию, с которыми ушли и монахи обители святых Апостолов, окончательно пришла в запустение [11, с. 99-102].

Выводы. Что касается захоронения в базилике святого Иоанна Готского, то его святыне мощи так и не обнаружили. Н. И. Репников нашел нишу с тщательно замурованной гробницей, но при вскрытии она оказалась пустой. Эта выложенная мраморными плитами гробница, сохранившаяся в южном нефе базилики, могла предназначаться для останков самого святого Иоанна Готского [14].

Аннотация. В статье рассматриваются средневековые археологические памятники Партенита и Аю-Дага, так как имеется необходимость более детального изучения данных памятников, в частности, при изучении курса исторического краеведения. Так как в Партенитской долине имеется немало памятников эпохи средневековья, которые недостаточно изучены, либо имеют общее и краткое описание в литературе, необходимо проанализировать и обобщить имеющиеся данные. Изучить происхождение и значение памятников, проследить историю их исследования, с целью сохранения культурного наследия и его использования в гуманитарном образовании и историческом туризме. по материалам археологических исследований.

Ключевые слова: Партенит, Аю-Даг, средневековые укрепления, Кале-Поти, Тепелер, оборонительные стены, храмы, монастыри, Монастырский комплекс в бухте Панаир, Ай-Констант, храм монастыря св. Константина и Елены, Храм Первоверховных Апостолов Петра и Павла, Иоанн Готский.

Annotation. The article considers medieval archeological monuments of Partenit and Ayu-Dag, as there is a need for more detailed study of these monuments, in particular, when studying the course of historical local history. Since Partenit Valley has many medieval monuments that are not well understood or have a general and brief description in the literature, it is necessary to analyze and summarize the available data. To study the origin and significance of monuments, to trace the history of their research, with the aim of preserving the cultural heritage and its use in humanitarian education and historical tourism. on materials of archaeological research.

Keywords: Partenit, Ayu-Dag, medieval fortifications, Kale-Poti, Tepeler, defensive walls, temples, monasteries, Monastery complex in the Bay of Panair, Ay-Constant, the temple of the monastery of St. Constantine and Helena, the Church of the First-Great Apostles Peter and Paul, John of Gotha.

Литература:

1. Адаксина, С.Б. Раскопки монастырского комплекса на горе Аю-Даг // Отчетная археологическая сессия: Тезисы докладов. – СПб., 1995. – С. 15-18.
2. Адаксина, С.Б. Исследования монастырского комплекса на юго-восточном склоне г. Аю-Даг // АИК 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 11-13.
3. Бочаров, С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV вв. Южный берег Крыма // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – К.: ИД «Стилос», 2004. – 369 с.
4. Домбровский, О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского южного берега // Феодальная Таврика. – К.: Наукова думка, 1974. – С. 5-56
5. Домбровский, О.И., Столбунов А., Баранов И. А. Аю-Даг. – «Святая» гора. – Симферополь: Таврия, 1975. – 135 с.
6. Иванов, А. В. Крепости и замки Южного берега Крыма «Мир крымского средневековья. – Севастополь: Библекс, 2008. – 288 с.
7. История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. – К.: Институт истории АН УССР, 1974. – 624 с.
8. Лысенко, А.В., Тесленко, И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней, Киев: Стилос, 2002., с. 63
9. Мыщ, В.Л., Жук, С.М., Лысенко, А.В., Татарцев, С.В., Тесленко И. Б. Об охранных работах в Партените // АИК. – Симферополь. – 1997. – С. 202-204.
10. Паршина, Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 64-101.
11. Репников, Н.И. Партенитская базилика // ИАК. – Вып. 32. – 1909. – С. 91-140.
12. Розумная, И. Таинственная визитка Южного берега Крыма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primetour.ua/ru/company/articles/Tainstvennaya-vizitka-YUBK.html>
13. Турова Н.П. История изучения христианских древностей Южного берега Крыма // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Вып. 7. – Севастополь, 2015 г. – С. 154-183.
14. Храм Первоверховных Апостолов Петра и Павла Путеводитель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jalita.com/guidebook/template_of_yalta/partenit_pavel_petr.shtml

УДК 373.2 ББК 441.3.

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

*студентка 3 курса направление подготовки
«Менеджмент в образовании» Куралева Алёна Юрьевна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта);
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
и дошкольного образования Абибуллаева Энисе Эдемовна
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь)*

Постановка проблемы. Развитие инновационных процессов в образовательной системе Российской Федерации (введение федеральных государственных образовательных стандартов, реализация международных программ, информатизация образования, использование профессионального стандарта педагога и др.) определило острую потребность в готовности педагогов всех образовательных организаций к осуществлению инновационной деятельности. Мы обратили свое внимание на инновационные процессы сегодня, касающиеся системы дошкольного образования, так как оно является первым этапом, обеспечивающим развитие потенциальных способностей ребёнка, раскрытие его потенциала и творческого начала. И именно от дошкольного образования зависит качество всех следующих уровней образования человека на протяжении всей его жизни.

В.С. Лазарев и Б.П. Мартиросян определяют инновационную деятельность как комплексную работу педагогического коллектива по созданию, разработке, освоению, использованию и распространению новшеств, позволяющих достигать качественно иных результатов образования [5]. Конечно же содержание педагогической деятельности в инновационном образовательном процессе существенно отличается от традиционного, но, педагогические коллективы дошкольных образовательных организаций (ДОО) часто придерживаются консервативных, традиционных педагогических методик, систем образования и воспитания. Но так или иначе, инновационные изменения в нашей образовательной системе Российской Федерации всё более укореняются и начинают носить системный характер.

Федеральный «Закон об образовании» в РФ [8] подчеркивает, что необходимо направлять дошкольные организации на организацию и осуществление исследовательской, научно-методической, экспериментальной и инновационной работы, но результаты такой работы могут носить вероятностный характер, и не все его последствия возможно предугадать. Ошибки и упущения, которые могут возникнуть, возможно предотвратить при грамотном и правильно выстроенном моделировании инновационных процессов в ДОО и компетентном управлении формированием готовности всего педагогического коллектива к инновационной деятельности.

Проблемы управления инновационными процессами, в том числе в дошкольном образовании, разрабатываются А.Г. Асмоловым, К.Ю. Белой, Т.А. Данилиной, П.И. Третьяковым, И.А. Урминой и др. Но проблема управления формированием готовности к инновационной деятельности педагогов в ДОО до сих пор окончательно не решена и требует серьёзных разработок.

Цель статьи: раскрыть особенности управления инновационной деятельности педагогов в ДОО.

Изложение основного материала исследования. М. Кларин отмечает, что по своему основному содержанию инновационная деятельность относится не только к созданию и распространению новшеств, но и к изменениям в способах деятельности, стилях мышления субъекта инноваций на освоенном уровне профессионализма [4]. Следовательно, освоение новшеств, реализация нововведений становится атрибутивной характеристикой профессионализма деятельности и профессионализма личности педагога, где достижение профессионализма связано не только с обретением высших стандартов мастерства и профессиональной компетентности, но и с развитием личности, ее активности, обеспечивающих высокопродуктивную, с высокими показателями качества профессиональную деятельность.

В последние годы резко возросла актуальность поиска новых, более эффективных форм, средств, методов и технологий обучения и воспитания, и поэтому нужен новый тип педагога, умеющего реализовывать собственную субъектность, интенсивно саморазвиваться, применять нестандартные подходы и креативно мыслить, принимать новшества как данность и как возможность для дальнейшего развития участников образовательной среды.

В.И. Загвязинский также утверждает, что педагогическая практика столкнулась как с отсутствием готовности и способности главных субъектов преобразований — педагогов — к восприятию нового, к пониманию сущности нововведений, так и с их неумением эффективно действовать в освоении новых идей на уровне образовательной организации [3].

Л. Подымова и В.А. Сластенин, понимая под готовностью педагога к инновационной профессиональной деятельности интегративное качество личности, представляющее собой единство личностных и операциональных компонентов, обеспечивающих эффективность этой деятельности, выделяют в структуре готовности мотивационный, креативный, технологический, рефлексивный компоненты [7].

Структура готовности оказывается тождественной структуре функциональной психологической системы инновационной педагогической деятельности и включает следующие компоненты: мотивы, цели, информационную основу и программу деятельности, а также блок принятия решения и подсистему профессионально важных качеств личности.

Содержательное наполнение определения «готовности педагога образовательной организации к инновационной деятельности» дают В.С. Лазарев, Б.П. Мартиросян [5] и Г.П. Новикова, выделяя следующие компоненты готовности педагогов к инновациям:

- наличие мотива включения в данную деятельность;
- комплекс знаний о современных требованиях к результатам образования и управления, об инновационных моделях и технологиях образования, о достижениях практики;
- компетентность в области педагогической инноватики.

Следовательно, мы, вслед за А.А. Майером, можем утверждать, что готовность педагога к инновационной деятельности — это динамический многоуровневый комплекс профессиональных и личностных качеств, все компоненты которого взаимозависимы и взаимообусловлены как единство когнитивного (знания инноваций, способов их применения), аффективного (положительного отношения к инновациям) и деятельностного компонентов [6].

Таким образом, в структуре готовности педагога к инновационной деятельности целесообразно выделить мотивационного (наличие положительного отношения к инновациям и мотивационной направленности на их реализацию), когнитивного (знание теоретических основ педагогической инноватики, целей, задач, способов инновационной деятельности, методов работы), личностного (активность саморазвития), и деятельностного (активность в разработке, освоении и использовании инноваций) компонентов.

В нынешних условиях действенность управления образованием выступает достаточно существенным для усиления качества. Такое управление представлено деятельностью государственных органов, негосударственных организаций, направленной на усиление действенности образовательного процесса. Управление образованием рассматривается в качестве процесса, регулирующего реализацию целей политики образования, установление управленческих задач, планирование работы по выполнению задач, организацию согласованной работы субъектов, контроль.

Управление образовательной системой включает такие главные элементы:

1. Образование системы взаимодействия между собой федеральных государственных органов, органов власти российских субъектов, органов местного самоуправления, непосредственно задействованных в управленческом процессе в образовательной сфере;
2. Выполнение стратегического планирования, которое нацелено на формирование образовательной системы.

3. Принятие и дальнейшее выполнение программ России, федеральных, региональных программ, направленных на развитие образовательной системы.

4. Осуществление мониторинга в образовательной системе для определения и контроля имеющейся ситуации.

5. Методическое, а также информационное обеспечение работы органов власти, которые управляют в сфере образования;

6. Осуществление государственной регламентации работы в области образования.

7. Осуществление независимой оценки качества образовательного процесса, общественная, профессиональная аккредитация.

8. Подготовка и повышение квалификации сотрудников федеральных органов, органов государственной власти российских субъектов, которые осуществляют управление в образовательной сфере, органов местного самоуправления, которые осуществляют управление в образовательной сфере.

Образовательная система управляется непосредственно государством. Такое управление производится лицами, к которым причисляется Министерство образования и науки России.

Управление образовательной системой производится на основе разработанных принципов: законность, демократия, информационная открытость образовательной системы, автономия организаций образования.

Реформирование дошкольного образования, предъявляет обновленные требования к дошкольному образовательному учреждению и к его управлению. Целью данного реформирования является более полное удовлетворение запросов родителей и интересов детей.

Рассматривая управление дошкольным образованием, следует отметить, что именно к руководителям ДОО предъявляются высокие требования. В целом, современная ситуация зависит от того, насколько быстро руководитель умеет реагировать на изменения и процессы происходящие в экономической, социальной сферах. Так же от навыков, которые позволяют внедрять в практику ДОО научно-педагогические достижения в области управления, и умение эффективно реализовать управленческие функции.

Новая образовательная политика, проходит изменения и основным приоритетом в которой является качество образования. Данная ситуация приводит нас к пониманию того, что жизненно необходимы новые подходы применяемые в управлении образовательного процесса. Поэтому управление инновациями в дошкольном образовании является одной из главных частей административной педагогической деятельности.

Управление инновациями, для профессиональных управленцев – является сравнительно новым понятием в научно-технической, производственно-технологической и административной сфере деятельности.

Внедрение инноваций в процесс управления дошкольными образовательными учреждениями, по мнению многих ученых, является важным условием совершенствования системы дошкольного образования.

К теоретическим инновациям относятся новые подходы, концепции, направления, гипотезы, закономерности, классификации, управленческие принципы, которые были получены в результате научно-исследовательской работы и являются основополагающими для реализации инновационных процессов. Практическими новациями выступают новейшие правила, методики, программы, рекомендации в сфере образовательного управления.

А. А. Майер разработал и предложил классификацию инновационных процессов в управлении дошкольным образовательным учреждением, которые соответствуют современным тенденциям в развитии дошкольного образования, а так же их гуманизации, демократизации и диверсификации [6, с. 14]:

- рефлексивное соуправление, самоуправление;

- расширение состава коллективного субъекта управления, децентрализация, расширение горизонтальных связей;

- расширение типов и уровней управления.

Таким образом, инновационный процесс в управлении дошкольным образованием – это комплексная деятельность направленная на создание, освоение, использование и распространение приемлемых новшеств.

Все инновационные процессы носят вероятностный характер, вследствие чего последствия могут прогнозироваться. Для устранения ошибок на уровне проекта, модели, нужно составить аналитическое обоснование инновационной программы.

Ю.К. Бабанский, М.М. Поташник считают, что система инновационной работы представляется как модель. В сущность такой модели включается [2, с. 351]:

1. Возобновление сущности образования в дошкольной образовательной организации, что состоит во введении нынешних программ образования, в применении инновационных технологий, использовании программ дополнительного образования.

2. Возобновление системы, непосредственно методической работы в учреждении, состоящей из отбора инновационной сути методической работы, применения наиболее продуктивных форм, содержит мотивацию труда педагогов, которая направлена на творческое созидание, управление ходом возобновления методической работы.

3. Возобновление системы управления качеством образования в образовании, что предполагает осуществление групп условий.

Сформированная управленческая модель по руководству работой инновационного подразделения педагогов содержит такие звенья: работа первого руководителя, заместителей и иных.

В работу руководителя учреждения, осуществляющего управление подразделениями, причисляется обеспечение нормативно-правовой базы, планирование работы, разделение функциональных обязанностей и т.д.

Работа заместителей включает обеспеченность программно-методическими материалами работы педагогов.

Выводы. Таким образом, одним из путей, которые направлены на повышение эффективности управления дошкольной образовательной организации, является внедрение в практику инноваций. Следует отметить, что процесс внедрения инноваций в сферу управленческой деятельности ДОО – это достаточно сложный процесс, реализация которого предполагает постепенное обновление и одновременное усовершенствование содержания не посредственно самого образования, его методов, средств, технологий управления, конечной целью которого есть оказать влияние на качество всего педагогического процесса. Следует указать, что инновации в управлении, позволяют поднимать на более высокие уровни такие управленческие функции, как планирование, организацию и другие функции руководителя, а так же

развивать и улучшать органы самоуправления в ДОО, совершенствовать их организационную структуру и т.д.. Данный процесс создает благоприятные условия для профессионального и творческого роста педагогов и влияет в целом на качество всего образовательного процесса и в результате повышает конкурентоспособность дошкольной организации.

Аннотация. В статье раскрываются пути повышения эффективности док управления дошкольной образовательной организацией через док внедрение в док практику инноваций.

Ключевые слова: управление, инновационная деятельность, инновация, новация, дошкольная образовательная организация.

Annotation. In this article, we are talking about the fact that one of the ways to improve the management of preschool educational organization is the introduction of innovations into practice.

Keywords: management, innovative activity, innovation, innovation, preschool educational organization.

Литература:

1. Асмолов, А. Психология парк личности / А.Г. Асмолов. клоп - Учебник. - М.: парк Изд-во МГУ, 1990. — 367 с.
2. Бабанский Ю. К. Методическая работа сорт в школе: организация и управление / Ю. К. Бабанский. - Учебное пособие. человек – М.: Просвещение, человек 2013. – 626 с.
3. Загвязинский В.И. Теории обучения и воспитания / В.И. Загвязинский - 2-е издание. - М.: Академия, 2013. — 256 с.
4. Кларин М.В. Инновации в обучении: метафоры и модели: Анализ зарубежного опыта. М.: Наука, 1977. 223 с.
5. Лазарев В.С., Мартиросян Б.П. Педагогическая инноватика: объект, предмет и основные понятия // Педагогика. 2004. № 4. С. 11–21.
6. Майер, А.А. Перспективы развития дошкольного образования в Алтайском крае / А.А. Майер // Управление ДОУ. – 2013. - № 1. – с. 14-18
7. Сластенин, В. И., Подымова Л. С. Педагогика: Инновационная человек деятельность. - Учебное человек пособие / В.И. Сластенин, Л.С. Подымова. – М.: Магистр, 2015. - 431 с.
8. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015). URL: <http://base.garant.ru/70291362/>

УДК 359:947.08

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ УКРАИНСКОГО ФЛОТА В 1918 Г.

*доктор исторических наук, профессор Ливенцев Дмитрий Вячеславович
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный
университет имени императора Петра I» (г. Воронеж)*

Постановка проблемы. В связи с последними политическими событиями в Украине часто встречаются попытки переписать историю или придать ей новые, ранее неизвестные акценты. Одной из таких проблем является создание Украинского флота в 1918 г.

Постараемся разобраться в упомянутой теме с привлечением материалов архивных фондов Российского Государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург).

Изложение основного материала исследования. В конце 1917 г. Черноморский флот практически прекратил свое существование как боевая единица. На протяжении 1917 г. командовавшие Черноморским флотом А.В. Колчак и А.В. Немитц не смогли удержать воинскую дисциплину среди экипажей кораблей. Каждый корабль жил по своим законам и по решению собственного экипажа. Именно в подобный ситуации линейный корабль «Воля», эскадренный миноносец «Завидный» и крейсер «Память Меркурия» ненадолго поднимают украинские флаги [12, с. 422 – 423]. Правда, сняли они их буквально через несколько дней. Данный процесс неоднократно представлялся коллегами с Украины как «украинизация Черноморского флота». На самом деле никакой «украинизации» не было. В тоже время 29 декабря 1917 г. Центральная Рада издает претенциозный «Временный закон о флоте Украинской народной республики». Из данного документа следует, что Черноморский флот по праву принадлежит украинской державе [11, с. 78 – 79]. Однако кроме как декларацией о намерениях данный документ назвать нельзя.

Не изменилась радикально ситуация и с приходом к власти гетмана П.П. Скоропадского. Необходимо добавить, что в Крым продвигаются германцы и для того, чтобы уберечь Черноморский флот контр-адмирал М.П. Саблин 30 апреля 1918 г., уже фактически под огнем вражеских батарей решается на прорыв в Новороссийск. Впоследствии часть кораблей вернулась назад в Севастополь [8, с. 83]. После чего, Черноморский флот фактически переходит под германский контроль.

Одновременно Украина пытается обзавестись всеми атрибутами морской державы. Например, 22 декабря 1917 г. в Киеве создают Генеральный секретариат морских дел Центральной Рады, т.е. аналог Военно-Морского министерства [9, с.58]. Кстати, первый украинский военно-морской министр, ученый и общественный деятель, Дмитрий Владимирович Антонович был невероятно далек от флотских дел. Данное министерство обзаводиться штатом чиновников. Организация благополучно существовала при Центральной Раде, П.П. Скоропадском, С.В. Петлюре. Причем оно сменило целый ряд военно-морских министров. Финал данного Военно-Морского министерства можно, по праву, назвать анекдотичным. Украинское военно-морское ведомство проработало в польской эмиграции до 1924 г., когда его начальник генерал-хорунжий по не существующему «самостийному» адмиралтейству В.А. Савченко-Бельский вынужден был, наконец, закрыть упомянутую организацию, вызывавшую в то время, как минимум, ощущение недоумения [9, с. 59].

Вместе с тем украинские власти активно формируют запас флотских кадров. В него входят адмиралы и офицеры бывшего Российского Императорского флота. Помимо них в кадры украинского флота записывают 109 чиновников [3, лл.6 – 7], 105 врачей [4, лл.9 – 30], 148 кондукторов и унтер-офицеров [5, лл. 9 – 51]. Кстати, 11 января 1919 г. руководитель украинского военно-морского ведомства старший лейтенант М.И. Билинский (весьма незначительный чин для министра флота) подписал «Закон о гардемаринской школе» [7, л. 5]. Получается, что украинское военно-морское руководство позаботилось и о сменяемости кадров.

Из всего вышесказанного создается резонное впечатление, что опытные военно-морские специалисты с большой охотой идут служить на новый украинский военно-морской флот. Секрет подобного массового набора кадров состоял в сложной экономической ситуации 1918 г. Вообще, в то время профессия бывший офицер Российского Императорского флота являлась бесперспективной. В то время деньги, предлагаемые украинским военно-морским ведомством, 450 руб. женатым офицерам и 300 руб. холостым стали прочной основой для формирования кадрового состава запаса украинского флота [7, л. 16]. Подобные выплаты спасали бывших российских адмиралов и офицеров от голодной смерти.

Интересным фактом можно назвать наличие у украинского флота командующего. Им стал по совместительству официальный представитель Морского министерства Украинской державы для связи с кайзеровским германским командованием капитан 1-го ранга М.М. Остроградский. Впоследствии он получит чин контр-адмирала от украинского военно-морского ведомства [1, с. 202]. Случай достаточно уникальный, т.к. подавляющее большинство офицеров украинского флота носило чины, присвоенные в дореволюционной России.

Именно М.М. Остроградский проводит последовательную линию на передачу боевых кораблей Черноморского флота украинской державе. Подобному процессу противостоит вице-адмирал А. Гофман, которого в современное время называют «отцом украинского флота». Германский командующий вообще все суда кроме турецких и немецких в Черном море называл «пиратскими» [2, с. 410]. Причем он опирался на международное право. Советская Россия и украинское государство не имели международного признания. В результате на переговорах о судьбе Черноморского флота на него претендовали Советская Россия, Украина и Германия. Естественно, германская сторона затягивала с решением проблемы, желая забрать себе корабли Черноморского флота [10, с.4]. На самих переговорах украинские военно-морские специалисты вели себя крайне не патриотичным образом. Они общались с представителями Советской России и в личных разговорах выражали свое скептическое отношение к «самостийной» Украине. Говорили, что их дело сохранить Черноморский флот для единой России с любой формой правления [6, л. 64].

Если говорить об украинском патриотизме среди офицеров Черноморского флота, то можно привести любопытный факт. В 1918 г. гетман П.П. Скоропадский потребовал от офицеров Черноморского флота присяги Украине «до последней капли крови». В ответ около 30% офицеров флота отказалась принимать присягу новому государству. Удивительно, но украинскую воинскую присягу не принял даже начальник Генерального Морского Штаба Н.И. Протасов, который попросил гетмана не давить на офицеров Черноморского флота в данном вопросе [6, л. 64]. Вообще, гетману самым серьезным образом предложили рассматривать моряков Черноморского флота как временный персонал, работающий по контракту, а не как защитников украинской державы [7, лл. 1 – 2].

В свою очередь, украинские власти попробовали модернизировать в военные корабли суда гражданского флота [2, л. 88]. Однако украинский флаг не признавался и за гражданским флотом. Страны Тройственного союза и Антанты, даже Румыния, постоянно захватывали суда под украинским флагом. Наконец, вице-адмирал А. Гофман стал прислушиваться к позиции украинского контр-адмирала М.М. Остроградского, наверное, единственного патриота «самостийного» флота. 17 сентября 1918 г. германское командование начало готовить к передаче Украины канонерскую лодку «Кубанец» и 17 подводных лодок [9, с. 59]. Казалось бы, мечта контр-адмирала М.М. Остроградского о национальном украинском флоте была близка к ее скорому осуществлению, но 11 ноября 1918 г. Германия проигрывает Первую мировую войну. В результате немецкие войска покидают Крым, а Севастополь занимает объединенная эскадра Антанты, которая сразу же захватывает оставшиеся боевые корабли Черноморского флота. Кстати, являясь официально союзниками белого движения в Гражданской войне, страны Антанты не предоставили им для боевых действий против Красной Армии ни одной канонерской лодки, принадлежавшей ранее Российскому Императорскому флоту.

Если резюмировать все сведения об украинском флоте в 1918 г., то получается неутешительная картина. В Киеве работало Морское министерство со штатом чиновников, набравшее значительный кадровый запас для национального флота. Украинские власти открыли школу гардемарин и ввели новую военно-морскую форму [9, с. 60]. Более того, специально для украинских военных моряков в 1918 г. ввели новые чины. Киев назначил командующего украинским военно-морским флотом и вел дипломатические переговоры о передаче кораблей. В этой бурной деятельности украинской стороне не хватало только одного – самого флота. Боевых кораблей у Украины в 1918 г. и до конца Гражданской войны просто не было. Если подойти с юридической точки зрения, то при гетмане П.П. Скоропадском весь флот состоял из его личного катера, на котором он совершал увеселительные прогулки по Днепру. К речному катеру можно добавить и 20 гидросамолетов и 3 полка морской пехоты, но они ни в коей мере не относились к корабельному составу флота [12, с. 422]. Позднее действовали 1-й Гуцульский полк морской пехоты и чиновники украинского военно-морского ведомства.

Выводы. Исследуемая в статье тема важна в плане возможного празднования 100-летия основания украинских военно-морских сил в текущем 2018 г. Надо признать, что архивные фонды РГА ВМФ позволяют с достаточной долей объективности утверждать о фальсификации истории. Все утверждения украинских коллег относятся, к сожалению, к политически ангажированному историческому мифу.

Аннотация. В статье рассматривается проблема существования украинского флота в 1918 г. На основе архивных документов Российского Государственного архива Военно-Морского флота (г. Санкт-Петербург) развенчивается исторический миф о создании национальных украинских военно-морских сил во время правления гетмана П.П. Скоропадского. Выявляются объективные причины отсутствия корабельного состава в структуре Морского министерства Украины. Исследуется деятельность украинского военно-морского ведомства и первого официального командующего «самостийным» флотом контр-адмирала М.М. Остроградского. Дается оценка кадровой политике украинского военно-морского ведомства по формированию запаса национального флота. Анализируются отношения между украинской властью и германским командованием оккупационных войск в Крыму.

Отдельное внимание уделяется истории отечественного флота в период Гражданской войны и внешней политике Советской России.

Ключевые слова: украинский национальный флот, германские войска, дипломатические переговоры, гетман, присяга, Черноморский флот, Крым.

Annotation. The article discusses the problem of the existence of the Ukrainian fleet in 1918 on the basis of archival documents of the Russian state archive Of the Navy (St. Petersburg) debunks the historical myth of the creation of national Ukrainian naval forces during the reign of Hetman PP Skoropadsky. Objective reasons of absence of ship structure in structure of the Sea Ministry of Ukraine are revealed. The activity of the Ukrainian naval Department and the first official commander of the "self-styled" fleet of rear Admiral M. Ostrogradsky is studied. Assesses the staffing policy of the Ukrainian Navy Department to build up the reserve of the national fleet. The relations between the Ukrainian authorities and the German command of the occupation forces in Crimea are analyzed.

Special attention is paid to the history of the Russian fleet during the Civil war and foreign policy of Soviet Russia.

Keywords: Ukrainian national fleet, German troops, diplomatic negotiations, Hetman, oath, black sea fleet, Crimea.

Литература:

1. Граф Г.К. Революция и флот. Балтийский флот в 1917 – 1918 гг. / Г.К. Граф. – Изд: Вече. – М., 2017. – 336 с.
2. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р. 335. Оп. 1. Д. 12.
3. РГА ВМФ. Ф. Р. 335. Оп. 1. Д. 54.
4. РГА ВМФ. Ф. Р. 335. Оп. 1. Д. 55.
5. РГА ВМФ. Ф. Р. 335. Оп. 1. Д. 56.
6. РГА ВМФ. Ф. Р. 342. Оп. 1. Д. 644.
7. РГА ВМФ. Ф. Р. 342. Оп. 1. Д. 645.
8. Селянчев А.К. Флот под красным флагом революции / А.К. Селянчев. – Изд: Просвещение. – М., 1983. – 174 с.
9. Тинченко Я. Военно-морское ведомство Украины. 1917 – 1924 / Я. Тинченко. – Старый цейхгауз. – 2009. – № 1(29). – С. 58 – 66.
10. Финансовая поддержка крымского правительства // Прибой. – 28 августа 1918 г. – С. 1 – 8.
11. Украинская Центральная Рада: документы и материалы – Изд: «Наукова Думка», 1997. – Т. 2. – 425 с.
12. Чуприн К.В. Вооруженные силы стран СНГ и Балтии / К.В. Чуприн. – Минск, 2009. – 832 с.

УДК 321.02

ИСТОРИЯ ОДНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ

*доктор политических наук, доцент Марков Евгений Алфеевич
ФГБОУ «Череповецкий государственный университет» (г. Череповец)*

Постановка проблемы. Шекснинское восстание 1918 года стало одним из тех крестьянских волнений, волны которых неоднократно прокатились по России в период с 1918 по 1922 гг. В одной только Череповецкой губернии² с марта по октябрь 1918 года было отмечено 63 выступления крестьян против советской власти [3]. Каковы же были причины крестьянского недовольства новой властью, которая позиционировала себя как власть рабочих и крестьян? Ведь получается, что одна из двух движущих сил пролетарской революции выступила против нового порядка. Это было очень опасно для советской власти, потому что Россия была в то время преимущественно аграрной страной, большинство населения которой были крестьяне. Карл Маркс (с ним был согласен и Ленин) считал крестьянство (класс мелких собственников) реакционным классом. Но, чтобы привлечь самый многочисленный класс в России на свою сторону, большевики провозгласили крестьянство сельским пролетариатом и склонили его на свою сторону, пообещав передать землю (декрет «О земле») сельским труженикам.

Захватив власть, большевики стали строить пролетарское государство на основе полного отказа от отношений частной собственности. Они даже планировали отменить деньги и ввести натуральный товарообмен по классовому признаку. В стране и без того сложилось очень тяжелое положение: нехватка продовольствия, гиперинфляция в размере 200 тысяч процентов [5]. Национализировав предприятия промышленности, большевики столкнулись с кризисом в управлении, который они решили устранить с помощью жесточайшего террора. Так появилась политика военного коммунизма, одним из мероприятий которого было введение тотальной продразверстки. То есть сельхозпроизводители должны были ежегодно и бесплатно отдать представителям новой власти почти все плоды своего труда, заработанные, что называется, потом и кровью. (Для крестьян были установлены нормы потребления, а все излишки продовольствия отбирались насильно, с применением оружия, продотрядами и комбедами). Введение продразверстки накопило отношения крестьянства и большевиков.

Изложение основного материала исследования. Одной из причин прокатившихся по стране восстаний стало также массовое дезертирство из частей Красной Армии. Масштабы этого явления были таковы, что в июле 1919 г. количество дезертиров в европейской части России насчитывалось 266 тыс., в августе – 284 тыс., за все второе полугодие 1919 г. – 1545 тысяч человек [1]. В начале 1919 г., в соответствии с постановлением Совета обороны от 25 декабря 1918 г., в стране были созданы Комиссии по борьбе с дезертирством, которые были наделены чрезвычайными полномочиями. Они налагали штрафы и контрибуции на целые деревни за случаи дезертирства, устраивали показательные расстрелы дезертиров,

² До 1918 года город Череповец с близлежащими уездами входил в состав Новгородской губернии. Участники Демократического съезда Советов, проходившего с 10 по 13 мая 1918 года в Череповце, приняли решение о создании отдельной Череповецкой губернии. Ходатайство активистов получило одобрение необходимых инстанций (Новгородского губисполкома, ВЦИК и СНК и постановлением НКВД РСФСР от 10 июня 1918 года из 5 северо-восточных уездов Новгородской губернии была образована Череповецкая губерния, в состав которой вошли Белозерский, Кирилловский, Тихвинский, Устюженский и Череповецкий уезды.

отлавливали и вновь направляли их в Красную Армию, но они снова сбегали в свои деревни, опасаясь за судьбу своих семей, оставшихся без работников.

Одним словом, крестьяне быстро поняли, что новая власть, которая вначале обещала наделить всех крестьян землей и сделать бедных зажиточными, стала попросту отбирать насильно в хозяйствах весь хлеб, оставляя только ту часть, которая позволяла только что не умереть с голоду. А у тех, кто прятал зерно и муку и не хотел отдавать бесплатно продотрядам выращенный урожай, хлеб конфисковывался весь без остатка. Кроме того, крестьяне вполне оправданно опасались, что новая власть будет реквизирует для нужд Красной Армии лошадей. Недовольство такой политикой быстро разрасталось и приняло характер протеста. Крестьяне, не желающие отдавать свой хлеб и другое добро задаром, уже к тому времени навоевавшиеся на фронтах первой мировой войны, не понимали, почему они опять должны жертвовать своей жизнью ради непонятных ему идеалов мировой революции. Таким образом, крестьянство, особенно зажиточное, стало для большевиков злейшим врагом, которого следует если не уничтожить, то уж точно подавлять у него все проявления недовольства.

В результате сочетания всех этих причин на территории северных губерний начались выступления крестьянства против проводимой большевиками политики [3]. В Череповецкой губернии только за полгода было зафиксировано более 60 выступлений против советской власти [6, с. 64-70].

В декабре 1918 года в ряде волостей Череповецкой и Вологодской губерний произошло самое крупное антибольшевистское восстание, участники которого захватили имевший важное значение железнодорожный мост через р. Шексну и перекрыли, таким образом, сообщение между Петроградом и Вологдой. Центром восстания стало с. Братково, хотя, по мнению некоторых исследователей, центров волнения было три. Два других располагались в другом богатом селе Чуровское и селе Большой Починок. Судя по всему, восстание было не стихийным, а готовилось заранее [4]. В архивных материалах имеется телеграмма политотдела VI Армии от 9 декабря 1918 года: «...У восставших в селе Большой Починок было организовано нечто вроде обоза из крестьянских подвод, перевязочный пункт с домашними перевязочными материалами и запасами продовольствия» [6, с. 65]. Вооруженное выступление крестьян началось 1 декабря и затронуло 10 волостей Вологодского и Череповецкого уездов. Крестьяне, собравшиеся накануне на волостное собрание в с. Братково, приняли резолюцию: «1. Оно [собрание] признаёт власть Советов, но не такую, какая сейчас. Сейчас власть не народа, а какой-то кучки. 2. Россия окружена тесным кольцом неприятельских иностранных войск, с которыми бороться нам невозможно, то и людей по мобилизации на эту бойню они не дадут» [6, с. 64-70].

О том, что восстание готовилось заранее, подтверждает также и тот факт, что его руководящее ядро составили бывшие царские офицеры, полицейские, представители партии эсеров, которые не могли появиться в местах распространения восстания случайно. К тому же организаторы волнений, надо полагать, уже имели знакомства с местными купцами и кулаками, поддерживавшими эту акцию.

Поначалу восстание имело успех, его участники смогли занять железнодорожную станцию Шексна, разоружив отряд особого полка ж/д охраны, а командовавший этим отрядом прапорщик Белов перешел на сторону восставших и даже возглавил мятеж. Таким образом, мятежники перекрыли движение по важной магистрали, соединявшей Петроград с Вологдой, Архангельском, Вяткой и, далее, с северо-восточными районами страны. Повстанцы повалили паровоз, разобрали отрезок пути, навалили на рельсы телеграфные столбы и бревна и взяли под охрану железнодорожный мост через р. Шексну.

В этот же день информацию о восстании в Шексне получило командование Северным фронтом, для которого железнодорожное сообщение с Петроградом было крайне важным. Захват станции Шексна мятежниками могло повлиять на оперативную обстановку на Северном фронте. Реакция командования фронтом была быстрой и жесткой. Уже вечером 1 декабря из Череповца для подавления восстания в сторону станции Шексна была направлена бронелетучка с отрядом красноармейцев в количестве 100 штыков. А со стороны Вологды к Шексне подошел вызванный из Ярославля бронепоезд «Степан Разин», на платформах которого был размещен хорошо вооруженный отряд бойцов. Бронепоезд сопровождал также и конный отряд губернского ЧК. Одновременно вооруженные отряды красноармейцев были направлены и в мятежные волости.

Выводы. Второго декабря отряды, брошенные на подавление восстания, подошли одновременно с двух сторон к станции Шексна. Но восставшие, засевшие в засаде у ж/д моста, сумели отбить вылазку отряда, прибывшего со стороны Череповца и поезд вынужден был уйти на безопасное расстояние, а командир отряда вынужден был на подкрепление артиллерию. В этот же день красноармейцы попытались было захватить деревню Курово, в которой укрепились группы мятежников, но атака красноармейцев была успешно отбита.

И все же, восстание было обречено на разгром. Третьего декабря силами, брошенными на его подавление, было захвачено село Братково, являвшееся центром мятежа. В этот же день рано утром одновременно с двух направлений вологодским и череповецким отрядами была предпринята успешная попытка штурма станции Шексна. Бронепоезда применили артиллерию, восставшие побросали оружие и разбежались, станция и мост были освобождены, ж/д сообщение восстановлено.

В ночь с 3 на 4 декабря на ст. Шексна прибыл начальник железнодорожного ГубЧК Я.М. Брук, под руководством которого началась расправа над восставшими. Суд был скорым и решительным. Наиболее активные участники восстания были арестованы, а руководители – расстреляны по приговору революционного трибунала. И, все же, двум руководителям этого восстания удалось скрыться. По некоторым данным известно, что Степан Алексеев, командовавший во время мятежа «революционным штабом», успешно просочился на Украину и объявился в августе 1919 года в революционно - повстанческой армии Нестора Махно в качестве замначальника культпросветотдела. Надо полагать, это был человек авантюрного склада, так как он попытался даже поднять мятеж против самого батьки Махно и объявил себя руководителем «военно-революционного комитета» учрежденной им Всеукраинской Вольной республики [3]. Но провозглашенная новоизбранным диктатором республика просуществовала всего 5 дней, а сам Степан Алексеев был расстрелян своими же соратниками [2, с. 3].

И все же Шексинское восстание представляло для власти Советов вполне реальную угрозу. Большевики опасались повторений подобных восстаний и потому жестоко расправились со всеми участниками мятежа. Весь декабрь 1918 года продолжалось выявление зачинщиков и участников событий, многие из них были расстреляны. Пострадали и невинные жители, потому что на деревни и села, оказавшиеся в зоне мятежа, был наложен двойной налог.

Но проблемы у представителей новой власти на этом не закончились. Крестьянство, проживавшее в Череповецкой и Вологодской губерниях, в большинстве своем враждебно относилось к политике большевиков, воспринимая их как своих самых злейших врагов. Еще несколько лет в этих двух губерниях возникали вспышки недовольства, принимавшие форму волнений и вооруженного сопротивления. Обиженные крестьяне и, в особенности, кулаки, лишённые гражданских прав, организовывали повстанческие отряды и вели борьбу с советской властью. Летом 1919 года такие отряды действовали в четырех волостях Череповецкой губернии. И даже после окончания гражданской войны крестьянство роптало, обстановка в деревнях была тревожной, волнения продолжались еще несколько лет. И только лишь после отмены продразверстки и введения НЭПа, настроение в деревне стало меняться, а сельские труженики получили возможность распоряжаться плодами своего труда.

Аннотация. В декабре 1918 года на территории нескольких волостей Вологодской и Череповецкой губерний произошло Шекснинское крестьянское восстание, которое стало в этих краях самым крупным после захвата власти большевиками. Склонив вначале на свою сторону крестьян обещаниями наделить их землей, затем большевики развязали в деревне самый настоящий террор, заставляя сельских тружеников бесплатно отдавать урожай представителям новой власти. В наиболее бесправном положении оказались зажиточные крестьяне, лишённые новой властью гражданских прав. В результате, деревня ответила новой власти вооруженным сопротивлением.

В предлагаемой статье описывается ход Шекснинского восстания и последствия расправы большевиков с наиболее активными участниками мятежа.

Ключевые слова: Шекснинское восстание, продразверстка, красный террор, голод.

Annotation. In December 1918, the Sheksna peasant uprising took place in the Cherepovets and Vologda provinces. It became in these places the largest after the seizure of power by the Bolsheviks. The Bolsheviks unleashed a real terror in the village, forcing the peasants to transfer the crop to representatives of the new government for free. The peasants responded to the new government with armed resistance. The article describes the course of the Sheksna uprising, its suppression and the consequences of the massacre of the Bolsheviks with the most active participants in the insurrection.

Keywords: Sheksna uprising, food surplus, red terror, hunger.

Литература:

1. Алешкин П.Ф. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины // URL: http://modernlib.ru/books/p_f_aleshkin/krestyanskie_vosstaniya_v_rossii (24.03.2018).
2. Газета «Вологодская неделя». Алексеевская республика. - № 25 (1994), 26.07.2007 г. - С. 3.
3. Маров А.А. Шекснинское восстание 1918 года. // URL: <http://www.belrussia.ru/page-id-3370.html/23/03/2018/> (23.03.2018).
4. Малков В.М. На Северном плацдарме. Очерки из истории борьбы за Советский Север в 1918 – 1920 годах. Вологда: Вологодское книжное издательство. 1963.
5. Политика военного коммунизма. История России. // <http://istoriarusi.ru/ссср/политика-voennogo-kommunizma.html/> (23.03.2018).
6. Саблин В.А. Шекснинское восстание 1918 года. Краеведческий альманах «Череповец». №1. 1996. - С. 64 – 70.

УДК 355:94 «1917/1939»

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ТИПА «ДЕКАБРИСТ» НА ЧЕРНОМ МОРЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*кандидат исторических наук, научный сотрудник Никитина Ирина Витальевна
ФГБУК «Государственный музей героической обороны
и освобождения Севастополя» (г. Севастополь)*

Постановка проблемы. В середине 1920-х гг. советскому государству удалось добиться некоторых успехов в деле восстановления подразделений ВМФ, в т.ч. и на Черном море. Интересы развития страны требовали создания сильного военно-морского флота, а значит и строительства новых современных кораблей различных классов. В программе военного судостроения на 1926 – 1932 гг. на первое место было поставлено строительство 12 подводных лодок, так как считалось, что именно подводному флоту предстоит стать основной ударной силой ВМФ.

Закладка подводной лодки «Декабрист» 5 марта 1927 г., первой лодки советской постройки, стала символом возрождения отечественной школы подводного кораблестроения. При постройке лодок типа «Декабрист» впервые была использована двухкорпусная конструкция, их предельная глубина погружения была доведена до 90 м. Впервые в отечественном кораблестроении прочный корпус лодки был разделен на водонепроницаемые отсеки. Всего было построено 6 лодок данного типа. На Черноморском флоте базировались три из них: «Революционер» (с 1934 г. – Д-4), «Спартаковец» (с 1934 г. – Д-5), «Якобинец» (с 1934 г. – Д-6).

Изложение основного материала исследования. История подводных лодок этой серии нашла свое отражение в различной литературе. Анализ ряда таких публикаций показал, что историю деятельности подводных лодок типа «Декабрист» на Черном море они раскрывают далеко не полностью, хотя и отражают ее основные моменты. Часть материала представлена разрозненно, в ряде работ отсутствуют библиографические ссылки.

Среди изученной литературы по теме наиболее ранним по дате выпуска (1988 г.) является сборник Л. С. Шапиро «Нелегкие пути к Нептуну», посвященный истории подводных сил как таковых. В нем история создания подводных лодок типа «Декабрист» рассмотрена в отдельной главе в общих чертах, деятельность лодок на Черном море практически не освещена. Данный сборник был предназначен для школьников, поэтому он и не содержит подробных описаний, одновременно все технические характеристики «декабристов» приведены очень четко.

Автор пишет, что в ноябре 1926 г. было создано специальное бюро по проектированию подводных лодок во главе с Б. М. Малининым, а в декабре 1926 г. была утверждена шестилетняя программа развития ВМФ на

1926 – 1932 гг. Перечислены участники разработки подводных лодок типа «Декабрист». Среди них – В. И. Говорухин, Э. Э. Крюгер, И. И. Руберовский, Ф. З. Федоров, А. К. Шлюпкин, А. Н. Щеглов, С. А. Базилевский, П. З. Голосовский, В. В. Новожилов, В. П. Горячев, З. А. Дерибин, В. Ф. Сегаль, В. П. Фуников и др. При описании тактико-технических данных, в частности, указано, что ее водоизмещение составило «938/1360 тонн, двухвальная энергоустановка 2200/1050 л.с. обеспечивала скорость 15,3/8,5 узла и дальность плавания 8950 (9) / 158 (2,9) миль» [7, с. 92].

Наиболее часто к истории подводных лодок типа «Декабрист» в своих публикациях с опорой на архивные документы обращался В. И. Дмитриев. Ему удалось достаточно подробно охарактеризовать особенности их проектировки и постройки, правда о черноморских «декабристах» он пишет мало.

Рассмотрим сведения по нашей теме на основе его книги «Советское подводное кораблестроение», изданной в 1990 г. Так, автор пишет, что к разработке тактико-технических заданий для торпедной подводной лодки и минного заградителя приступили уже в конце 1923 г. Предельную глубину погружения первоначально планировалось довести до 120-140 м. Сроки срочного погружения предписывалось сократить до 30 сек. Дальность плавания должна была составить в надводном положении 1500 миль, экономической скоростью – не менее 3500 миль [1, с. 28]. Автор утверждает, что уже в 1924 г. СНК РСФСР принял решение о проектировании и строительстве новых подводных лодок [2, с. 29].

Далее указано – «в январе 1926 г. в Научно-технический комитете Управления Военно-Морских Сил (НКТМ) приступили к разработке первой подводной лодки. Руководство осуществлял председатель секции подводного плавания НКТМ А. Н. Гарсоев. <...> 19 сентября проект был рассмотрен и одобрен начальником Управления ВМС Р. А. Муклевичем, а 30 сентября представлен Реввоенсовету СССР» [2, с. 33]. В книге также отражен факт создания на Балтийском судостроительном заводе 1 ноября 1926 г. специализированного технического бюро № 4 под руководством инженера Б. М. Малинина. Опубликованы выдержки из его воспоминаний об этой работе: «Приходилось одновременно решать три задачи, тесно связанные с друг другом: вести разработку и постройку лодок, тип которых у нас был до того времени неизвестен; создавать и немедленно практически использовать теорию подводных лодок, которой у нас в Союзе также не было; воспитывать в процессе проектирования кадры конструкторов-подводников, так как наличие к моменту образования группы по проектированию и постройке составлял 7 человек, считая в том числе и меня самого» [2, с. 33].

Указаны даты закладки: первой лодки типа «Декабрист» на Балтийском заводе – 5 марта 1927 г.; подводных лодок для ЧФ – 14 апреля 1927 г., с указанием их наименований. Раскрыты все основные тактико-технические данные лодок с упором на нововведения в проекте. Так, новым в проекте стала цистерна быстрого погружения, заранее заполненная водой. К недостаткам лодки отнесено размещение основного запаса топлива вне прочного корпуса [2, с. 42, 44].

По черноморским «декабристам» в книге приведены также сведения о датах включения их в состав Морских сил Черного моря (Черноморского флота), факт участия двух из них в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Так, 5 января 1931 г. в состав флота вошла подводная лодка «Революционер», 17 мая 1931 г. – «Спартак», 12 июня – «Якобинец». В строительстве и испытаниях этих лодок приняли участие их экипажи во главе с командирами В. С. Суриным, М. В. Лашмановым, Н. А. Жамаринским, инженерами-механиками Т. И. Гуликовским, С. Я. Козловым, Д. Г. Водяницким [2, с. 56]. В годы войны подводные лодки Д-4 и Д-5 уничтожили 5 транспортных судов общим водоизмещением 16157 т. [2, с. 62].

В 1995 г. вышел первый выпуск альманаха «Цитадель», в котором была опубликована статья «Подводные лодки типа Д». В ней в описательной форме изложена история создания первых советских подводных лодок с приведением их технических характеристик, сведения о применении их на Черном море приведены отрывочно. Авторы пишут, что «первоначально работы по созданию нового проекта подводной лодки велись в секции подводного плавания научного комитета морских сил. Секцию возглавлял известный подводник Н. А. Гарсоев, бывший командир подводных лодок <...> «Почтовой» и «Минога»» [4, с. 53]. По данным источника в начале проектных работ рассматривалось несколько проектов, однако затем остановились на «двухкорпусной подводной лодке водоизмещением 938 м³», проект назывался «1-я серия». Рассмотрен также и состав отсеков лодки. В частности, в первом отсеке (торпедном) располагались: носовая дифференциальная цистерна, 6 бронзовых торпедных аппаратов калибра 533 мм. с торпедами и 6 запасных торпед на стеллажах. Во втором отсеке (аккумуляторном) на верхней палубе в т.ч. располагались: радиорубка, рубка гидроакустики, в трюме – ряд цистерн. В третьем – на жилой палубе – каюты командира и комиссара, офицерская кают-компания, штурманская рубка и камбуз, а также баллоны для ВДД и входной люк с выходом на палубу. Системы управления лодкой располагались в четвертом отсеке, в т.ч. центральная система погружения и управление рулями, электродвигатели приводов горизонтальных рулей, осушающий насос, перископы, в трюме – снарядный погреб, уравнивательная цистерна и цистерна быстрого погружения. Пятый отсек являлся аккумуляторным, в нем на верхней палубе, в частности, находились – воздуховод низкого давления, гидрокомпас, осушающий насос. В шестом (дизельном) отсеке – 2 главных компрессорных неререверсивных дизеля, баллоны пускового воздуха дизелей, разобщительные фрикционные конические муфты линий валов, цистерны и входной люк с выходом на палубу. Последний седьмой кормовой отсек – 2 торпедных аппарата, боезапас, 2 главных двухъякорных гребных электродвигателя с их станциями управления, компрессор высокого давления, 3 койки личного состава и др. [4, с. 55, 56].

По черноморским «декабристам» указано, что на ЧФ поступило 3 лодки, их строили в Николаеве [4, с. 53]. О подводной лодке Д-4 читаем, что в 1933 г. она нанесла визит в Турцию, в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. совершила 18 боевых походов и потопила 3 транспорта противника. Приводится фамилия командира лодки на период войны – И. Я. Трофимов, указано, что лодка приняла участие в обороне Севастополя 1941 – 1942 гг., что погибла она в декабре 1943 г. в Каламитском заливе от глубоководной бомбы, сброшенной с корабля противника. О подводной лодке Д-5 – что она принимала участие в обороне Севастополя 1941 – 1942 гг., Керченско-Феодосийской десантной операции, в Севастополь доставила около 200 тонн груза. О подводной лодке Д-6 – в 1935 г. встала в ремонт, из него практически не выходила, взорвана 26.06. 1942 г. [4, с. 59-60].

Ряд упоминаний о черноморских «декабристах» содержится также в двух изданиях книги «Подводные силы Черноморского флота» (2004 и 2012 гг., авторы Ю. М. Ничик и В. Р. Захар).

Приведена дата закладки всех трех лодок для ЧФ, однако она указана как 25 марта 1927 г. Датой перехода в Севастополь первой из них – подводной лодки «Революционер» (командир В. Сурин, инженер-

механик Т. Гулашковский) указано 15 декабря 1929 г. По остальным двум – что их моряки-черноморцы получили в 1931 г. [5, с. 31]. В том же году на ЧФ была сформирована бригада подводных лодок в связи с началом поступления на флот «декабристов», из которых в 1931 г. сформировали 1-й дивизион бригады. Упомянут и визит этих подводных лодок в осенью 1933 г. в Турцию. Указано, что в этом походе приняли участие все три лодки, приведены фамилии их командиров и военкомов на тот момент. (Подводная лодка «Революционер» – командир Н. Моралев, военком И. Александров; «Спартаковец» – Е. Воеводин, П. Поручиков; «Якобинец» – И. Кулешов, В. Новинский). Приведены сведения и смене лодками наименований на буквенно-цифровые обозначения (с 15 сентября 1934 г.) [5, с. 32].

Во втором издании книги опубликован еще один факт из истории лодок: «В 1936 г. отмечены успехи Д-6 в длительном автономном плавании и боевой готовности. Семь человек – командир лодки И. Нестеров, командир электромеханической боевой части Д. Водяницкий, секретарь партийной организации А. Бубнов, радист В. Сесин, боцман В. Корнеев, старшина трюмных П. Исаев, старшина группы торпедистов С. Ляблях – были награждены орденом Ленина» [3, с. 62].

Среди изученной литературы наиболее полно историю подводных лодок типа «Декабрист» ЧФ отражает справочная статья на электронном ресурсе «Военно-Морской флот». Ее недостатки – отсутствие библиографических ссылок, данных об авторе статьи и дате ее публикации.

Из истории подводной лодки Д-4. Заложена 25 марта 1927 г. в Николаеве на заводе №198 (ныне Черноморский судостроительный завод), спущена на воду 6 апреля 1929 г., вступила в строй 5 января 1931 г. В 1938 – 1941 гг. лодка проходила модернизацию на Севморзаводе. 27 сентября 1941 г. была перебазирована в г. Потти. В декабре 1941 г. находилась в боевом походе к востоку от мыса Калиакрия (Калиакра) (Болгария). 27 мая 1942 г. в районе мыса Ай-Тодор лодка была атакована катерами противника, а у Новороссийска подверглась атаке торпедоносца. На базу вернулась без повреждений. В мае – июне 1942 г. – выполнила пять рейсов в осажденный Севастополь, доставив 123 т. боеприпасов, 38 т. бензина, 157,6 т. продовольствия, эвакуировав на Кавказ 78 чел. В 1943 г. – у мыса Тарханкут и в районе Евпатории лодка уничтожила три транспорта (в т.ч. транспорт «Санта Фе»). 4 декабря 1943 г. была потоплена в Каламитском заливе. 29 декабря 1943 г. исключена из боевого состава ВМФ. Из ее командиров в статье указаны: В. С. Сурин, капитан-лейтенант (капитан 3 ранга) И. С. Израилевич, капитан-лейтенант И. Я. Трофимов [1]. Из истории Д-5. Заложена 25 марта 1927 г. в Николаеве на заводе № 198. Спущена на воду 16 апреля 1929 г., вступила в строй 17 мая 1931 г. 19 ноября 1941 г. обстреляла позиции противника в районе Алушты. В период проведения в Керченско-Феодосийской десантной операции в конце декабря 1941 – начале января 1942 гг. высаживала диверсионную группу у Коктебеля, осуществляла навигационное обеспечение операции. В июне 1942 г. в ходе трех походов в осажденный Севастополь доставила 120,2 т. боеприпасов, 71 т. бензина, эвакуировала на Кавказ 177 чел. 8 декабря 1942 г., лодка артиллерийским огнем потопила турецкую парусно-моторную шхуну «Коджибоглу». С весны 1943 г. находилась в ремонте, в боевых действиях больше не участвовала. В 1946 г. передана Научно-исследовательскому минно-торпедному институту ВМФ. В 1948 г. переформирована в опытовую подводную лодку. В июне 1949 г. – отнесена к подклассу больших подводных лодок и переименована в «Б-32». Списана в 1956 г., разделана на металл. Среди ее командиров: капитан 3 ранга С. Т. Савицкий, старший лейтенант (капитан-лейтенант) Ю. А. Стрельбицкий, старший лейтенант (капитан лейтенант) И. Я. Тимофеев, капитан-лейтенант Н. В. Суходольский, капитан 3 ранга Н. А. Панов [1].

Из истории подводной лодки Д-6. Заложена 25 марта 1927 г. в Николаеве на заводе № 198. Спущена на воду 15 ноября 1930 г., вступила в строй 12 июня 1931 г. С 1935 г. находилась в ремонте на «Севморзаводе». 18 августа 1941 г. вышла в море, но из-за налета авиации противника получила повреждения, вернулась в Севастополь и вновь встала в ремонт. 12 ноября 1941 г. при бомбардировке «Севморзавода» вторично повреждена. 26 июня 1942 г. взорвана экипажем. 11 июля 1942 г. исключена из состава ВМФ. Весной 1945 г. поднята аварийно-спасательной службой ЧФ, не восстанавливалась, разделана на металл [1].

Среди справочной литературы по нашей теме отметим также книгу А. В. Платонова «Энциклопедия советских подводных лодок 1941 – 1945 гг.», выпущенную в 2005 г. В ней, опираясь на широкий круг источников, автор дает подробную характеристику всех подводных лодок, принявших участие в войне, с рассмотрением истории их проектирования и постройки. О черноморских «декабристах», в частности, указано, что на 22.06. 1941 г. на ЧФ находилось 3 подводные лодки «Декабрист» [5, с. 13]. Они входили в состав 2-го дивизиона (командир – капитан 3 ранга А. В. Буи) 1-й бригады подводных лодок (на 1941 г. командир – капитан 1 ранга П. И. Болтунов) [6, с. 27]. Рассматривая историю проектирования лодок, автор указывает, что данный тип лодок был отнесен к позиционным [6, с. 79]. Также он пишет, что впервые цистерны главного балласта лодки заполнялись водой с помощью насосов. Это позволило добиться сокращения времени срочного погружения по сравнению с подводной лодкой типа «Барс» с 3 минут до 30 секунд. Для достижения максимальной возможности дальности плавания использовался двухъякорный электродвигатель [6, с. 81]. Рассмотрен и вопрос вооружения лодки, указано, что для торпедного вооружения предполагалось использовать гидравлические торпедные аппараты, но этот проект не был реализован, и подводные лодки получили на вооружение 533 мм. торпедные аппараты. Артиллерийское вооружение – предполагалось установить два 102 мм. орудия, но в результате установили только одно, второе было заменено на 45-мм. орудие [6, с. 84].

Факты участия черноморских «декабристов» в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. во многом перекликаются с предыдущим источником, но имеются и расхождения. Так, по Д-4 читаем, что на 22.06. 1941 г. ее командовал капитан-лейтенант (капитан 3 ранга) И. С. Израилевич. 25 ноября 1941 г. с дистанции 54 кабельтовых она обстреляла Ялту. 1.07.1942 г. в районе м. Херсонес атакована катерами и авиацией противника. 9.05.1943 г. командиром назначен капитан-лейтенант И. Я. Трофимов [6, с. 94]. Подводной лодкой Д-5 на 22.06. 1941 г. командовал капитан 3 ранга С. Т. Савицкий, в октябре его сменил старший лейтенант (капитан-лейтенант) Ю. А. Стрельбицкий. 20 ноября 1941 г. лодка обстреляла Алушту с дистанции 45 кабельтовых. Из-за ошибки доклада о выходе из строя элементов подачи снарядов, прекратила обстрел. В июне 1942 г. совершили 3 рейса в осажденный Севастополь, в последнем рейсе эвакуировала из города членов Севастопольского горкома ВКП (б) с семьями.

Выводы. Таким образом, рассмотрев ряд публикаций по истории деятельности подводных лодок типа «Декабрист» на Черном море, необходимо сделать следующий вывод. Данные подводные лодки стали малочисленным классом в Советском ВМФ, одновременно в их конструкции были отработаны все возможные достижения подводного кораблестроения того времени. Черноморским «декабристам» не удалось

войти в число наиболее героических подводных лодок ЧФ, но при этом они смогли внести важный вклад и в дело развития отечественных подводных сил и в дело защиты нашей Родины. История данных лодок на Черном море, безусловно, требует дополнительного изучения.

Аннотация. В статье рассмотрена история создания и деятельности на Черном море подводных лодок типа «Декабрист» – первенцев советского кораблестроения. Данные представлены через призму анализа литературы по теме. Выявлено, что история проектирования, строительства, а также использования данного типа лодок на Черном море в отечественной историографии представлена отрывочно. Одновременно в ней подробно представлены основные тактико-технические характеристики лодок, охарактеризовано их значение для развития советского ВМФ. Анализ всех изученных данных показал – не смотря на свою малочисленность, субмарины данного типа сыграли значительную роль в развитии подводных сил отечественного ВМФ. Сведения же об их использовании на Черном море требуют дополнительного изучения.

Ключевые слова: подводные лодки, Черное море, литература, проектировка, отсеки, «Декабрист».

Annotation. The article deals with the history of the creation and operation on the Black Sea of submarines such as the «Dekabrist» - the first-born of Soviet shipbuilding. The data are presented through the prism of analysis of literature on the topic. It is revealed that the history of design, construction, and the use of this type of boat on the Black Sea in Russian historiography are disaggregated. At the same time, the main tactical and technical characteristics of the boats are described in detail, their importance for the development of the Soviet Navy is characterized. An analysis of all the data studied showed - despite its small number, submarines of this type played a significant role in the development of the underwater forces of the Russian Navy. Information about their use on the Black Sea requires further study.

Keywords: submarine, Black sea, the literature, «Dekabrist», design, compartments.

Литература:

1. Военно-морской флот // URL: <http://www.navy.su/navysub191745/d/index.htm> (15.03.2018)
2. Дмитриев В. И. Советское подводное кораблестроение / Дмитриев В. И. – М.: Воениздат, 1990. – 286 с.
3. Захар В. Р., Ничик Ю. М. Подводные силы Черноморского флота. / Захар В. Р., Ничик Ю. М. – Издание второе, дополненное и переработанное. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 688 с., ил.
4. Кучер В. А. Подводные лодки типа Д / Кучер В. А., Мануйлов Ю. В., Семенов В. П. // Цитадель: альманах – 1995 – вып. 1 – с. 51 – 63
5. Ничик Ю. М., Захар В. Р. Подводные силы Черноморского флота / Ничик Ю. М., Захар В. Р. – Симферополь: «Таврида», 2004. – 429 с.
6. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941 – 1945 гг. / Платонов А. В. – М.: ООО «Издательство «АСТ»; Спб.: ООО «Издательство «Политгон», 2004 – 592 с.: ил.
7. Шапиро Л. С. Самые нелегкие пути к Нептуну / Шапиро Л. С. – Л.: Судостроение, 1988 – 176 с.: ил. (Научно-популярная библиотека школьника)

УДК: 009

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)

*кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Полянская Елизавета Сергеевна
Сочинский филиал Российского университета дружбы народов (г. Сочи)*

Постановка проблемы. История становления и развития России неразрывно связана с миграцией населения, которая играла первостепенную роль в жизни нашей страны. Являясь одним из наиболее влиятельных социальных исторических явлений, миграционные процессы прошлого и сегодня вызывают интерес самых широких кругов общественности. Миграция участвует в формировании рисунка расселения и структуры населения, трудового потенциала территории, изменении состава населения, способствует социально-экономическому развитию страны, а также разностороннему развитию личности. Все это подтверждает необходимость всестороннего изучения данного процесса.

Изложение основного материала исследования. Присоединение Крыма к России в 1783 г. [13, с. 20] повлекло за собой изменения в экономической жизни региона. Анализируя становление и развитие хозяйственной системы на полуострове в исследуемый период, мы можем выделить основные причины его трансформации:

1. Крымско-татарская эмиграция. В результате массового выезда крымских татар экономика Крыма приобрела новый характер. Это привело к упразднению прежней системы ведения хозяйства. До присоединения Крыма к России крымские татары, как основные землевладельцы, занимались садоводством, овцеводством, табаководством, виноградарством и коневодством.
2. Колонистская политика освоения Крыма. Появление менонитских поселений и новые тенденции в экономической отрасли [16, с. 155].
3. Привлечение частных капиталов в лице русской знати.

Вследствие миграционных процессов, этнический состав полуострова значительно изменился [11, с. 225]. Связано это было, в первую очередь с массовой эмиграцией крымских татар в Турцию [10, с. 64]. Масштабы эмиграции подтверждаются исследованиями многих ученых. Однако точные цифры неизвестны до сих пор. Вместе с тем, на сегодняшний день, можно выделить несколько волн крымско-татарской эмиграции по годам.

Таблица

Волны крымско-татарской эмиграции [15, с. 12]

1784– 1800 гг.	1854 – 1862 гг.	1873 – 1877 гг.	1892 – 1894 гг.	1901 – 1904 гг.
от 80 до 500 тыс. человек	порядка 181 тыс. человек	от 1,5 до 3 тыс. человек	около 3 тыс. человек	около 18 тыс. человек

Анализируя приведенные выше данные, можно сделать вывод, что первая волна выезда крымских татар была связана с присоединением Крыма к Российской империи (1783 г.). Некоторые жители полуострова были не согласны с данным историческим фактом и видели себя только в мусульманском мире. Они не хотели менять привычный уклад жизни, в результате чего эмигрировали в Турцию. Наиболее массовый выезд крымских татар с полуострова имел место во время и после Крымской войны, в частности в период с 1854 по 1862 гг. Массовость крымско-татарской эмиграции в этот период подтверждают данные по количеству опустевших крымских деревень в 1860 г. по уездам: в Симферопольском уезде опустело 24 деревни, в Феодосийском – 67, в Евпаторийском уезде – 196, в Перекопском – 270 деревень [14, с. 375–405]. Очевидно, что переселение приняло значительные масштабы. Об этом свидетельствуют данные, найденные нами в ГАРК. С 1853 до 1865 гг. население Крыма сократилось с 225 тыс. человек до 112 тыс. человек [7, л. 27]. На наш взгляд, это было связано с сильными разрушениями в результате военных действий и как следствие – резким снижением уровня жизни местного населения. Кроме того, многие крымские татары были против войны с Турцией и не хотели воевать с единоверцами [14, с. 375–405].

Две последующих волны (1873–1877 гг. и 1892–1894 гг.) не являлись столь массовыми. Объясняется это тем, что со второй половины XIX в. и до начала XX в. не происходило глобальных событий в регионе. Миграция была связана скорее с конфликтными ситуациями между крымскими татарами и русскими помещиками, на землях которых располагались татарские хозяйства. Пятая волна активной эмиграции крымских татар в период 1901–1904 гг. объясняется нами нестабильной политической ситуацией в Российской империи, которая привела к буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг.

Наряду с крымскими татарами, в XIX в. из Крыма также эмигрировали и другие народы. Так, К. Герман в своих исследованиях отмечает, что выезд греков и армян, наряду с крымскими татарами, из Крыма, тоже имел негативные последствия для дальнейшего развития экономики полуострова, его хозяйственной сферы, и особенно это касалось садоводства и виноградарства. Наследие Крымского ханства стало отсутствием системы сухопутных и морских путей сообщения, так как в конце XVIII – начале XIX вв. вся дорожная сеть была представлена тропами и редкими грунтовыми дорогами, которые в плохую погоду были непригодны для проезда [1, с. 173–242].

Вместе с тем, правительством были предприняты срочные меры в решении этой проблемы. На освободившиеся земли переселялись крестьяне из других губерний Российской империи, а также из Болгарии, Германии, Италии и других стран мира. В 1787 г. всем генерал-губернаторам было дано распоряжение, в котором разрешалось переселение в Крым экономическим и другим государственным крестьянам [15, с. 149]. Царское правительство раздавало земли русским помещикам и чиновникам, обязывало их заселять эти земли крепостными из центральных и украинских губерний. При этом переселенцам предоставлялись привилегии:

- 1) освобождение от различных налогов и повинностей на 8 – 10 лет;
- 2) ссуда на переезд;
- 3) большие участки земли (50 десятин на семью) [2, с. 248].

Массовое переселение на полуостров привело к освоению не только сельской местности, но и активной урбанизации. Результатом этого стало образование и развитие таких городов, как Симферополь (административный центр Таврической губернии с 1784 г.), Севастополь (база Черноморского флота с 10 февраля 1784 г.) [11, с. 223]. На фоне этого быстро развивалась экономика Керчи, Евпатории, Феодосии (центры морской торговли), Ялты и Алушты (города – курорты). Очень важно, что столь активная урбанизация полуострова требовала существенных изменений в отношении транспортной коммуникации.

Активные действия правительства Российской империи проявились уже в начале XIX в. в освоении бесхозных земель полуострова. Князь Г. А. Потемкин, занимаясь распределением земель в Крыму с 1774 по 1789 гг., отводил участки желающим на условиях обязательного их заселения [17, с. 197]. Следующим шагом в решении этого вопроса стал указ от 23 октября 1801 г., где предписывалось выходцев из Турции, а именно болгар и греков, поселить в Крыму, причем этим переселенцам были дарованы почти те же права и преимущества, что, и немецким колонистам. В результате данного переселения в 1802 г. была образована колония Старый Крым, а в 1803 г. – Кишлав [1, с. 74]. Что также подтверждает активное освоение Крыма и влияние политики Российской империи на экономическое развитие полуострова.

Однако политика в поддержку переселенцев со стороны государства проводилась не всегда. Подтверждением тому может служить указ от 25 февраля 1810 г., подписанный Александром I, в котором колонисты лишались финансовой поддержки со стороны государства [1, с. 112]. Вместе с тем, в колонизации Крыма участвовали представители разных народов России и стран Западной Европы [2, с. 246–254]. В результате длительных миграционных процессов полуостров стал одним из самых многонациональных регионов Российской империи.

С прекращением государственных дотаций в вопросе освоения полуострова ко второй половине XIX в. акцент был сделан на частные капиталы. С целью привлечения зажиточных земледельцев правительство отдавало предпочтение переселению болгар, немцев, итальянцев. Крестьяне из внутренних губерний отходили на второй план, так как Российская империя, в первую очередь, преследовала цель создания сильных торгово-ремесленных городов, которые могли бы выступать и пограничными форпостами [14, с. 53].

Говоря о болгаро-переселенцах, стоит заметить, что одни переселялись из Турции, другие – из Бессарабии. В указанный период масштабные волны переселенцев из Болгарии в общем составили порядка 30 тыс. человек. Однако в связи с финансовыми трудностями в стране постепенно начали сворачиваться заманчивые для болгар льготы. В результате чего, уже после 1862 г. массовое переселение болгар в Крым прекратилось. В 1871 г. по указу правительства Российской империи всех колонистов, в том числе и болгарских, приравнивали к крестьянскому сословию [1, с. 22].

Возникновение многочисленных спорных ситуаций привело к тому, что 8 ноября 1860 г. были утверждены «Правила о порядке заселения владельческих в Крыму земель переселенцами из других губерний». Отдельный интерес представляют сами правила. В первом пункте шла речь о том, что с целью успешного привлечения рабочего населения в Крым всем свободным лицам сельского и городского сословий можно переселяться на владельческие земли в Крыму по добровольному согласию с владельцами. Пункт пятый этих же правил гласил, что с целью недопущения бродяжничества под эгидой переселения в Крым поселенин должен был иметь денежные средства, которые могли бы покрыть его дорожные расходы и проживание в первое время в Крыму. Как известно, на тот момент дорога до Крыма была длительной и

достаточно дорогой, поэтому немногие решались на такой шаг. В ключе приведенного выше, между переселенцем и землевладельцем заключался договор, в котором четко должны были быть прописаны права и обязанности сторон. В большей части пунктов подчеркивалось, что на всех этапах переселения нельзя допускать промедления: «Все этапы должны быть оформлены и сделаны в кратчайшие сроки» [5, с. 220]. В связи с массовыми выездами татар во второй половине XIX в., которые составляли основную массу крестьян, собственники земли терпели убытки. Нанять крестьян на месте не было возможности в связи с их немногочисленностью. Поэтому политика «скоропостижного» переселения приобрела общегосударственные масштабы.

Что касается немцев, то их переселение на полуостров началось сразу после присоединения Крыма к России. В 1805 г. были официально зарегистрированы первые семь немецких колоний, в том числе в Судак [9, с. 67]. В связи с массовым переселением во второй половине XIX в. в Крым немцев и других народов имело место такое явление, как «меннониты» – этнические группы, которые приспособивались государством в решении задач как внутренней, так и внешней политики. В 1860-х гг. сформировался дополнительный комплекс менонитских поселений в Крыму. Законодательный проект по переселению немецких колонистов был разработан в 1868 – 1869 гг. [8, с. 17]. Основными видами деятельности менонитов в лице крымских немцев были хлебопашество, садоводство и огородничество. Традиционными для каждой немецкой усадьбы были сад и огород; кроме того, в каждом дворе держали различный скот: лошадей, коров, овец, свиней, птицу. Кроме этого, меннониты за свои средства содержали дороги, ведущие к их хозяйствам [3, с. 16]. Это повлекло за собой активное развитие дорожной системы в Крыму. Свидетельством тому явилось строительство дороги общего пользования от Судака до немецкой колонии [4, с. 85].

Выводы. Миграционные процессы происходившие на крымском полуострове в конце XVIII – XIX вв. привели к этническому разнообразию и внедрению современных технологий. В тоже время, масштабы и условия, в которых происходила миграция, порождали целый комплекс проблем, возможность решения которых уменьшалась вследствие сложной социально-экономической ситуации в стране.

Аннотация. В статье автор рассматривает причины и масштабы миграционных процессов в Крыму с присоединения полуострова в Российской империи и до конца XIX в. Анализ волн крымско-татарской эмиграции позволил констатировать прямую зависимость миграционных процессов от социально-экономических и политических проблем в государстве. Внимание правительства к полуострову выразилось в активной колонистской политике.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, миграционный процесс, эмиграция, немецкие колонисты.

Annotation. In the article the author considers the reasons and scale of migration processes in the Crimea from the accession of the peninsula in the Russian Empire and until the end of the 19th century. Analysis of waves of Crimean-Tatar emigration allowed us to establish a direct dependence of migration processes on socio-economic and political problems in the state. The government's attention to the peninsula was expressed in active colonial policy.

Keywords: Crimea, Crimean Tatars, migration process, emigration, German colonists.

Литература:

1. Белова, Е. В. Внутренняя политика Российского правительства по заселению юга Российской Империи (по материалам Новороссии и Бессарабии) 1751 – 1871 годы [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Белова Е. В. – М., 2004. – 231 с.
2. Бойко, Я. В. Заселение Южной Украины 1860–1890 гг.: (ист.-эконом. исследование) / Я. В. Бойко. – Черкассы: Січ, 1993. – 256 с.
3. Венгер, Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789-1920): монография. – Днепрпетровск: Днепрпетр. нац. ун-т, 2009. – 696 с.
4. Вражнова, Л. Ю. «Крымская шампань» князя Голицына / Л. Ю. Вражнова, И. М. Вражнов. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 384 с.: ил.
5. Высочайше утвержденные Правила о порядке заселения владельческих в Крыму земель переселенцами из других губерний: правила от 8 ноября 1860 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. – СПб., 1861. Т. 35, № 36297. С. 220.
6. Герман, К. Описание Таврической губернии / К. Герман // Статистический журнал. – 1806. – Т. 1. – № 2. – С. 173–242; 1807. – Т. 2, № 1. – С. 155–234.
7. Государственный архив Республики Крым. Ф. 27. Таврическое губернское правление, г. Симферополь Таврической губернии. Оп. 13. Д. 3922. По циркуляру главного Управления по делам местного хозяйства от 11 июня 1909 года за № 19 – 4594 о доставлении сведений о положении дорожного дела в Губернии. 1909. 65 л.
8. Дайнеко, Л. И. Немецкие колонии в Крыму история заселения Крыма выходцами из Германии и жизнь колонистов с начала XIX в. до выселения их в 1941 г. / Л. И. Дайнеко // Сквозь века: Народы Крыма. Вып. 1 / ред. Н. Николаенко. – Симферополь, 1995. – С. 83.
9. Дементьева, М. И. Таврида-Крым-Судак. (Очерки по истории Крыма и Судака) / М. И. Дементьева, О. С. Анисимова. – Днепрпетровск: АРТ-ПРЕСС; Симферополь: Соло-Рич, 2009. – 112 с.
10. К эмиграции татар // Вестник Таврического земства. – 1903. – № 3. – С. 64.
11. Крым от древности до наших дней / гл. ред. Э. Б. Петрова. – 2-е изд., доп. – Симферополь: ЧерноморПРЕСС; Феодосия: Коктебель, 2012. – 656 с.: ил.
12. Крым: прошлое и настоящее / под ред. С. Г. Агаджанова, А. Н. Сахарова. – М.: Мысль, 1988. – 107 с.
13. Курьянов, М. С. Крым / М. С. Курьянов. – Киев: изд-во полит. лит. УССР, 1955. – 110 с.
14. Маркевич, А. И. Переселение Крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму / А. И. Маркевич // Известия Академии наук СССР. – М., 1928. – № 4. – С. 375–405.
15. Надинский, П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1 / П. Н. Надинский. – Симферополь: [б. и.], 1951. – 231 с.
16. Русская старина: ежемес. ист. изд. – 1907. – Т. 131. – 640 с.
17. Чуприн, Г. Т. Предыстория и история Крыма / Г. Т. Чуприн. – Харьков: Литера Нова, 2012. – 256 с.

студентка группы 41-И Сапронова Карина Андреевна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)

Постановка проблемы. История изучения позднескифской культуры Крыма берет начало со второй половины XVIII в. В связи с присоединением Крымского полуострова к Российской Империи в 1783 г. активность в изучении древностей данного региона начали проявлять иностранные путешественники (О. Мотре, Е. Крвен, Э.Д. Кларк и др.). Большой вклад в изучение позднескифской культуры внесли российские исследователи: ботаник Х. Х. Стевен, археолог И. П. Бларамберг (руководил первыми раскопками Неаполя Скифского), историк Н. Мурзакевич, этнограф Ф. Дюбуа де Монпере, краевед А. Фабр и др.

Со второй половины XX в. начались систематические и повсеместные археологические раскопки советских ученых, которые давали ответы на многие проблемные вопросы позднескифской культуры. Начало было положено в 1944 г. работой Тавро-скифской экспедиции под руководством П. Н. Шульца.

В начале XXI в. с новой силой начали проводиться археологические исследования позднескифских памятников. Большой вклад в изучение позднескифской культуры внесли современные исследователи. Благодаря новым методикам раскопок открыты уникальные памятники позднескифской материальной культуры.

На протяжении всей истории изучения позднескифской культуры возникают проблемы в изучении отдельных ее аспектов. В связи с этим целесообразно рассмотреть наиболее дискуссионные вопросы.

Изложение основного материала исследования. Первоначально внимание было направлено на изучение позднескифской столицы. В связи с этим стал актуальным вопрос о локализации позднескифских крепостей (Неаполь, Хаби, Палакий и др.), которые описывал Страбон и другие древние авторы. Исследователи второй половины XX – начала XXI вв. давали разные трактовки расположения памятников поздних скифов. К данному вопросу обращались в своих трудах О. Д. Дашевская, Д. С. Раевский, П. Н. Шульц, М. И. Артамонов, М. В. Скржинская и другие исследователи. Важные исследования в этом направлении проводил и П. Н. Шульц. Исследователь пришел к выводу о том, что Неаполь был позднескифской столицей, на которой позже было основано городище Керменчик, расположенное на периферии современного города Симферополь [14, с. 63–65]. Таких же выводов придерживался М. И. Артамонов, считавший, что Неаполь можно с уверенностью отождествлять с Керменчиком. В. Ф. Гайдукевич высказывал неуверенную позицию о возможной идентичности этих памятников. На самом деле данных выводов придерживается большинство исследователей.

Иную позицию в этом вопросе заняла О. Д. Дашевская. Опираясь на свидетельство Страбона о крепости Палакий, которую Диофант не стал разрушать, исследовательница пришла к выводу о том, что именно эта крепость была столицей поздних скифов [4, с. 143–150]. Таких же выводов придерживался Д. С. Раевский, который утверждал, что Керменчик являлся столицей поздних скифов Палакием, а Кермен-Кыр и Булганакское городище и есть древние крепости Неаполь и Хаби. М. В. Скржинская считала, что информации о позднескифской столице вообще не сохранилось, так как крепости, которые описывали древние авторы, располагались вблизи Херсонеса [10, с. 73].

Особенный интерес вызывает вопрос о характере взаимоотношений между сарматами и поздними скифами. В рассмотрение данного вопроса внесли вклад: И. В. Яценко, Т. Н. Высотская, О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов, С. Ю. Внуков, С. Г. Колтухов, И. Н. Храпунов, Ю. П. Зайцев. По результатам археологических исследований были изданы обобщающие труды, которые содержат ценные сведения по данной проблеме.

В начале 1990-х гг. наметилась дискуссия по вопросам политической и этно-социальной истории поздних скифов. Древние авторы (Страбон, Плиний Старший и др.) оставили ценные свидетельства, которые дают уникальную возможность понять, какие культурные и социальные процессы происходили на рубеже нашей эры. Важный вклад в изучение этих вопросов внесли советские и современные исследователи: А. Н. Щеглов, В. М. Зубарь, В. С. Ольховский, С. Г. Колтухов, И. Н. Храпунов, А. Е. Пуздровский и др.

А. Н. Щеглов рассматривал Малую Скифию в Крыму как греческое государство, считая, что в позднескифской культуре много греческих компонентов [16, с. 29–40]. И. Н. Храпунов в социальной структуре выделял высшую аристократию, в том числе скифских царей. Исследователь считал, что Крымская и Нижнеднепровская Скифия не могли существовать как единое государство [13, с. 22–30]. В. С. Ольховский высказал мнение о том, что если такое государство существовало, то недолго [6, с. 136–139]. Т. Н. Высотская разделила социально-политическую историю Малой Скифии на три периода. Первый период (конец IV—II вв. до н. э.) – активное политическое и экономическое развитие; второй период (I – первая половина II в. н. э.) – новый виток развития; третий период (вторая половина II в. н. э.) – постоянная борьба с Боспорским царством, усиление влияния сарматов, ослабление социально-политической ситуации и экономический упадок. По мнению Э. И. Соломоник Крымская Скифия в III – II вв. до н. э. была сильным государством, которое могло противостоять Боспору и Херсонесу [11, с. 103–128]. В. Ф. Гайдукевич и Э. И. Соломоник сошлись во мнении, что в первые века н. э. происходит новый расцвет позднескифского государства, что выразилось в его противостоянии с Боспором и Херсонесом. Т. В. Блаватская высказывала позицию о возможном союзе между Крымской Скифией и Боспорским царством, до походов Диофанта [2, с. 89].

Особое место в изучении позднескифской культуры отводится вопросу датировки образования Малой Скифии в Крыму. Этой проблематике посвящены работы: Б. Н. Гракова, Э. И. Соломоник, В. Д. Блаватского, П. Н. Шульца, Д. Б. Шелова и др. В настоящее время нет единства в определении точной даты создания позднескифского государства. Б. Н. Граков, Э. И. Соломоник, П. Н. Шульц, В. Д. Блаватский и др. относят дату образования Крымской Скифии к IV в. до н. э. Эти исследователи считают, что позднескифское государство с собственной экономической существовало как объединение племен, схожих по культуре и языку. То есть рассматривают связь скифской и позднескифской культуры, как преемственность. А. Е. Пуздровский и Ю. П. Зайцев сходятся во мнении, что позднескифское государство берет начало в середине – второй

половине II в. до н. э., говоря о единстве во времени позднескифской культуры и степных сарматов [9, с. 125–135].

Большое внимание уделяется этническому составу позднескифского общества. П. Н. Шульц пришел к выводу о том, что позднескифские памятники на территории Крыма возникли в результате расширения торговых связей с греческим населением в конце IV в. до н. э. При этом исследователь указывает на появление в степных районах сарматских племен, которые вытеснили скифов и способствовали их переходу к оседлости [15, с. 127–143]. М. И. Артамонов считал, что позднескифское варварское государство возникло в связи с переходом скифов к оседлому земледелию. Изучив погребальный инвентарь, Н. Н. Погребова сделала заключение о влиянии сарматов в погребальном обряде поздних скифов [7, с. 178–179]. В. П. Бабенчиков, на основании исследований погребений сделал вывод о значительном сарматском влиянии [1, с. 111–119]. По мнению А. Е. Пуздровского поздние скифы Крыма сформировались в результате слияния пришлого и местного населения к концу II в. до н. э., в связи с изменением демографической ситуации [8, с. 97–119]. Ю. П. Зайцев поддержал в этом вопросе А. Е. Пуздровского, но уточнил, что формированию позднескифского государства способствовали восточные миграционные процессы. Е. А. Высотская отрицала преемственность культур ранних и поздних скифов, высказав мнение о том, что в середине II в. до н. э. хору Херсонеса заняли оседлые скифы Боспора, и Крымская Скифия являлась провинцией Боспора [3, с. 98–100].

Не менее дискуссионным остается вопрос о дате и причинах гибели позднескифского государства. Проблематикой гибели Малой Скифии занимались: В. В. Кропоткин, О. Д. Дашевская, Т. Н. Блаватская, М. И. Артамонов, С. А. Жебелев и др. В. П. Бабенчиков и П. Н. Шульц датировали гибель государства IV в. н. э., и связывали с гуннским нашествием. О. Д. Дашевская, В. В. Кропоткин и Д. С. Раевский связали гибель государства с приходом готов в середине III в. н. э. Т. Н. Высотская поддерживала эту позицию, но считала, что вместе с готами в ликвидации поздних скифов участвовали сармато-аланские племена. В. М. Зубар относил упадок позднескифского государства ко второй половине III в. н. э. [5, с. 100–102]. В. Ю. Юрочкин и В. Б. Уженцев допускали возможность того, что в первой половине III в. н. э. гибель Малой Скифии произошла под натиском Боспора [12, с. 264–280]. А. Е. Пуздровский и С. Г. Колтухов датировали упадок государства III в. н. э., в связи с приходом сарматов. Таким образом, многие исследователи связывают гибель Крымской Скифии с сарматским нашествием, другие ученые данные выводы подвергают критике.

Выводы. Актуальность проблемы изучения позднескифской культуры сохраняется, поэтому существует необходимость в выявлении новых вещественных и письменных материалов, которые дадут возможность перейти к решению дискуссионных вопросов.

Аннотация. В статье рассматривается история изучения позднескифской культуры Крыма в советский период и на современном этапе. Особое внимание акцентируется на изучении проблемных вопросов позднескифской культуры. Представлены выводы исследователей в решении дискуссионных вопросов позднескифской культуры.

Ключевые слова: позднескифская культура, памятники культуры, исследования, археологические раскопки, этносоциальные процессы, политическая ситуация.

Annotation. The article discusses the history of the study of late Scythian culture of the Crimea in the Soviet period and the modern stage. Special attention is focused on the study of problematic issues of the late Scythian culture. Presents insights of researchers in resolving the controversial issues of the late Scythian culture.

Keywords: late Scythian culture, monuments, research, archaeological excavations, ethno-social processes, the political situation.

Литература:

1. Бабенчиков В. П. Новый участок некрополя Неаполя Скифского / В. П. Бабенчиков // Вестник древней истории. – 1949. – № 1. – С. 111–119.
2. Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. / Т. В. Блаватская. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – 160 с.
3. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму / Т. Н. Высотская. – Киев: Наукова думка, 1972. – 192 с.
4. Дашевская О. Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном / О. Д. Дашевская // Вестник древней истории. – 1958. – № 2. – С. 143–150.
5. Зубар В. М. Про пізньоскіфську державність / В. М. Зубар // Археологія. – 1992. – № 1. – С. 100–102.
6. Ольховский В. С. Про дискусійні питання соціально-політичної історії пізньоскіфського царства / В. С. Ольховский // Археологія. – 1992. – № 2. – С. 136–139.
7. Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского / Н. Н. Погребова // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – № 96. – С. 178–179.
8. Пуздровский А. Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. / А. Е. Пуздровский // Вестник древней истории. – 1999. – № 4. – С. 97–119.
9. Пуздровський О. Є. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е. – перш. пол. III ст. н. е. / О. Є. Пуздровський // Археологія. – 1992. – № 2. – С. 125–135.
10. Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего / М. В. Скржинская. – Киев: Наукова думка, 1977. – 127 с.
11. Соломоник Э. И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья / Э. И. Соломоник // Археология и история Боспора: сборник. – Симферополь, 1952. – С. 103–128.
12. Уженцев В. Б. Керамический комплекс III в. н. э. из Неаполя Скифского / В. Б. Уженцев, В. Ю. Юрочкин // Старожитності степного Причорномор'я і Криму. – 2000. – № 7. – С. 264–280.
13. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма / И. Н. Храпунов. – Симферополь: Изд-во Доля, 2007. – 272 с.
14. Шульц П. Н. Неаполь-Скифский / П. Н. Шульц, В. А. Головкина // По следам древних культур: сб. трудов по археологии. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1951. – С. 63–65.
15. Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму / П. Н. Шульц // Проблемы скифской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. – 1971. – № 177. – С. 127–143.

УДК 371

РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КРЫМА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

*студентка 61/2-И группы, направление подготовки
46.04.01 «История» Снисаренко Виолетта Владимировна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Говоря о туристической инфраструктуре Крыма в конце XIX – начале XX вв., по сравнению с предшествующим периодом, когда полуостров еще не был популярным курортом, стоит отметить ее улучшение по многим параметрам, но все же было немало проблем, которые требовали немедленного решения.

В первую очередь стоит сказать об инфраструктуре курортной столицы полуострова – Ялте, т.к. на нее равнялись другие крымские курорты. В нач. XIX в. в городе было лишь две гостиницы – гостиница С. П. Галахова и Hotel de Jalta, принадлежавшая французу Собесу. В 1874 г. было построено еще две гостиницы. Между собой у них была сильная конкуренция, иногда даже прибегали к распространению нелепых слухов, чтобы подорвать репутацию конкурентов [1, с. 204].

Также, если позволяли финансы, можно было снять дачу или т.н. «меблированные комнаты», но по воспоминаниям путешественников убранство здесь «оставляло желать лучшего». Но, несмотря на скромную мебель и антисанитарию, цены на жилье были неоправданно завышены. Например, в конце 60-гг. за сутки на комфортабельной даче в летний период брали от 5 до 11 руб., номера в гостинице стоили от 1 до 3 руб. за сутки. В поселке Аутка близ Ялты можно было снять комнату за 10 руб. в месяц, 2–3 комнаты за 50–100 руб. Что касается питания, то например, в гостинице за одну порцию завтрака брали 25–30 коп. Такие высокие цены, прежде всего можно объяснить тем, что поначалу, когда Ялта только стала курортным городом, спрос превышал предложение [3, с. 236].

Исходя из этого, можно сказать, что с первых лет курортной жизни в Ялте остро стояли две проблемы, которые впоследствии решались еще не один десяток лет – проблема благоустройства и цены.

Изложение основного материала исследования. В начале 70-х г. Ялта получает местное самоуправление. С. П. Галахов, который был владельцем лучшей городской гостиницы, стал первым выборным головой. В 1874 г. был согласован генплан Ялты, согласно которому границы города расширили на 545 га. Город начинает расти, строится множество дач и домов, отстраиваются улицы с фонарями и тротуарами. Благодаря графу С. М. Воронцову в городе появляется водопровод, также были открыты мужская и женская прогимназии и детский приют. Была построена большая на то время гостиница «Россия» на 150 номеров. Доктор Дмитриев писал, что благодаря появлению этой гостиницы в Ялту начинает приезжать столичная публика, которая претендовала на комфортные условия отдыха, что приводит к появлению умывальников, пружинных кроватей, газового освещения и т.д. [3, с. 249].

Начало турецкой войны 1877 – 1878 гг. нанесло сильный удар по курорту. Сами военные действия города не коснулись, но публика все равно боялась ехать в Крым. И на протяжении двух сезонов Ялта пустовала, многие гостиницы и дачи поменяли своих хозяев, но в 1879 г. курортная жизнь возрождается и приносит немалую прибыль. Цены на землю и недвижимость значительно возрастают, начинают строиться новые гостиницы, дачи, дома.

В 1888 г. в жизни Ялты происходят сразу два значимых события, которые поднимают город на новый уровень: благоустройство городской канализации и прокладка нового водопровода. Но вскоре, из-за неуклонного роста города, воды стало не хватать, а канализация, которая была гордостью местных властей, устроенная по т.н. «сплавной системе», спускалась в море. В 1897 г. из 589 дворов в городе и 229 дач, канализацией были оборудованы 224 двора, а водопроводом – 277. Что касается освещения улиц, то стоит сказать, что лишь центр Ялты освещался керосиновыми фонарями. Подавляющее большинство улиц не освещались [3, с. 250].

Но, несмотря на все проблемы города, Ялта не теряла своей популярности. В 90-е гг. она стала одним из крупнейших курортов и по количеству приезжих могла конкурировать с немецким курортом Карлсбад. Например, по данным на 1897 г., население города составляло 13 500 человек, летом эта цифра увеличивалась еще на 20 000 человек. Но по сравнению с европейскими курортами, цены в Ялте были гораздо выше. Спрос на жилье был огромным, т.к. количество туристов превышало количество сдаваемых комнат. Своего апогея цены на жилье и питание достигали в августе и не спадали до середины октября. Это объясняется тем, что жизнь города зависела от курортного сезона. Основная часть населения зарабатывала на туристах, а в зимний период жила на средства, полученные за курортный сезон. Собственно это и было основной причиной такого скачка цен на жилье, питание, транспорт и прочее, во время курортного сезона [3, с. 254].

Также достаточно высокими были налоги, что заставляло местных предпринимателей завышать цены. Немаловажную роль в этом сыграло изначальное становление Ялтинского курорта, как аристократического, поэтому поначалу приезжавшая публика не задумывалась о реальных ценах и можно сказать «сорила» деньгами. Собственно совокупность этих причин и привела к дороговизне ялтинского отдыха.

Но к концу 90-х годов, город сталкивается с финансовыми трудностями и интерес к Ялте начинает падать. В первую очередь это произошло из-за дороговизны. Приезжающие в Ялту люди среднего класса стали жаловаться на цены, создавая этим не лучшую репутацию городу и конец XIX в. можно считать неблагоприятным для ялтинского курорта [3, с. 254].

Местные жители всячески пытались улучшить положение города. Например, в 1898 г. возникает «Общество содействия благоустройству ялтинского курорта», основные цели общества: пропаганда курортного дела, курортное благоустройство, создание рекламных проспектов и т.д. Общество состояло из 34

человек, и все они были ялтинскими домовладельцами.

Первым делом, общество попыталось открыть квартирную справочную контору, чтобы ликвидировать посредников-комиссионеров, которые способствовали росту цен на жилье. Комиссионеры помогали найти приезжим жилье, взимая с них 5%, а с квартиросдатчиков брали до 15%. Власти города пытались бороться с ними и даже хотели организовать справочную контору, но попытка не увенчалась успехом. Вторая попытка создания такой конторы в конце лета 1898 г. была все же удачной, но уже в октябре необходимость в конторе отпала. Тогда общество создало свою клиентскую базу, которой взамен на пожертвования для содержания конторы установили льготные цены за наем, с остальных брали 4%. За год контора располагала 246 комнатами. Но, несмотря на эти меры, посредников-комиссионеров меньше не стало, и они продолжали свою деятельность [3, с. 255].

Также немалые усилия были приложены в упорядочении извозного промысла. Для извозчиков была введена определенная такса, но это вызвало лишь серию протестов и несоблюдение ценовой политики. Но спустя некоторое время извозчики были вынуждены согласиться на предложенные им условия.

В начале нового столетия, важную роль в смене имиджа ялтинского курорта, стали играть рекламно-информационные нововведения. Например, в одном из путеводителей по Крыму 1902 г. говорилось следующее: «Не далеко то время, когда Ялта имела в публике печальную репутацию курорта для богатых. Это время прошло безвозвратно, и стоимость жизни в Ялте в настоящее время совершенно несравнима с 80-ми и даже с 90-ми годами. Ялта за последние годы чрезвычайно демократизировалась. Появилась возможность проживать здесь людям не только со средним достатком, но даже с небольшим. Жизнь в Ялте, включая квартиру, продовольствие и прочие необходимые расходы, для человека со средними потребностями может обходиться зимою в 60 р., летом в 70 р., осенью в 80 р. в месяц. Лица с очень скромными потребностями могут удешевить эти цифры на одну треть или даже наполовину». Стоит сказать, что отдых в Ялте действительно стал более доступным для основных масс населения, но людям с ограниченными финансовыми возможностями все же не стоило приезжать сюда ранней осенью, т.к. в этот период цены опять возрастали в несколько раз [3, с. 256].

Но, несмотря на различные трудности, город рос и развивался. Росло также количество жителей. Согласно переписям в Ялте проживало:

1892 год – 10 202 человека;

1903 год – 19 377 человек;

1914 год – 32 500 человек.

Количество туристов также возрастало с каждым годом, но точных данных нет т.к. различные ведомства, которые занимались учетом приезжих, предоставляют разные данные. Так, в адресном столе Ялты в 1911 г. было зарегистрировано 92 923 человека, в 1912 г. – 111 578 человек, в 1913 – 124 188 приезжих. По полицейским данным за 1908 г. приезжих насчитывалось 24 662, в 1909 г. – 31 319, в 1910 г. – 34 437 человек. Сборщики сезонного налога в 1910 г. зарегистрировали 33 058, в 1911 г. – 34 841, в 1912 г. 35 552, и в 1913 г. – 44 314 приезжих. Исходя из данных, предоставленных сезонными сборщиками налогов, можно сказать, что большая часть приезжих уклонялась от уплаты налога [4, с. 58].

Жилищная инфраструктура также неустанно росла. В начале нового столетия в Ялте работало 12 гостиниц (591 номер), множество дач и домов с «меблированными комнатами». К 1910 г. Ялтинские гостиницы разделили на перворазрядные и второразрядные. К 1914 г. в городе было 9 перворазрядных гостиниц («Марино», «Санкт-Петербургская», «Россия», «Ореанда», «Вилла Елена», «Франция», «Центральная», «Джалита», «Метрополь») и 7 второразрядных («Венеция», «Бристоль», «Лондон», «Ялта», «Новый парк», «Гранд-отель», «Морская»).

Также, в начале нового столетия в Ялте было открыто несколько санаториев. В 1900 г. Ялтинское благотворительное общество открыло санаторий-пансион Яузлар на 40 комнат, в том же году врачи Лебедевы открыли частный санаторий «Гастрия», в 1902 г. в Массандре был открыт «Санаторий им. Императора Александра III». Спустя 10 лет в городе действовало 7 общественных и 4 частных санатория для больных с различными заболеваниями [2, с. 86].

Важные изменения произошли и в городском благоустройстве. В 1904 г. на главных улицах города установили 125 электрических фонарей. Большое внимание уделялось чистоте и благоустройству улиц. Важным вопросом, оставалась проблема уничтожения мусора, предполагалось построить специальный мусоросжигательный завод, но эти планы так и не были реализованы.

Если подводить итог развития инфраструктуры Ялты до 1917 г., можно привести слова доктора Е. В. Святловского, описавшего Ялту в начале XX в.: «Если очень бывалого человека – туриста привезти, завязав глаза, в Ялту и развязать их на какой-нибудь Виноградской или Лавровой улице, то он ни в коем случае не признает, что находится в пределах собственного российского отечества. Все здесь пахнет европейской культурой, особенно при первом и, конечно, поверхностном взгляде. Поживет человек, присмотрится, и, разумеется, иллюзия эта испарится. Вместо Европы запахнет, и очень сильно, Азией. Но зато в других курортах этот запах слышен при первом въезде». К началу Первой мировой войны Ялта являлась курортной столицей Российской империи и это звание было дано ей по праву. Но, несмотря на такой статус, у города было много нерешенных проблем, наиболее насущными вопросами считались необходимость расширения набережной, организация правильного вывоза мусора, строительство льдоделательного завода и пуск трамвая. Из-за быстрого роста города, местные власти сталкивались с множеством проблем, которые нельзя было решить на местном уровне. В 1915 г. в специальном докладе, на съезде посвященном улучшению русских лечебных местностей, местные депутаты заявляли: «Ялту может спасти только признание ее законодательным путем не просто уездным городом, а всероссийским первостепенного значения курортом...». В следующем десятилетии это собственно и было сделано, но уже при других обстоятельствах и в другом государстве [3, с. 257].

Большую часть туристов в конце XIX – нач. XX в. встречал Севастополь. Жилищная инфраструктура была здесь лучше, чем в остальных городах полуострова. Лучшими гостиницами долгое время считались «Отель Кист» и «Гостиница Ветцель», где цены за комнаты варьировались от 1 до 10 руб. за сутки. Еще одной фешенебельной гостиницей считался «Гранд-отель», построенный в конце XIX в. Также, в начале нового столетия, к первоклассным гостиницам относили: «Северную», «Францию», «Бель-вю». При самых скромных требованиях полный пансион в этих гостиницах обходился минимум в 100 руб. в месяц [6, с. 147].

Как и повсюду в Крыму, для людей, которые не могли позволить себе остановиться в первоклассной

гостинице, в Севастополе было предложено множество «меблированных комнат» и частных квартир, проживание в которых стоило намного дешевле. Но продукты питания в Севастополе не отличались дешевизной, прежде всего потому, что были привозными. Поэтому отдых в Севастополе не был намного дешевле ялтинского, к тому же без тех природных лечебных достоинств, которыми обладает Южный берег. Исходя из этого, Севастополь был все же перевалочным пунктом для туристов и на осмотр его достопримечательностей уходило не более пяти дней.

Что касается инфраструктуры Евпатории, стоит сказать, что на протяжении XIX в. она находилась на примитивном уровне, но тем не менее привлекала туристов, прежде всего благодаря своим пляжам и лечебным грязям. В 1874 г. на берегу Мойнакского озера П. П. Пугачев построил небольшой сарай из досок, где проводил всем желающим лечебные грязевые процедуры. Такое лечение в кустарных условиях проводилось до 1886 г., после врачи С. И. Ходжаш и С. П. Цеценовский взяли озеро в аренду и в 1887 г. открыли здесь грязелечебницу. Купальни делились на мужские и женские, по 15 ванн в каждой. На территории грязелечебницы была построена гостиница на 20 номеров. Популярность заведения росла и в феврале 1897 г. высочайшим указом озеро было признано общественным достоянием. Через год при грязелечебнице была открыта еще одна гостиница [5, с. 277].

К середине XIX в. в городе насчитывалось немалое количество казенных и частных купален, гостиниц, пансионов и меблированных комнат. Жестких требований к гостиницам разного уровня, как например в Ялте, в Евпатории не было. Наиболее крупными были следующие: «Россия», «Гранд-Отель», «Бейлер», «Франция», «Дюльбер», «Модерн», стоимость номеров разнилась от 1 до 10 рублей. Также было около десяти пансионов: «Гульнор», «Сфинкс», «Вилла роз» и др. [2, с. 144].

Довольно стремительно росло количество жителей, в 1888 г. население составляло 15 тыс. человек, а в 1910 г. в два раза больше. Также росло количество туристов, к началу нового столетия Евпатория была вторым после Ялты курортом в Крыму и соответственно на территории всей Российской империи. Активнее всего город развивался в период, когда городским головой был С. Э. Дуван, местный землевладелец. В 1907 г. с рассрочкой на 20 лет он выкупил у казны пустырь в западной части города, где в короткие сроки вырос новый город из частных домов и дач. Было значительно улучшено санитарное состояние города, главные улицы были замощены и шоссированы. Был открыт театр, считавшийся одним из лучших в южной части империи, а также библиотека и ресторан-кафе «Бориваж» [2, с. 146].

Городской голова также разработал программу по развитию курорта, с целью сделать город одним из лучших городов-курортов Российской империи. Было предложено взять под контроль все лечебные учреждения города, обустроить водопровод, канализацию, благоустроить сады и бульвары, шоссировать все улицы города, построить новые крупные гостиницы, курзал, купальни, рестораны, пустить городской трамвай и т.д. Но проект так и не был реализован, т.к. часть депутатов-гласных проголосовали против.

В начале нового столетия главными недостатками города считалось отсутствие ж/д, канализации, водопровода, замощения улиц, крытых рынков, городской бани, курзала, больницы, практически все то, что предлагал в своем проекте по благоустройству Дуван. В 1914 г. в городе был пущен первый трамвай, еще через год Евпаторию соединили железной дорогой с Симферополем. Первая мировая война не помешала городу принимать туристов, в 1916 г. Евпаторию посетили рекордное количество человек, свыше 40 тыс. человек, но спустя два года город подвергся упадку, как и другие крымские города после войны [3, с. 277].

Касательно инфраструктуры в Феодосии стоит сказать, что в 30-х гг. XIX в. в городе было всего две гостиницы «Московская» и «Петербургская», но по свидетельствам путешественников они были «весьма плохи». Зато было много сдающихся внаем квартир с довольно низкими ценами. Фешенебельные меблированные комнаты сдавались по 40 – 75 коп. серебром в сутки, самые дешевые комнаты сдавались за 6 – 8 руб. в месяц. Цены на продукты были также гораздо меньше, чем в других курортных крымских городах. Например, один обед в ресторане при гостинице мог обойтись в 15 – 20 коп.

В 1892 г. правительство решает перенести торговый порт из Севастополя в Феодосию, благодаря чему, уже через два года была построена железная дорога, соединяющая город с материковой частью империи. Это привело к бурному росту количества туристов. В связи с этим городу пророчили перспективное будущее и как курорта, и как портового города. Но пророчества так и не сбылись. Торговый порт Феодосии не достиг уровня других русских торговых портов Одессы, Таганрога и Ростова-на-Дону. Зато для постройки порта были выделены лучшие пляжи города, в результате чего у города почти не осталось морского берега для туристов, а целебный морской воздух загрязнялся от дымящих пароходов, паровозов и портовых машин. Власти города уделяли больше внимания развитию коммерческой деятельности порта, чем развитию курортной составляющей города. До 20-х гг. XX в. в городе не было общества, которое бы занималось развитием курорта. Не было курзала, парков, справочного бюро по поиску квартир и т.д. [3, с. 278].

Перед началом Первой мировой войны количество гостиниц значительно возросло. В путеводителях по Феодосии упоминались такие гостиницы, как «Россия», «Гранд-Отель», «Эрмитаж», «Европейская», «Метрополь», «Бристоль», «Таврида», «Центральная», «Большая Московская», где можно было снять номер от 1 до 3 руб. в сутки вне сезона и до 8 руб. в сезон. Суммарное количество мест в этих гостиницах оценивалось в 650–700 мест.

Развлечений для туристов в городе практически не было, курзал так и не был построен, а здание городского клуба с концертным залом сгорело в 1905 г. из-за беспорядков в городе. Единственными развлечениями в городе были катания на лодках и народные гуляния, проходившие на городских бульварах.

Несмотря на дешевизну продуктов питания и жилья, Феодосия так и не стала крупным курортным городом. С населением в 1917 г. в 38 470 чел., город принимал в сезон не более 5 тыс. туристов, т.е. в 10 раз меньше, чем Евпатория. В городе не было общества занимавшегося курортным благоустройством и не взимался сезонный сбор с туристов, как это делалось в других курортных городах [3, с. 279].

В XIX – нач. XX вв. главным транзитным центром был Севастополь, т.к. это был конечный пункт крымской железной дороги, откуда публика следовала на ЮБК по морю или по югобережному шоссе. В Симферополе выходили лишь те, кто следовал в Алушту или в Евпаторию. Здесь туристы пересаживались на другой транспорт, и зачастую, в городе не задерживались. Только очень любопытные туристы могли остаться в городе на несколько дней. Главной достопримечательностью города был Неаполь Скифский – развалины столицы позднескифского государства. В начале нового века, еще одной достопримечательностью стал памятник Екатерине II, естественно-исторический музей Таврического губернского земства и Дворянский театр [7, с. 109].

Гостиничная инфраструктура в городе, как отмечали приезжие была на довольно высоком уровне. В 1914 г. в городе насчитывалось более десятка гостиниц, среди которых можно выделить гостиницу «Европейскую» с 80-ю номерами, ваннами, библиотекой и лифтом. Также в путеводителях отмечают несколько приличных ресторанов, где цены были гораздо ниже южнобережных.

Выводы. Подводя итог, стоит сказать, что в изучаемый период инфраструктура на полуострове развивалась быстрыми темпами, но только в тех городах, которые часто посещались туристами.росло число гостиниц, строились новые дороги, больницы, курзалы, бани, рынки, прокладывали водопровод, канализацию и т.д.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития туристической инфраструктуры Крыма на рубеже XIX – XX вв. В частности, создание транспортной инфраструктуры полуострова, строительство дорог, гостиниц, водопровода, магазинов и т.д. Также в статье проанализированы цены на жилье в курортных городах полуострова и количество туристов.

Ключевые слова: Крым, Ялта, курорт, Севастополь, Евпатория.

Annotation. In the article features of development of a tourist infrastructure of Crimea on a boundary XIX - XX centuries are considered. In particular, the creation of the transport infrastructure of the peninsula, the construction of roads, hotels, aqueducts, shops, etc. The article also analyzes the prices for housing in the resort towns of the peninsula and the number of tourists.

Keywords: Crimea, Yalta, resort, Sevastopol, Evpatoria.

Литература:

1. Безчинский А. Я. Путеводитель по Крыму / А. Я. Безчинский, В. Н. Дмитриев, С. Я. Елпатьевский. – М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1902. – 468 с.
2. Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма / В. П. Дюличев – Симферополь: ИД «Квадранал», 2005. – 320 с.
3. Мальгин А. В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в / А. В. Мальгин. – Симферополь: Сонат, 2006. – 352 с.
4. Мальгин А. В. Туризм в Крыму на рубеже веков / А. В. Мальгин // Новый Крым. Курорты и туризм. – 1999. – №1. – С. 58–59.
5. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. 21-е изд. / Г. Г. Москвич. – СПб.: Издание Редакции Путеводителей Григория Москвича, 1911. – 305 с.
6. Прохорова Т. А. Крымские путешествия: древности Балаклавы, Херсонеса, Инкермана в описании Чарльза Эллиота // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2012. – Т.25(64). – №1. – С. 144–160.
7. Сосногорова М. П. Путеводитель по Крыму для путешественников / М. П. Сосногорова. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1874. – 480 с.

УДК 433

ЯЛТА И РИЕКА: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ К КУЛЬТУРНЫМ СВЯЗЯМ

*аспирант кафедры истории, краеведения
и методики преподавания истории Солнце Екатерина Олеговна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Международные культурные связи Ялты всегда зависели от внешнего курса СССР. В период 1969-1979 гг. наступила реальная разрядка в отношениях стран Запада и Востока. Одной из причин разрядки была стабилизация взаимоотношений СССР с социалистическими странами. В 1970 году Советский Союз и Ялту посетила делегация Социалистической Федеративной Республики Югославия в составе ведущих ученых и руководящих деятелей в области строительства (всего 10 человек), которая ознакомилась с жилищным, культурным и курортным строительством Большой Ялты, а также с работами треста «Ялтаспецстрой» [7, л. 25]. Решено было закрепить экономические связи двух стран партийными контактами двух городов.

Выбор пал на Ялту и на третий по величине в Хорватии город и крупнейший пассажирский и грузовой порт – Риеку. Риека находится в северной части Далмации рядом с полуостровом Истрия, во впадении реки Речицы в Речский залив. Такое географическое местоположение и дало название городу. В 1971 году делегация Ялтинского Городского Комитета КП Украины отправилась в Риеку для установления партийных связей. В составе делегации были четыре партийца Ялты: первый секретарь партии А.А. Куценко, заместитель председателя исполкома Н.А. Солдатенко, главный врач санатория «Орлиное гнездо» Л.И. Окулова, крановщик морского порта А.И. Яценко [8, л. 1].

Изложение основного материала исследования. С 16 по 22 октября делегация находилась в Югославии. Многочисленное партийное руководство встречало и сопровождало ялтинцев. Сразу же посетили самый крупный остров Югославии на Адриатике Крк (409 кв. км), основное назначение которого прием и обслуживание туристов. Делегатов отметили инфраструктуру гостиниц, их различную классификацию, дифференциацию по стоимости проживания, питанию и обслуживанию [8, л. 2]. Кроме достоинств, участники поездки отметили и недостатки курорта: уровень средней зарплаты в Риеке, назвали количество общеобразовательных школ, обучение в которых бесплатно лишь для детей малоимущих родителей, побывали в школе и морском порту [8, л. 3].

Во время официального приема делегации города Ялты в общинном комитете Союза Коммунистов Хорватии (СКХ) города Риеки, первый секретарь М. Калаи рассказал о структуре коммунистической партии у них в городе, которая показалась сложной даже для жителей советского города [8, л. 3].

В заключении отчета партийные работники Ялты отметили, что «... Радужный и теплый прием, оказанный Ялтинской делегации в Югославии, многочисленные вопросы и глубокий интерес югославов к жизни СССР, регулярное освещение пребывания делегации по телевидению, радио и в газетах

свидетельствуют об огромной заинтересованности народа Югославии в развитии дружественных отношений с СССР...» [8, л. 11].

В том же году, мало того, в том же месяце – октябре, югославская делегация нанесла ответный визит в Ялту. Быстрота ответной реакции была связана с упрощенной системой двусторонних выездов со странами соцлагеря. Пять активистов-коммунистов Риеки прибыли в Ялту 29 октября 1971 года. Делегация была почтительно встречена в Москве и Симферополе, и размещена в одной из лучших ялтинских гостиниц «Ореанда». На следующий день гостей приняли в горкоме КП Украины, где первый секретарь партии А. Куценко рассказал, что представляет собой Ялта [8, л. 39].

Следующая официальная встреча состоялась в исполкоме городского Совета депутатов трудящихся. Председатель исполкома Д. Вершков рассказал о деятельности исполкома и его достижениях [8, л. 40]. В целом, программа пребывания югославской группы была довольно насыщенной: посещали санатории, музеи, учреждения общепита, образования, производства, отобедали во всех ресторанах Большой Ялты, причем каждый день в разных [8, л. 28-31]. В последствии партийные связи способствовали свершению выгодных экономических проектов.

С этих пор на некоторый период Ялта стала активно поддерживать связи с Риекой, пожалуй, активнее, чем с побратимами – Ниццей, Маргейт и Пиетарсаари. В сентябре 1972 года в Югославии побывала группа крымчан, в которую вошла молодежь Ялты. Комсомольцы побывала в Загребе и Риеке. Со 2 по 9 ноября 1972 года по приглашению руководства Общинской конференции СКХ города Риеки и Скупщины ялтинская партийная делегация в составе трех человек отправилась с визитом в Югославию. Там они встречались со служащими, рабочими и учащимися [9, л. 6].

По случаю 27-й годовщины провозглашения СФРЮ в Ялте была проведена агитационно-пропагандистская работа среди общественности города и торжественный вечер в клубе моряков. С 19 по 26 декабря 1972 года в Ялте побывала группа журналисты из Риеки. Ознакомившись с городом, они встретились со своими советскими коллегами – сотрудниками редакции «Курортной газеты», что способствовало профессиональным контактам [9, л. 8].

1973 год как никогда ранее оказался насыщен двусторонними визитами делегаций. Ни с одним побратимом ранее Ялта не поддерживала на столько активные культурные и экономические контакты. Ялту посетило четыре югославских делегации, а Риеку три советских. В апреле 1973 года в порядке обмена опытом в сфере строительной работы в Крым прибыла риекская делегация, побывавшая на строительстве крупных комплексов, в том числе и совместного проекта – гостиницы «Интурист». Кроме того, гостям предложили поучаствовать в сакральном занятии для каждого советского гражданина – субботнике и возложить цветы памятнику В.И. Ленина в день 103-летия вождя [10, л. 8].

В июне Ялту посетила группа коммунистов. В октябре прибыли снова строители – ведущие специалисты СФРЮ во главе с Матичем Джуро – Генеральным директором строительного объединения «Инпрос». В горисполкоме прошла встреча с Д. Вершковым и представителями треста «Ялтаспецстрой» и института «КрымНИИпроект». В ноябре в Ялте побывала группа молодежи из Хорватии, ознакомившись с местной комсомольской организацией [10, л. 9].

Из Ялты в Риеку в 1973 году первая делегация отправилась в феврале в составе директора Курортпродторга И.Ф. Шайтуро, заведующего отделом бытового обслуживания К.Д. Анохиной. Поездка была осуществлена с целью знакомства с торговлей, питанием и сферой обслуживания [10, л. 10].

11-19 июля в Риеке пребывала делегация в составе секретаря горкома КПУ А.Д. Барвинского, зам. председателя Алупинского горисполкома Т.А. Щербаковой, директора Ялтинского филиала института «КрымНИИпроект» В.А. Головки и бригадира завода ЖБИ, заслуженного строителя УССР П.И. Ермакова. Эта группа гостей знакомилась со строительством гостиничного комплекса и объектами социально-курортного строительства, о чем было написано в местной «Курортной газете» [10, л. 11].

Помимо строителей и партийцев в Риеке побывал и журналист – редактор «Курортной газеты» Б.Ф. Супрунок 18 – 22 октября. Вместе с ним в Югославии был секретарь партийной организации Б.И. Петров [10, л. 11].

В 1974 году в рамках соглашения о научно-техническом сотрудничестве между СССР и СФРЮ, подписанного в Белграде 19 декабря 1955 года, в Союзные республики и в частности в Ялту, прибыла делегация руководящих работников в сфере строительства СФРЮ [11, л. 54]. Срок пребывания в УССР – 12 дней. 14 октября делегация прибыла в Киев, где и были подписаны договоры о сотрудничестве с Государственным Комитетом Совета Министров УССР по делам строительства. Через неделю 21 октября в Ялту был нанесен визит с целью знакомства с курортом, его достопримечательностями, а также строительными проектами. В течение трех дней югославские специалисты проживали в лучшей гостинице Ялты – «Ореанде» и посещали самые известные достопримечательности Большой Ялты [11, л. 55-59].

21 – 22 декабря 1974 года в Ялте находилась многочисленная правительственная делегация СФРЮ, посетившая туристические и строительные объекты [11, л. 70]. Это свидетельствовало о реализации межгосударственного сотрудничества, а не только муниципального.

В плане культурных связей на 1975 года было намечено четыре двусторонних обмена различными делегациями Ялты и Риеки. Но в отчете описана детально лишь одна поездка в Риеку партийно-рабочей делегации. Во время пребывания в Хорватии делегация снова ознакомили с достижениями курорта и предложили участие строителей Риеки в проектах Большой Ялты [12, л. 6 – 14]. При этом шел активный совместный проект «Ялтаспецстрой» с «Унион инженеринг – ИНГА» по строительству здания гостиницы «Ялта-Интурист».

Ялта и Риека действительно поддерживали и развивали культурное и экономическое сотрудничество. За пять лет в период с 1971 по 1976 гг. в Ялте побывало восемь делегаций из Риеки (31 человек), а в Риеке из Ялты – девять (26 человек). Пожалуй, это рекордное количество визитов. В основном в составе делегаций чаще всего были партийные работники, затем врачи, строители, журналисты, лекторы, представители молодежных и общественных организаций, научные сотрудники, работники торговли и общественного питания [13, л. 1].

Во время поездок в Риеку, ялтинцы пытались перенять положительный опыт в курортном строительстве. В магазинах и Доме торговли была проведена перепланировка залов и интерьеров по образцу риекских, в парках и скверах подсвечены зеленые насаждения, заимствованы некоторые методы строительства [л. 1, 1976]. В Краеведческом музее Ялты находилась экспозиция о связях двух городов с памятными

сувенирами, выпелами, альбомами. Ресторан в здании гостиницы «Интурист» и комфортабельное судно были названы «Риека» [13, л. 2].

В дальнейшем предложения о сотрудничестве Ялта стала составлять на два года, а не один, как это было раньше. В планах на 1977-1979 гг. было заявлено достаточно много, как например, отправить в Риеку ансамбль «Червона рута» со знаменитой украинской певицей Софией Ротару, группу морского порта, также многочисленную пропагандистскую литературу и самые различные выставки [13, л. 18-19]. Но никаких отчетов по сотрудничеству в эти годы не последовало. К 1983 году югославская сторона свела дружественные связи между Ялтой и Риекой только к контактам между городскими партийными комитетами [14, л. 31].

В планах на 1984-1985 гг. были обмены партийными работниками, представителями народного хозяйства, культуры и искусства, спортсменами, а также обмен художественной самодеятельностью и фотовыставками [15, л. 9]. Но, по сути состоялся лишь обмен партийными делегациями. В 1984 году делегация ялтинского горисполкома изучив достижения Риеки, предлагает сделать общедоступным ресторан «Интуриста» в Ялте «Риека», а не только для иностранных групп [16, л. 41].

В 1979 – 1985 гг. наблюдается период обострения во внешней политике СССР, и вместе с тем Ялта и Риека перестают активно поддерживать связи и в Ялте ежегодно проходили дни Риеки, партийные работники постоянно обменивались визитами и подтверждали свою дружбу совместно составленными планами. В Ялтинском историко-литературном музее хранятся оригиналы планов сотрудничества между Ялтинским горкомом и Общинской конференцией Хорватии на 1986 и 1989 гг. Обе стороны в своих соглашениях «подтверждают, что в рамках различных форм сотрудничества, базирующихся на Договоре о дружбе и сотрудничестве между Риекой и Ялтой, будет реализовано как можно больше мероприятий, представляющих интерес для молодого поколения [18].

Последний визит хорватской делегации пришелся на 1987 год, когда делегация прибывает на праздник «Дни Риеки в Ялте». 6 руководителей делегации побывали на приеме в горисполкоме и подискутировали на политические темы. Остальные делегаты приняли участие в открытии туристической выставки, спортивного турнира, открытии «Дней Приморской кухни» в ресторане «Риека» и концерте. В завершение побратимство было подтверждено очередным договором о дружбе и сотрудничестве [18, л. 6, 12-15].

Выводы. После распада Советского Союза, распалось и государство на Юге Центральной Европы – Югославия. Побратим Ялты – Риека, отныне входивший в состав Республики Хорватия, больше не проявлял активности, хотя переписка время от времени возобновлялась. При этом на официальном сайте Муниципального образования Ялта [3]. Риека числится в списке побратимов с датой установления официальных связей в 1986 году. В этом году впервые после 2014 года в адрес Администрации города Ялта поступило письмо-поздравление с Новым годом от муниципалитета Риеки, что дает надежду на дальнейшее возобновление культурных контактов и создание выгодных экономических проектов.

Аннотация. В статье рассматривается пример формирования побратимских связей между Ялтой и Риекой в условиях государственной политики и программ. На основании анализа архивных данных приводятся конкретные примеры и динамика развития дружеских отношений двух городов. История развития и завершения этих отношений – новый материал, который введен в научный оборот. На основе анализа данных сделан вывод о том, что локальные культурные связи активно развивались под непосредственной протекцией государственной политики и с целью создания взаимовыгодных экономических проектов.

Ключевые слова: побратимы, Ялта, Риека, общественная дипломатия, внешняя политика, культурный обмен.

Annotation. The article is an example of the formation of sister-city ties between Yalta and Rijeka in the context of state policy and programs. IN the article are given specific examples and dynamics of the development of friendly relations between the two citie, based on the analysis of archival data. The history of the development and completion of these relations is a new material that has been introduced into scientific circulation. Based on the analysis of the data, it was concluded that local cultural ties developed actively under the direct protection of state policy and with the goal of creating mutually beneficial economic projects.

Keywords: twincities, Yalta, Rieka, social diplomacy, foreign politic, cultural exchange.

Литература:

1. Барановский А. М. Ялта открыта навстречу миру // Старая Ялта. – 2015. – № 3. – С. 41–50.
2. Орлов И. Б., Попов, А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм в 1955–1991 годах. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, – 2016. – 351 с.
3. Официальный сайт правительства. Ялта [электронный ресурс] – Режим доступа: [http://yalta.rk.gov.ru/rus/info.php%3Fid%3D605092]
4. Попов А. Д. Ялта как курортная столица и международный туристский центр в период развитого социализма // Проблемы российской истории. – М.; Магнитогорск, 2015. – № 13. – С. 293–304.
5. Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. До 1991 г. – М.: НЛО, 2011. – 1013 с.
6. Шанина О. Н. Разрядка 1970-х на местах: массовые выезды за границу и связь с городами-побратимами [электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.yararchive.ru/publications/archives/2/].
7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-1030, оп. 6, д. 681.
8. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 792.
9. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 852.
10. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 921.
11. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 1037.
12. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 1364.
13. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 1409.
14. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 1410.
15. Управление по архивным делам администрации города Ялты Республики Крым, ф. 1, оп. 1, д. 1636.
16. Ялтинский историко-литературный музей, КП 63192, д. 6207.

*обучающийся 2 курса магистратуры Сопилко Артём Антонович
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта);
доктор политических наук, профессор Жеребкин Михаил Васильевич
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. После распада СССР на постсоветском пространстве возникло множество политического, экономического, и этнокультурного характера. Некоторые из них также были связаны с разделом имущества бывшего единого советского государства. Одной из главных проблем, определяющих политическую обстановку в черноморском регионе, явилась проблема определения статуса Крыма, статуса Черноморского флота, его подчинения и принадлежности. Таким образом, крымский вопрос, который возник практически сразу же после подписания Беловежских соглашений, нуждался в поиске решения, которое, ко всему прочему, должно было учитывать мнения и интересы множества сторон – в первую очередь интересы Российской Федерации, как крупнейшего геополитического игрока в регионе, и как правопреемницы СССР. К тому же, в национальном самосознании россиян Черноморский флот и главная его база – город Севастополь всегда занимали особое место. По этой причине для России обладание Севастополем и флотом, наравне с военно-стратегической, являлось и является идеологической необходимостью. Кроме того, собственно для жителей Крыма, в первую очередь, жителей Севастополя, их самоидентификация как россиян, как носителей русской культуры определяет желание подавляющей части населения полуострова находиться в составе Российской Федерации [1].

И всё же, после распада СССР, Крымский полуостров находился в составе Украины. Это было обусловлено фактом передачи Крыма из состава РСФСР в состав УССР в 1954 году. В процессе принятия Беловежских соглашений вопрос о принадлежности Крыма не поднимался, что впоследствии породило ряд проблем политического, межнационального и культурного характера. Естественным желанием для Украины было отстоять собственную территориальную целостность, под которой украинское правительство понимало территорию, которая включала в себя территориальные рамки на момент объявления Украиной независимости. Эти территориальные рамки, в свою очередь, охватывали территорию бывшей УССР, куда с 1954 года входила и территория Крымского полуострова. Таким образом, возникновение проблемы принадлежности Крыма являлось лишь вопросом времени, а проблема статуса и принадлежности Черноморского флота – таким же неизбежным следствием [4].

Нельзя сказать, что черноморскую проблему обходили вниманием на протяжении всего процесса формирования российско-украинских политических взаимоотношений, напротив, попытки договора между двумя странами предпринимались, начиная с 1992 года, однако эти попытки так и не смогли решить проблему флота окончательно. В период 1991-1993 гг. между Россией и Украиной был принят ряд документов, которые должны были определить статус, подчинение, разделение, финансирование флота, а также разграничить права и обязательства государств в управлении флотом. Несмотря на это, реальных успехов в решении проблемы статуса Черноморского флота в указанный период не произошло [3].

Изложение основного материала исследования. Черноморский флот был крупнейшим военным соединением Вооружённых Сил СССР. В 1990 году ЧФ СССР насчитывал более 830 судов, в том числе – около 50 десантных кораблей, более 100 вспомогательных судов, 410 единиц авиации, более 20 подводок, а также, около десятка различных крейсеров и 20 эсминцев. Личный состав включал в себя порядка ста тысяч человек. После попытки приведения Черноморского флота к украинской присяге, 4 января 1992 года состоялось заседание Военного совета флота, на котором было принято решение не принимать присяги до окончательного выяснения статуса подчинения и принадлежности Черноморского флота [2].

Данные события происходили на фоне нарастающей политической напряжённости в Крыму. На полуострове во многих населённых пунктах происходили митинги и забастовки в поддержку референдума о статусе Крыма. Это, безусловно, не могло остаться без внимания политической элиты России и Украины. В начале апреля 1992 года произошла так называемая «война указов», суть которой сводилась к тому, что президенты обеих стран объявили о переходе Черноморского флота под юрисдикцию своего государства [5].

Возникшая ситуация потребовала своего решения с позиции договора. Делегациями России и Украины, встреча которых состоялась 8 апреля в Одессе, было решено обсудить вопрос статуса ЧФ на встрече двух президентов в Дагомысе, которая состоялась 23 июня 1992 года.

Россия и Украина на переговорах в Дагомысе договорились о создании двух флотов на базе Черноморского флота – российского и украинского, на переходный период ЧФ должен был оставаться под общим командованием, а военнослужащие флота принимали присягу той страны, гражданами которой они являются. Впрочем, результаты переговоров каждая сторона трактовала по-своему. Уже через несколько дней после подписания Дагомыских соглашений, произошёл ряд происшествий, послуживших причиной взаимных обвинений сторон в нарушении договора. Инцидент с тральщиком СКР-112, который едва не привёл к вооружённому конфликту между украинской береговой охраной и командой судна, вынудил Б. Ельцина и Л. Кравчука снова встретиться для переговоров о дальнейшей судьбе Черноморского флота [1].

Встреча состоялась в Мухалатке, возле Ялты. В состав украинской делегации вошли: министр иностранных дел А. Зленко, министр обороны К. Морозов, заместитель главы ВСУ В. Дурдинец, и глава ВС Крыма М. Багров. Российскую сторону представили: заместитель главы ВС Ю. Яриш, глава Комитета по СНГ В. Машиц, министр обороны П. Грачев, и министр иностранных дел А. Козырев. В результате переговоров, целью которых были уточнение и детализация принятых ранее договорённостей, было принято так называемое Ялтинское соглашение. Согласно этому договору флот подлежал разделу между договаривающимися сторонами. В трёхлетний переходный период, до 1995 года, флот оставался под

объединённым командованием, первых лиц которого назначали и увольняли лично президенты России и Украины. Также был урегулирован вопрос базирования флота, которое предполагалось сделать совместным, кроме того, призыв матросов должен был осуществляться Украиной и Россией в равном количестве. Было принято решение о том, что в течение переходного периода военнослужащие обеих стран должны были принимать присягу того государства, гражданами которого они являются. Стороны взяли на себя обязательство за равное финансирование флота.

Договоры по ЧФ должны были вступить в силу 1 октября 1992 года. Впрочем, оставались без уточнения множество нюансов будущего раздела флота, такие как судьба береговой инфраструктуры, сухопутных частей ЧФ, вопрос гражданства военнослужащих флота. Кроме того, инциденты с участием подразделений флота вызывали неоднократные угрозы со стороны Украины о денонсации Ялтинских соглашений [3].

В начале 1993 года возникла проблема раздела береговой инфраструктуры флота. Этот вопрос обсуждался на очередном этапе российско-украинских переговоров 11 апреля 1993 года. Стороны в очередной раз разошлись в трактовках условий предыдущих договорённостей. Украинская делегация отказывалась включать в переговоры береговую инфраструктуру, которая, по мнению украинской стороны, должна принадлежать лишь Украине [5].

Одним из наиболее серьёзных факторов в разногласиях между российской и украинской сторонами оказался вопрос о финансировании флота. Согласно ялтинским договорённостям, флот должен был финансироваться в равной степени Россией и Украиной, 50 на 50 %. Курс украинской валюты начал стремительно падать, таким образом, доля украинских отчислений в содержание флота также сокращалась [4].

В политических взаимоотношениях России и Украины вопрос флота являлся не только проблемным сам по себе. Флот так же служил инструментом давления в других проблемных вопросах, например, нефтегазовых поставок, торговых отношений, выдачи кредитов. Автор книги «Крымский узел» А. Малыгин приводит пример, когда в 1996 году Россия ввела некоторые ограничения на торговлю с Украиной – таможенные сборы на импортные товары, квоты на ввоз сахара и спирта, и ряд других подобных нововведений. В ответ Украина ужесточила свои требования по базированию флота. Подобные тенденции стали возникать уже в 1993 году [2].

На этот же период, с мая по июль 1993 года, в Украине возросла и социальная напряжённость в связи с энергетическим и экономическим кризисами. Доказательством этому явились забастовки шахтёров и конфликты в среде высшего руководства украинского правительства. Левые партии в украинском парламенте всё более резко критиковали внутреннюю и внешнюю политику президента Л. Кравчука. В российском правительстве также возрастало недовольство, связанное с характером внешней и внутренней политики, проводимой Б. Ельциным [1].

На фоне происходящих событий состоялась очередная российско-украинская дипломатическая встреча на высшем уровне. 18 июля президенты обеих стран встретились в Москве, где подтвердили решение о разделе ЧФ в пропорции 50% на 50% в течение 1993-1995 включительно, а также подписали договор о разделе береговой инфраструктуры. Московские договорённости не привнесли ничего нового в сравнении с договорами, принятыми в Ялте и Дагомысе, в решении основных проблем флота, и потому среди военнослужащих флота, а также и в остальном Крыму не были расценены положительно. Следующая встреча президентов по поводу проблемы флота состоялась в Массандре. Стороны достигли соглашения о том, что некоторая часть (около 30%) украинской части флота будет выкуплена Россией, сам же выкуп связывался с поставками энергоносителей Украине [4].

Таким образом, несмотря на то, как выглядели результаты Массандровской встречи в глазах международного сообщества, в Севастополе и на ЧФ их оценили с учётом опыта Дагомыских, Ялтинских и Московских соглашений. И хотя в период с 1991-1993 годы были приняты 4 крупных договора на высшем уровне, проблема Черноморского флота не только не получила своего решения, но постепенно стала усугубляться, поскольку не было определено множество важных нюансов. Например, так и не были определены параметры раздела флота, статус Севастополя, вопрос базирования ЧФ и прочие важные вопросы, хотя первоначально создавалось впечатление, что российско-украинские взаимоотношения в контексте проблемы флота приобретают форму конструктивного диалога [2].

Итак, каковы же причины того, что Российская Федерация и Украина не смогли решить проблему Черноморского флота в краткие сроки, несмотря на достигнутые договорённости? В первую очередь, речь может идти об отсутствии опыта политических взаимоотношений между Россией и Украиной, как отдельных друг от друга субъектов, что вызывало известные затруднения в принятии фундаментальных решений.

Можно предполагать, что тому виной стало нежелание руководства обоих государств идти на серьёзные уступки в данном вопросе. Также возможно отнести сюда и давление, оказываемое на президентов общественным мнением и политическими элитами России и Украины, которым и обусловлено нежелание идти на компромисс [3].

Принятие компромиссных решений, в свою очередь, отнюдь не способствовало решению проблемы, а лишь создавало почву для развития очередных проблем, или же приводило к заморозке многих проблемных аспектов глобального крымского вопроса.

Выводы. Таким образом, возникает вывод о том, что проблема статуса Черноморского флота не могла получить своего решения ни в краткие сроки, ни в среднесрочной перспективе по ряду объективных причин. Это, в свою очередь, привело к формированию особой обстановки в Крыму, в Севастополе и на флоте, последствия которой сказываются и на сегодняшний день. Современная сложная политическая ситуация вокруг полуострова, несомненно, не в последнюю очередь обязана и наличию тех обстоятельств, которые зародились в 1991 году с появлением проблемы Черноморского флота [2].

Аннотация. В статье рассматривается формирование проблемы Черноморского флота в российско-украинских дипломатических отношениях на начальном этапе. В работе рассмотрены основные дипломатические акты, принятые в период с 1991 по 1993 годы, описаны события, происходившие во время распада Советского Союза и формирования характера политического взаимодействия двух стран, как независимых субъектов. Приводится краткий обзор основных договоров, заключённых в вышеуказанный период, а также даётся характеристика политических последствий заключения данных соглашений.

Ключевые слова: Россия, Украина, Черноморский флот, Севастополь, политика.

Annotation. The article deals with the forming of the Black Sea Fleet's problem in Russian-Ukrainian diplomatic relations at an early stage. The article will examine the principal diplomatic documents adopted in 1991 – 1993, describe the key events which took place during the disintegration of the Soviet Union and show the forming of the political cooperation character of the two countries as independent parties. The article provides a short summary of the main agreements concluded during the promotion period and gives the description of their political consequences.

Keywords: Russia, Ukraine, Black Sea Fleet, Sevastopol, politics.

Литература:

1. Горбачёв С. П. Год первый: под флагом Касатонова / С. П. Горбачёв // Севастополь в третьей обороне 1991-19...: Хроника одного противостояния с элементами развала: сб. науч. трудов. – Севастополь: Б. и., 1995. – С. 4 – 5.
2. Малыгин А. В. Крымский узел / А. В. Малыгин. – Симферополь: Новый Крым, 2000. – 162 с.
3. Ремчуков К. В. Ельцин – Кравчук: разговор будет простым / К. В. Ремчуков // Независимая газета. – 1992. – № 111 (535). – С. 1 – 2. / URL: <http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-17-iyunya-1993-goda> (дата обращения: 04.03.2018).
4. Фёдоровых А. Н. Раздел Черноморского флота в цифрах и фактах / А. Н. Фёдоровых // Фонд Имперского возрождения. Аналитический центр. – 2007. – URL: <http://fondiv.ru/articles/3/193/> (дата обращения: 03.03.2018)
5. Фёдоровых А. Н. Черноморский флот в российско-украинских отношениях: непростой путь от конфронтации к диалогу (1991-2000 гг.) / А. Н. Фёдоровых // Труды Института российской истории. – 2009. – Выпуск 8. – С. 298-322.

УДК 37.06

ИНТЕРНЕТ – ЗАВИСИМОСТЬ ДЕТЕЙ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

магистрант Фёдорова Алёна Витальевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород)

Статья (публикация) подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания, проект №27.2617.2017/4.6

Постановка проблемы. Глобальная сеть Интернет в наше время становится частью жизни ребёнка. Применение компьютерных технологий в процессе развития, обучения и отдыха детей вызывают у них привыкание, что в конечном итоге приводит к интернет – зависимости. Педагоги и психологи зачастую становятся свидетелями отчаяния родителей от того, что их ребёнок становится абсолютно зависимым от компьютерных технологий и интернета. Интернет-зависимость чаще всего сопровождается большим количеством поведенческих и психологических проблем.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 12.02.2018 представил данные исследования о том, сколько россиян в декабре 2017 пользовались интернетом.

Всего интернет - пользователей - 80% опрошенных. Выходят ежедневно в Сеть - 64%, 11% - несколько раз в неделю.

По данным Mediascope, ежемесячная аудитория интернета в октябре 2016 года - марте 2017 года достигла количества 87 млн. человек в возрасте 12 - 64 лет, что составило приблизительно 71% от всего населения страны (как следует из отчета, здесь и далее имеется в виду население Российской Федерации в возрасте от 12 - 64 лет).

В младшем школьном возрасте происходит смена стиля и образа жизни: новые социальные роли, новые требования ученика. У ребёнка меняется восприятие своего «Я» в системе отношений, меняются ценности ребёнка, интересы, весь уклад его жизни, режим дня.

Изложение основного материала исследования. С физиологической точки зрения – младший школьный возраст время физического роста, наблюдается дисбаланс в физическом развитии школьника. Физическое развитие опережает развитие нервной системы и психическое развитие, что сказывается на временном ослаблении нервной системы. У ребёнка могут проявляться беспокойство, повышенная потребность в движении, утомляемость.

Так как младшем школьном возрасте учебная деятельность становится ведущей, то школьное обучение отличается особой социальной значимостью для школьника, опосредованными отношениями с взрослыми оценками и образцами, следованием и приобретением правил, общих для всех. В младшем школьном возрасте преобладает непроизвольное внимание. У детей появляется способность концентрировать внимание на скучных для них действиях, внешние впечатления остаются отвлекающим фактором. Школьникам трудно сосредоточиться на сложном, непонятном для него материале. Внимание школьника младшего школьного возраста отличается небольшим объемом и малой устойчивостью. Восприятие отличается слабой дифференцированностью. Интенсивно развивается самосознание и самооценка, это зависит от успеваемости и особенности общения школьника со сверстниками и учителем. Важным аспектом развития личности ребёнка в младшем школьном возрасте являются познавательные мотивации. В познавательные мотивации входят учебно – познавательные мотивы, а также мотивы самосовершенствования. Мотивация достижения нередко в начальном звене становится доминирующей для ребёнка. Дети с низкой самооценкой и отсутствием мотивации, чаще всего пользуются дома свободой, доступностью к сети Интернет, родители меньше интересуются успехами ребёнка и меньше хвалят за высокие достижения. Отношение к самому себе, как к ученику начальной школы в большой мере определяются семейными ценностями.

Для ребёнка младшего школьного возраста мир интернета, социальных сетей и компьютерных игр интересен:

- отсутствие ответственности. Невозможность или затруднительность проверки и анонимность предоставленной личной информации в интернете, возможность соединения в виртуальном образе реальных, желаемых и целиком вымышленных качеств;
- возможность исправить любую ошибку путем многочисленных попыток;
- наличие личного мира, в который нет доступа ни для кого, кроме самого ребёнка;
- возможность самостоятельно принимать любые решения в рамках игры, вне зависимости от последствий;

- полная отстраненность и абстрагирование от окружающего мира и реалистичность процессов.

Также Интернет-зависимость опасна тем, что ребёнок, проводя много времени в социальных сетях начинает быть зависимым от общения с виртуальными друзьями. Причины травли ребёнка могут возникнуть как за пределами сети Интернет, так и внутри социальных сетей без воздействия реальных факторов. Также возможно запугивание ребёнка, как анонимное, так и довольно открытое и агрессивное массовое или индивидуальное. Именно поэтому родителям и ребёнку стоит наладить доверительные отношения между друг другом и объяснить ребёнку к кому и куда обращаться, если возникла ситуация Интернет-травли.

Существует опасность в так называемом «клонировании», когда школьник представляет себя в социальных сетях, как популярного кумира. Ребёнок может делать из-за отсутствия внимания взрослых, доверительных отношении в школе, дома.

Отказ от реального «Я» и замена «двойником» свидетельствуют о том, что у ребёнка могут быть трудности в принятии собственной личности, характера, сложности в коммуникации со сверстниками и взрослыми людьми, заставляющие избегать проблем.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена тем, что с развитием доступности и частоты применения детьми начального школьного возраста глобальной сети Интернет возникает педагогические и психологические проблемы из-за развития у детей интернет - зависимости.

Для интернет – зависимого ребёнка начального школьного возраста характерно «предвкушение» аддиктивной реализации, низкий самоконтроль, нарушение социальной адаптации в настоящей (реальной) жизни, низкая критика к собственному состоянию. Интернет - зависимые дети испытывают депрессивные расстройства различных форм, в том числе суицидальные наклонности, нарушение режима дня и сна, нарушение физического здоровья и психического развития.

Первое определение Интернет - зависимости в 1996 году дал американский психолог, психиатр, доктор Айвен Голдберг. Интернет - зависимость, по его мнению, - это расстройство поведения в результате использования интернета и компьютера [14].

Современные исследователи подразумевают под интернет - зависимостью навязчивое, патологическое желание войти в сеть Интернет и невозможность прервать сеанс пребывания «онлайн» [13].

Для формирования у детей младшего школьного возраста интернет – зависимости существует ряд психологических факторов. Первые – факторы, действие которых непосредственно адресовано сознанию ребёнка, то есть индивидуально-психологические.

Проблема патологической зависимости появляется тогда, когда аддиктивное поведение начинает доминировать в сознании ребёнка [4]. В ее основе лежит, стремление избежать реальности за счет изменения своего психического состояния.

Этапы развития компьютерной онлайн - зависимости у детей и подростков описали Зайцев В. В. и Шайдулина А.Ф. [2]:

Трудность в устранении Интернет - зависимости у детей начальной школы в полной доступности детей к глобальной сети Интернет.

Как и любую болезнь, интернет-зависимость легче предупредить, чем лечить. Поэтому стоит заниматься профилактикой интернет-зависимости в семье, учебном процессе ребенка. Примерами таких мероприятий могут служить профилактические беседы, занятость ребёнка в различных мероприятиях и социальной жизни школы, установление чётких временных рамок пользования интернетом, обучать ребёнка пользоваться Интернетом в качестве поиска знаний, умений и навыков, новых возможностей, хвалить его и замечать все достижения ребёнка, создавать комфортную психологическую обстановку в семейном и дружеском коллективе ребёнка.

Профилактическая работа по предупреждению и устранению Интернет-зависимости классного руководителя, педагогов, специалистов должна строиться исходя из вычисления и понимания причины аддиктивного поведения ребёнка. Учащимся следует самим открывать приемлемые для них способы решения проблемы и делать для себя выводы то есть обучение и профилактика должны быть основано на деятельности. Все специалисты, педагоги и родители должны работать единой командой.

Коррекционное направление работы со школьниками во многом пересекается с профилактической работы: вначале нужно выяснить причину, после выяснения единой командой специалистов, родителей и педагогов разработать правильную концепцию действий, форм и способов коррекции т.к. каждый случай для ребёнка индивидуален.

Выводы. Подводя итоги исследования о психолого – педагогической проблеме интернет – зависимости у детей начальной школы можно сказать о том, что проблема интернет – зависимости при современной глобализации общества актуальна. Поэтому следует разрабатывать программы, курсы профессиональной переподготовки и курсы повышения квалификации, семинары и т.д. для педагогов, психологов, специалистов и родителей для обучения по профилактике интернет - зависимости у детей и о правильном порядке действий, если у ребёнка уже начала развиваться интернет-зависимость или есть подозрения о развитии такого рода зависимости.

Аннотация. Компьютерные технологии, социальные сети, Глобальная сеть Интернет в современном обществе занимает значительное место в жизни ребёнка. Обучение, развитие, отдых происходит зачастую совместно с социальными сетями, Интернетом, современными гаджетами и компьютером. К сожалению, доступность и развитие компьютерных технологий не всегда приводит в положительным последствиям. На стадии обучения начального общего образования у ребёнка происходит смена вида деятельности от игровой к учебной, а также этот возраст является переходным и у ребёнка складываются основные принципы, взгляды и мировоззрение. Вследствие этого ребёнок примеряет на себя различные социальные роли. К сожалению, у детей не всегда удается учебная деятельность, возникают различные конфликтные ситуации в семье, школе. Из-за этого ребенок ищет место, где он сможет реализовать себя анонимно, примерив на себя

различные роли. Таким местом является Интернет и социальные сети. Таким образом, развивается Интернет-зависимость. Ее развитие происходит довольно быстро и не заметно для большинства родителей, поэтому в последствии возникают педагогические и психологические проблемы. Данное исследование направлено на изучение исследований о Интернет-зависимости, ее развитии у детей начального школьного возраста и проблемах, возникающих при Интернет-зависимости у детей.

Ключевые слова: Интернет-зависимость, аддикция, младший школьный возраст.

Annotation. Computer technologies, social networks, the Global Internet in modern society occupies a significant place in the life of the child. Training, development, recreation often takes place in conjunction with social networks, the Internet, modern gadgets and a computer. Unfortunately, the availability and development of computer technologies does not always lead to positive consequences. At the stage of teaching primary general education, the child has a change in the type of activity from game to training, and also this age is transitional and the child has basic principles, views and worldview. As a consequence, the child tries on various social roles. Unfortunately, children do not always succeed in learning activities, there are various conflict situations in the family and school. Because of this, the child is looking for a place where he can realize himself anonymously, trying on various roles. Such a place is the Internet and social networks. Thus, Internet addiction is developing. Its development occurs quite quickly and is not noticeable for the majority of parents, so later there are pedagogical and psychological problems. This study is aimed at studying the research on Internet addiction, its development in children of primary school age and the problems that arise with Internet addiction in children.

Keywords: Internet addiction, addiction, junior school age.

Литература:

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/>
2. Золоткова Е.В., Тюрина Е.В. Формирование познавательных процессов у младших школьников с задержкой психического развития. - 2018. №58-3. С. 108-111
3. Ермоленко А.В. Компьютерная зависимость как феномен отклонения в когнитивном развитии личности // Психология. – 2011. – №2. – С. 22-26
4. Колычева Г.Ю., Шейнова Т.Г. Формирование познавательных универсальных учебных действий младших школьников на уроках русского языка. - 2018. №58-3. С. 134-139
5. Лях Ю.А. Проектирование системы педагогического мониторинга качества обучения на основании деятельностного подхода // Стандарты и мониторинг в образовании. 2010. № 1. С. 23-26.
6. Шабалина В.В. Зависимое поведение школьников. – СПб.: Медицинская пресса, 2001. – 176 с.
7. Шерайзина Р.М., Александрова М.В., Тращенко С.А., Донина И.А. Развитие детско-родительских отношений в процессе продуктивного взаимодействия субъектов территориальных детско-взрослых сообществ // Психолого-педагогические особенности семьи XXI века отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск, 2016. С. 245-254.
8. Шерайзина Р.М., Александрова М.В., Тращенко С.А., Донина И.А. Развитие детско-родительских отношений в процессе продуктивного взаимодействия субъектов территориальных детско-взрослых сообществ // Психолого-педагогические особенности семьи XXI века отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск, 2016. С. 245-254.
9. Шерайзина Р.М., Донина И.А., Румянцева А.В., Зиновьева С.Д., Афонина В.В., Романова К.А. Готовность педагогов дошкольного образования к управлению детско-родительскими сообществами в условиях инклюзивной среды // Психолого-педагогическое сопровождение детей особой заботы. Отв. редактор А.Ю. Нагорнова. Ульяновск, 2017. С. 43-51.
10. Юрьева Л.Н., Больбот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография. – Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с.
11. Pevzner M.N., Sherayzina R.M., Petryakov P.A., Donina I.A., Migunova E.V. Intergenerational relationships in contemporary models of territorial communities of children and adults // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2016. Т. 7. № 3. С. 2242-2254.
12. Young K. S. Internet addiction: symptoms, evaluation, and treatment [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.netaddiction.com>.
13. Pevzner M.N., Donina I.A., Ushanova I.A., Aleksandrova N.V., Afonina V.V. Management of diversity: information and marketing approach // Педагогические инновации - 2017 Материалы международной научно-практической интернет-конференции. 2017. С. 15-17.
14. Pevzner M.N., Sherayzina R.M., Petryakov P.A., Donina I.A., Migunova E.V. Intergenerational relationships in contemporary models of territorial communities of children and adults // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2016. Т. 7. № 3. С. 2242-2254.

УДК 378

ИНТЕГРИРОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МЕТОДИК В КУРСЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

доцент Федорова Татьяна Анатольевна

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет» (г. Самара)*

Постановка проблемы. В условиях наличия многочисленных специальностей и профилей, а также уровней обучения в техническом университете в процессе обучения иностранному языку в сфере деловой коммуникации особое значение приобретает учёт реального контекста преподавания. При этом возникает необходимость соотнесения аутентичных методик зарубежных авторов с индивидуально разработанными учебно-методическими и дидактическими материалами практикующих педагогов, а также переноса акцентов в процессах преподавания и обучения и функций преподавателя и обучаемого. Инновационная деятельность требует выхода за пределы привычных и ограниченных рамками действий.

Цель статьи. Целью статьи является исследование инноваций аутентичных методик преподавания делового французского языка, которые создают представление не только о реальной жизни предприятия и его

окружения, но и о социо - экономических реалиях, понимание которых является значимым фактором для профессионально направленной категории обучаемых. В условиях недостаточного уровня профессиональной квалификации и опыта студентов средних курсов технического университета изучение специальных дидактических методов и приёмов, мотивирующих обучаемых, создаст дополнительные возможности, активизирующие речевую деятельность в сфере профессиональной коммуникации.

Изложение основного материала исследования. Приёмы и принципы аутентичных методик французского языка в сфере делового общения удаляются от понятийно-функционального подхода и направлены исключительно на заданные речевые действия и отдают приоритет профессиональной ориентации знаний и владений в целевых ситуациях коммуникации.

Современные методики, представленные в аутентичных учебниках, предлагают самые разнообразные аудио- и письменные документы, которые являются хорошей основой для учебной деятельности на понимание, при незначительном количестве дидактических материалов на продуктивную деятельность. Предпочтение отдаётся устной продуктивной деятельности в рамках ограниченного количества ситуаций профессионального общения. Задания на письменную продуктивную деятельность немногочисленны и заключаются в редактировании коммерческой корреспонденции и некоторых других профессиональных документов.

Многочисленные аудио- и печатные документы являются хорошей опорой для учебной деятельности в условиях недостаточного количества дополнительных дидактически разработанных материалов, в том числе для студентов, находящихся на начальном этапе обучения по вышеназванной дисциплине, в условиях существования нескольких десятков направлений и профилей обучения в техническом университете. Особо следует учитывать то обстоятельство, что преподаватель французского языка не в состоянии разработать содержание всех курсов французского языка для специальных целей, включая аудио- и видеодокументы, учитывающие потребности всех обучаемых [3].

Во всех учебниках развитие грамматических компетенций осуществляется на ограниченном языковом материале, отбор тем и структур определяется степенью употребительности в речевой деятельности и подчинен интересам целевых ситуаций. С другой стороны, отмечается насыщенность сложными грамматическими структурами, собранными в одном уроке, что делает затруднительным их использование, особенно на начальном этапе освоения дисциплины. Что касается дидактической переработки грамматического материала, авторы оставляют преподавателям эту возможность в процессе развития грамматических владений. Индуктивный подход оставляет место для концептуализации соответствующих тем при свободном выборе педагогом упражнений, необходимых для активизации грамматических конструкций.

Разработанные авторами тренировочные упражнения в большинстве основаны на использовании необходимой лексико-грамматической формы в определённом речевом действии и представлены многочисленными упражнениями с пробелами в учебнике и в рабочей тетради. Присутствуют также подстановочные упражнения, истинные и ложные утверждения, упражнения на восстановление логической последовательности высказываний, на соответствие изучаемого понятия или выражения его определению. Игровые виды деятельности, так же как и ролевые игры, присутствуют и используются как одно из учебных направлений.

В нашем обзоре хотелось бы обратить также внимание на межкультурный аспект коммуникации. Соблюдение принятых норм культуры делового общения проявляется в сфере коммуникации и контактов персонала предприятия, для которого даются соответствующие рекомендации и предлагается использование стандартных клише и языковых структур, собранных в отдельном разделе каждого урока.

Практический опыт работы со студентами на занятиях по деловому французскому языку свидетельствует о том, что существуют стереотипы восприятия поведения представителей другой культуры, и эти стереотипы приходится разрушать путём раскрытия множественности каналов коммуникации и условий, которые руководят поведением коммуникантов, представляющих разные культуры. Иноязычная культурная компетенция должна быть свободна от стереотипов. Активизация объективных представлений и понятий о социо-культурном аспекте коммуникации имеет важнейшее значение для будущих профессионалов в сфере экономики, которые в противном случае рискуют столкнуться с многочисленными проблемами в иноязычном профессиональном контексте. При этом следует принимать во внимание, что знание культуры профессиональной коммуникации не носит универсального характера.

Социокультурный аспект является наиболее сложным для освоения на начальном этапе обучения по дисциплине, но он, тем не менее, присутствует в аутентичных методиках в конце каждого урока большинства учебников и даёт место для анализа, сравнения и заключений. В некоторых пособиях французских авторов активизация составляющих культурной коммуникации осуществляется в игровой форме.

Достаточно эффективной для любой категории обучаемых представляется разработка сценариев учебной деятельности, соответствующих моделям проектной методики. Процесс командной работы начинается с разработки взаимодействия обучаемых с интернет-ресурсами на основе направления, разработанного педагогом, поставленных задач, моделирования ситуаций коммуникации на базе информации, собранной в мультимедийных источниках, с созданием письменной или аудио-продукции. Дидактическая поддержка в языковом, коммуникативном и социо-культурном аспекте в этом случае возлагается на педагога французского языка, поскольку методики, представленные в аутентичных учебниках, не позволяют достаточно глубоко погрузиться в реалии объективной экономической деятельности и жизни предприятия.

В процессе обучающего оценивания различных составляющих учебной деятельности отводится недостаточно места оценке различных видов продуктивной деятельности, а также привлечению обучаемых к анализу процесса коммуникации и её компонентов. Оценивание успешности развития коммуникативных компетенций распространяется, в основном, на языковые составляющие: фонетику, лексику, грамматику. За рамками оценивания оказываются социо-культурные компоненты, овладение которыми может анализироваться совместно с обучаемыми.

Говоря о месте обучаемого и его социального опыта в учебном процессе, отметим, что студенту сложно взять на себя роль активного действующего лица процесса обучения, учитывая отправную точку на начальном этапе обучения по дисциплине «Деловой французский язык». В то время как для обучаемых – профессионалов в своей области – использование существующего социального и профессионального опыта в

качестве отправной точки в процессе обучения является мощным фактором мотивации и стимулирует иноязычную деловую коммуникацию.

Описанная выше специфика преподавания французского языка в техническом университете требует дополнения разработанных французскими авторами курсов языка для специальных целей специальными дидактическими материалами и пособиями, создаваемыми коллективами педагогов или отдельными преподавателями с учётом их индивидуального профессионального опыта и квалификации [1; 2].

Выводы. Аутентичные учебники по деловому французскому языку служат хорошей основой для разработки учебных программ, наполняя их дидактическими материалами для практических занятий по иностранному языку для специальных целей, включая продуктивную иноязычную коммуникативную деятельность. Благодаря этому, по окончании курса обучаемый достигает требуемого уровня овладения компетенциями.

Позволим себе констатировать, что по окончании обучения по программе наши студенты демонстрируют способность к пониманию и воспроизведению устных и письменных высказываний в сфере делового общения. Необходимые компетенции соответствующего уровня актуализуются в соответствии с целями и задачами обучения по программе делового французского языка. Следует также подчеркнуть, что целью курса является создание условий для приобретения коммуникативных компетенций, позволяющих реализовать речевое восприятие и высказывание, продемонстрировать свои знания и владения, актуализовать компетенции в сфере профессиональной деятельности как специалистов. Аутентичные курсы по деловому французскому языку в сочетании с методическими разработками практикующих педагогов позволяют обеспечить связь между иноязычными компетенциями и эффективной профессиональной деятельностью по специальности.

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению специфики применения аутентичных методик для обучения французскому языку в сфере деловой коммуникации. В работе актуализируется процесс интегрирования рецептивной и продуктивной деятельности, а также межкультурного аспекта коммуникации. В статье изучены новые подходы к разработке спецкурса, учитывающие профиль обучения.

Ключевые слова: иностранный язык в сфере деловой коммуникации, аутентичные методики, продуктивная речевая деятельность, социо-культурная коммуникация.

Annotation. The paper deals with the specific application of authentic methods in the Teaching the French Language for business communication. The paper actualizes the process of receptive and productive language integration and the intercultural aspect of communication. The article examines the new approaches based on teaching profiles.

Keywords: Foreign Language for business communication, authentic methods, productive language activity, socio-cultural communication.

Литература:

1. Доброва В. В., Агеев Н. В., Крутская С. В., Ревина Е. В., Федорова Т.А. Деловое общение на иностранном языке. Самара: Сам ГТУ, 2015. 190 с.
2. Федорова Т. А. Французский язык для менеджеров. Самара: Сам ГТУ, 2010. 46 с.
3. Besse H. Méthodes, méthodologie, pédagogie. Paris: Le Français dans le Monde: Recherches et Applications, Méthodes et méthodologies, 1995. P.106.

УДК 904(=131.1)(1-924.71)

ГЕНУЭЗЦЫ В КРЫМУ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*студент 4 курса, направления подготовки
«Историческое краеведение» Хоменчук Алексей Игоревич
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Город Генуя, расположенный на северо-западе Италии, известен ещё с античных времен. Его географическое положение и ограниченность территории, зажатой между Альпами и Лигурийским морем, определило основное занятие населения города. Им стала морская торговля. Подъем торгового и политического могущества города пришелся на XI-XV века. Главным соперником республики святого Георгия, как по-другому называли Геную, стал другой крупный итальянский торговый город – Венеция. В период крестовых походов эти две республики становятся крупнейшими торговыми державами средиземноморья. В результате четвертого крестового похода (1202-1204 года), в ходе которого рыцарями-крестоносцами был взят и разграблен Константинополь, венецианцы полностью монополизировали элитную торговлю с Востоком, заняли купеческие кварталы в Константинополе, оккупировали прилегающие к проливам острова и начали колонизировать северное Причерноморье. Крупнейшей венецианской колонией в Крыму в этот период становится Солдайя (Судак) [11, с. 178].

Не желая мириться с доминанцией извечного конкурента, в 1261 году практичные генуэзцы подписали с Никейской империей договор, по которому за военную помощь против латинян им предоставлялось монопольное право прохода в Черное море. После взятия Константинополя в этом же году Михаилом Палеологом условия этого договора были исполнены Византией. Вытеснив венецианцев и экономически подавив Византийскую империю генуэзцы начинают основывать свои поселения, крепости и фактории по всему средиземноморскому бассейну [5, с. 17].

Изложение основного материала исследования. В северном Причерноморье генуэзцы утвердились в середине 60-х годов XIII века. Одна за другой здесь стали появляться фактории, быстро превратившиеся в крупные города и торговые центры, такие как Каффа (Феодосия) и Тана (Азов). Благодаря искусной дипломатии и щедрым подаркам Генуэзцам удалось урегулировать отношения со своими главными соперниками и конкурентами в Крыму – Золотой Ордой. По договоренности с татаро-монголами генуэзцы основывают целую сеть поселений и торговых факторий на Крымском побережье. Они укрепляют крепостные стены вокруг Воспоро (Керчи), отбирают у Венецианцев Солдайю, строят в одной из бухт Юго-

Западного Крыма крепость Чембало (Балаклава). Генуэзские поселения на Южном берегу Крыма, получившие общее название «Капитанство Готия», были основаны на территориях таких современных населенных пунктов, как Форос, Алупка, Мисхор, Ореанда, Ялта, Никита, Гурзуф, Парthenит, Алушта. Эта система факторий и укреплений в итальянских документах получила название «Генуэзская Газария» [11, с. 179].

Главным торговым и политическим центром Газарии стала Каффа, которая к XV веку по численности жителей обогнала даже Константинополь. Сюда прибывали купеческие корабли и караваны из Византии, Золотой Орды, Руси, Западной Европы. В ремесленных кварталах работали кузнецы, плотники, ткачи парусов и мастера других профессий. Кроме того, Каффа становится крупнейшим в Европе центром работорговли, приносящей генуэзским купцам огромные прибыли. Среди продаваемых здесь рабов преобладали русские, грузины, черкесы, абхазы, встречалось среди них и татарское население. Рабы продавались в Византию, Италию, Египет [5, с. 18].

Особенностью итальянской колонизации как в Крыму, так и на других территориях, было то, что она осуществлялась не государством, а объединениями граждан-предпринимателей и торговыми компаниями. Группы генуэзских колонистов, оседавших в Крыму на длительный срок были весьма малочисленными и состояли как правило из молодых мужчин. Они никогда не теряли связь с метрополией, сохраняли гражданство. В 1475 году в Каффе на 70 тысяч жителей насчитывалась всего около тысячи генуэзцев, однако противостояния и коалиции в городе носили как правило не национальный, а имущественный характер [11, с. 186].

Управление Газарией было построено по подобию метрополии. Во главе черноморских колоний стоял консул Каффы, ему подчинялись главы администраций других городов и факторий. Он избирался из представителей патрициата метрополии сроком на один год. В своей власти консул опирался на совет попечителей и совет старейшин, которые он сам и назначал [11, с. 187].

Архитектура черноморских крепостей следовала канонам европейского фортификационного зодчества. Оборонительные сооружения Каффы и Солдайи состояли из внешнего ряда стен с башнями, перед которыми со стороны суши шел ров, с перекинутыми через него каменными мостами. Посреди укрепления находилась цитадель с донжонем и административными зданиями. Башни строились как правило прямоугольной формы с зубцами, мерлонами и кремальерами. Некоторые башни украшались каменными рельефами, памятными плитами с гербами консулов, орнаментами. Цитадель была административным центром города. Здесь находились консульский замок и резиденция епископа [11, с. 189].

Завершающий этап существования итальянских колоний в Крыму начался с захвата турками Константинополя в 1453 году, после чего морской путь из Крыма в Геную был отрезан османами. В 1475 году генуэзцы не смогли оказать сопротивление численно и технически превосходившему их гарнизону турецкому десанту и все побережье Крыма было захвачено турками.

Поселения итальянцев просуществовали на территории Крыма немногим более 200 лет, однако оставленное ими наследие, в виде памятников археологии, фортификации, градостроительства и культовых сооружений, стало неотъемлемой частью образа нашего полуострова.

Одним из первых более или менее подробных описаний памятников генуэзской фортификации в Крыму является работа турецкого дипломата и путешественника Эвлие Челеби «Книга путешествий». В своей книге Эвлие, по мимо прочего, дает описание укреплений Балаклавы, Судака и Каффы, сообщая при этом и интересные исторические данные.

После присоединения Крыма к Российской Империи полуостров стал доступен для посещения русских и европейских исследователей. Первым из них стал академик из Петербурга Петр Симон Паллас. В 1793-94 гг. он, по приказу Екатерины, предпринял экспедицию по новоприобретенным землям. Исследователь посетил ряд памятников между Балаклавой и Алуштой, а также крепости в Судаке и Феодосии. В материалах своей экспедиции, до сих пор полностью не переведенных на русский язык, Паллас приводит подробные описания крымских памятников.

Уже в начале XIX в. ученых и ответственных государственных деятелей озаботила проблема сохранения исторического наследия Крыма. Составление плана необходимых для этого мероприятий академия наук поручила академику Карлу Келлеру в 1821 г. Это была вторая экспедиция ученого в Крым (первая состоялась в 1804 г.). В ней его сопровождали архитектор Э. Паскаль и художник К. фон Кюгельхен. Экспедиция обследовала около двадцати памятников на побережье от Севастополя до Керчи, в том числе и ряд южнобережных укреплений. Келлер был потрясен упадком и разрушением многих памятников, в сравнении со своей первой недавней поездкой. По итогам экспедиции был составлен список памятников, непременно нуждающихся в сохранении, намечены планы и сметы реставрационных работ. Увы они остались только на бумаге [9, с. 8-9; 5, с. 6-8].

Большой интерес к древностям полуострова проявил и вступивший в должность губернатора Новороссии граф Михаил Семенович Воронцов. Во многом благодаря его участию и содействию стала возможной экспедиция П.И. Кёппена по Крыму. Обрусевший немец П.И. Кёппен не был историком, однако испытывал большой интерес к памятникам Крымской старины. В 1837 г. вышло в свет его фундаментальное исследование, посвященное укреплениям древней Таврики: «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» [6]. В этой работе Петр Иванович с немецкой основательностью и педантизмом приводит данные по топографии и археологическим наблюдениям, дает обстоятельный обзор исторических сведений, содержащихся в трудах античных и средневековых авторов.

Интерес к Крыму западноевропейских исследователей выразился в публикации в 1839-43 гг. обширного труда швейцарского естествоиспытателя Франсуа Дюбуа де Монпере, посвященного путешествию по Причерноморью. В одном из томов этой работы повествуется о Крыме. Хотя его работа, вышедшая на французском и немецком языках, на русский до сих пор полностью не переведена, многие отечественные ученые не раз на нее ссылались. Особую ценность представляет прилагавшийся к изданию атлас литографий, выполненных по рисункам путешественника. Многие запечатленные им сооружения уже либо погибли, либо сильно повреждены. Его труд по праву считается лучшим иллюстрированным изданием о Крыме за весь XIX в.

Одной из первых попыток системного исследования истории пребывания генуэзцев в Крыму явилась вышедшая в 1837 году работа Н.Н. Мурзакевича «История Генуэзских поселений в Крыму» [8]. В этой работе автор на основании письменных источников, русских и итальянских документов, подробно исследует

процессы формирования и жизни городов и поселений Генуэзской Газарии, специфику ее взаимоотношений с Золотой Ордой и княжеством Феодоро.

Наиболее полное изучение памятников генуэзской фортификации в Крыму проводилось в советский период. В довоенный период укрепления восточного Крыма изучались такими исследователями, как А.А. Фомин, Н.С. Барсамов, Ю.В. Готье, Е.Ч. Скржинская, Е.В. Веймарн. После войны генуэзские памятники изучались судакским отрядом Тавро-Скифской экспедиции под руководством И.В. Пятышевой. В 60-х 70-х годах свои исследования укрепленных проводят М.А. Фронджуло, А.Л. Якобсон, А.И. Айбабин. В 1977–2000 гг. в Судак вела планомерные археологические исследования экспедиция Крымского Филиала Института археологии НАН Украины под руководством д. и. н. И.А. Баранова. Работы носили, прежде всего, предпроектно-реставрационный характер и предвляли проектные работы института «Укрпроектреставрация» [5, с. 19].

Выводы. На сегодняшний день одним из наиболее авторитетных исследователей по данной теме является С.Г. Бочаров, который в период с 2001 по 2016 годы опубликовал целый ряд статей по исторической географии Генуэзской Газарии, в которых подробно описал процесс становления и развития системы генуэзской фортификации в Феодосии, Судак, на Керченском полуострове, подведя таким образом итог многолетним археологическим исследованиям в этой области [1; 2; 3]. С начала 2000-х годов и по сегодняшний день публикуют материалы своих исследований Судакской крепости археологи А.В. Джанов, В.В. Майко и А.М. Фарбей [4; 7]. Также исследованиями генуэзских укреплений в Крыму сегодня занимаются С.В. Дьячков, С.П. Карпов и многие другие исследователи [5, с. 18].

Аннотация. В статье рассматривается роль и место генуэзской республики в истории Крыма, краткая история появления и развития генуэзских поселений на полуострове и история изучения памятников генуэзской фортификации в Крыму.

Ключевые слова: Генуя, Газария, Каффа, фортификация, изучение.

Annotation. The article examines the role and place of the Genoese republic in the history of the Crimea, a brief history of the emergence and development of Genoese settlements on the peninsula and the history of the study of monuments of Genoese fortification in the Crimea.

Keywords: Genoa, Gazariya, Kaffa, fortification, study.

Литература:

1. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV вв. Южный берег Крыма. // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кеппена. – Киев: Стило, 2004. С. 186—205.
2. Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275—1475 гг. // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. – Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 263-268.
3. Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII—вторая половина XV вв.) // ПСВ. — М., 1998. — С. 82—116.
4. Джанов А.В. Фортификационные сооружения генуэзской Солдайи. // Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре. — Киев; Судак, 2004. — С. 68—76.
5. Иванов А. В. Крепости и замки Южного берега Крыма. – Севастополь: «Билбекс», 2008. – 288 с.
6. Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических // Крымский сборник. Спб.: тип.АН., 1837.
7. Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона республики Крым. – Симферополь, 2015. – 448 с.
8. Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. – Феодосия: Арт Лайф, 2012. – 103 с.
9. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X—XV веков. – Киев: Наукова думка, 1991. – 160 с.
10. Прохоров Д.А., Храпунов Н.И. Краткая история Крыма. Симферополь: «Доля», 2013. – 400 с.
11. Храпунов И. Н., Герцен А. Г. От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь: «Феникс», 2014. – 254 с.

УДК 94(47)073

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И СЕВАСТОПОЛЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА И РОЛИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

*кандидат исторических наук Шаутин Павел Васильевич
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь)*

Постановка проблемы. Вторая четверть XIX века были важным периодом истории Черноморского флота и Севастополя. Именно в это время был сформирован кадровый офицерский и матросский состав, который сделал возможным победу России в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., Синопскую победу над турецким флотом и героически отстоял Севастополь в годы Крымской войны. Немаловажную роль в укреплении Черноморского флота в 20-40 годы XIX в. сыграл, наряду с главными командирами Черноморского флота А.С.Грейгом и М.П.Лазаревым император Николай I. В данном материале рассматриваются свидетельства о пребывании Николая I Черноморском флоте в 1852 гг. для сравнения взятых материалы о пребывании на Черноморском флоте императора Александра I, которые позволяют ощутить разницу в подходах двух императоров к осуществлению инспекции на флоте. В качестве источника о пребывании императора Александра I на Черноморском флоте в 1818 и 1825 гг. были использованы воспоминания генерал-лейтенанта И.Х.Сиверса, опубликованные в журнале «Русский Архив» (№ 2 за 1902 г.) [4, с.263 -268]. Источником данных о посещении императором Николаем I Черноморского флота в 1852 г. послужила публикация известным русским военным историком А.М.Зайончковским рассказа очевидца этого события в журнале «Исторический Вестник» (№ 79, 1900 г.) [2, с. 1054-1059].

Изложение основного материала исследования. Отправной точкой данного сообщения служит описание посещения Черноморского флота и Севастополя императором Александром I. Это были не самые легкие годы для Черноморского флота. По словам известной современной исследовательницы истории Черноморского флота первой половины XIX в. Г.А.Гребенщиковой: «В годы правления Александра I общая внешнеполитическая канва фактически свелась к поглощению русских интересов общеевропейскими и отбросила Россию в делах Востока на второстепенный план» [1, с. 6]. Еще в 1913 году автор раздела о российском флоте в царствование Александра I девятом томе 15-томной «Истории русской армии и флота» лейтенант флота Н.Д.Каллистов писал: «Император Александр I флота не любил, не понимал, судил о нем как он сам же выразился, «как слепой о красках» - и, в общем итоге, его долгое царствование по справедливости должно считаться самой мрачной эпохой в истории русского флота» [3, с. 67]. Свидетельство И.Х.Сиверса во многом подтверждают это утверждение. Вот как проходил, по его словам, осмотр Александром I эскадры в Севастополе в 1818 г.: выйдя из дома, в котором в 1787 г. останавливалась императрица Екатерина II «...пошел Его Величество к пристани и сел на катер. Коль же скоро на оном был поднят императорский штандарт, то началась канонада с девяти на рейде стоявших кораблей и со всех береговых укреплений, по одному выстрелу с каждого орудия. Государь изволил объехать всю эскадру (эскадрой, бывшей тогда на рейде, командовал контр-адмирал П.М.Рожнов) и потом вошел на стопушечный корабль «Париж». На сем корабле был и обед, к коему были приглашены все адмиралы и генералы;...После обеда отправился государь в Инкерман для осмотра селитренного завода и древностей того места...В бытность Государя здесь получили награждения: вице-адмирал Алексей Самуилович Грейг (главный командир Черноморского флота и портов) – орден Св. Александра Невского, контр-адмиралы Ф.Т.Быченский – Св. Анны I класса и П.М.Рожнов – Св. Владимира 3 степени, капитан над портом Е.П.Псомас – Св.Владимира 4 степени. Митрополит Хрисанф удостоился получить панагию, украшенную драгоценными камнями.» [4, с. 263-264].

Что же происходило во время второго посещения Александром I Севастополя в октябре 1825 г. На следующий день после приезда в Севастополь император был на смотре пехотных полков, посетил несколько казенных заведений, а затем начальник главного штаба барон Дибич представил ему генералитет и офицеров, которым император задал несколько вопросов. После представления Александр I прошел к Адмиралтейству, где присутствовал при спуске на воду небольшого корабля (катера «Жаворонок»). После фриштика, устроенного в Адмиралтействе, проследовал на свой катер и, осмотрев с катера корабли, направился в Морской госпиталь, а затем на Десятую батарею. Император подробно осмотрел батарею и выразил удовлетворение ее состоянием и отличным обмундированием артиллеристов. И.Х.Сиверс отмечает это с особым чувством, поскольку он отвечал за состояние этой батареи, впрочем, как и прочих в Севастополе. После 10-й батареи посетили Александровскую, где при производстве, по желанию Александра, из двух пушек 24-х фунтового калибра по одному выстрелу калеными и холодными ядрами, произошел конфуз. Подносявший ядра солдат подал вместо картуза ядра заряд для салютационной пальбы. Ошибку, правда, быстро исправили, но император заметил непонятную возню у орудия. Когда И.Х.Сиверс ему объяснил причину, Александр ограничился замечанием «Этого быть не должно.» Вечером император пригласил к столу всех генералов, включая И.Х.Сиверса, который опасался взыскания за сбой при стрельбе, однако никаких новых последствий этот случай не имел.

Более того, на следующий день Александр через Дибича передал И.Х.Сиверсу, что «за порядок и устройство Ахтиарского артиллерийского гарнизона Государь Император всемилостивейшее пожаловать соизволил по рублю на человека всем нижним чинам того гарнизона...». «Случай сей меня чрезвычайно порадовал – вспоминал И.Х.Сиверс, - ибо это был первый пример, что служители какого-либо артиллерийского гарнизона получали Монаршее вознаграждение» [4, с. 266]. В тот же день император принимал смотр флотских бригад, а затем на катере, сопровождаемый салютом из всех батарей и стоявших на рейде судов переправился на Северную сторону и прибыл на Константиновскую батарею. При осмотре этой батареи «Монарх вошел в казарму и, отведав щи и кашу, пожаловал в артель той роты...сто рублей.» [4, с. 266] Осмотрев Константиновскую батарею, Александр I, воспользовавшись предложенными И.Х.Сиверсом дрожками, объехал прочие малые укрепления и батареи Северной стороны. После этого он «весьма милостиво» распростился со всеми сопровождавшими и пригласил адмирала А.С.Грейга к себе в Таганрог. Так завершился второй и последний осмотр императором Александром I Черноморского флота. Воздерживаясь пока от выводов, рассмотрим ход посещения Черноморского флота в Севастополе императором Николаем I.

Придя на смену Александру I, новый император резко изменил курс по отношению к Черноморскому флоту. Он сразу же учредил Комитет образования флота, стратегической задачей которого стала разработка и осуществление новой судостроительной программы. Согласно заложенной в программе концепции России предназначалась роль третьей по силе морской державы после Англии и Франции. Одним из важнейших компонентов этой программы, наряду со строительством и оснащением новых кораблей, было качественное обучение личного состава флота. Николай I уделял этому пристальное внимание и не упускал возможности лично проконтролировать боеспособность моряков Черноморского флота. Он был больше месяца на флоте во время боевых действий в 1828 году. Он также ввел в обычай проводить регулярные смотры Черноморского флота, на которых всегда присутствовал лично. Эти смотры проходили в 1837, 1845 и 1852 годах [2, с. 1055].

Сохранились воспоминания безымянного очевидца смотра 1852 года, опубликованные военным историком, генералом А.М.Зайончковским в журнале «Исторический Вестник» (№79 за 1900 г.). Весь сюжет воспоминаний сосредоточен на событиях, проходивших на линейном корабле «Париж» и вокруг него. Как записал А.М.Зайончковский: «Незадолго перед тем (смотром П.Ш.) черноморский флот обогатился новым громаднейшим 120-пушечным красавцем – кораблем «Париж», на котором был поднят флаг главного командира, адмирала Берха. Это было новейшее лучшее боевое судно нашего флота на Черном море, имевшее в своем вооружении батарею с бомбическими орудиями, которые только что еще вводились в состав вооружения английского флота. Командиром «Парижа» был капитан 1-го ранга В.И.Истомин, впоследствии знаменитый начальник Малахова кургана, погибший на нем 7-го марта 1855 года.» [2, с. 1056].

К этому времени многолетнего главного командира Черноморского флота И.П.Лазарева уже не было в живых, и его обязанности временно исполнял находившийся в преклонном возрасте (75 лет) адмирал Мориц Борисович Берх. (Интересно, что во время последнего смотра 1825 г. именно на его хуторе (Берх тогда был капитаном 2-го ранга) 27 октября останавливался, чтобы передеться перед въездом в Севастополь

Александр I.) При этом основную работу по командованию флотом проделывал адмирал В.А.Корнилов, на момент смотра находившийся за границей. Поэтому на корабль «Париж», где был поднят адмиралский штандарт М.Б.Берха, Меншиковым был послан его любимец контр-адмирал М.Н.Васильев (для помощи капитану корабля В.И.Истомину. Император Николай I прибыл на пароходе «Владимир», сопровождаемый австрийским эрцгерцогом Максимилианом , прусским кронпринцем Фридрихом, князем А.Ф.Орловым, и князем А.С.Меншиковым, который тогда был начальником главного морского штаба. Флаг – капитаном на «Владимире» был капитан 1-го ранга К.И.Истомин – брат капитана «Парижа».

История со смотром началась на «Париже» с очень неприятного инцидента. По чьему - то недосмотру для салюта в честь прибытия императора зарядили и орудия, находившиеся под парадным трапом, предназначенным для императора. В результате парадный трап от первых же выстрелов разбился вдребезги и был сброшен в море. Положение командования «Парижа» было критическое, так как было известно, что Николай I предполагал сначала посетить именно «Париж» и как флагманский корабль флота и как образец новейшего российского судостроения. Но подняться он бы на корабль не смог, высота трапа на такой громадный парусник как «Париж» намного превышала 3 сажени (6 метров). До визита императора на корабль оставалось не больше получаса. Адмирал М.Б.Берх был в отчаянии. Но, как отмечает рассказчик « не таковы были ученики Лазарева, чтобы растеряться от такой случайности!» Они воспользовались тем, что кроме парадного, на корабле были и общеупотребительные простенькие палубные трапы. Из одного из них было решено , за оставшееся время, соорудить новый, достойный императора, трап.

Во время работы по восстановлению трапа на «Владимир», где находился Николай I, были посланы два, противоречащих друг другу сообщения. А первом контр-адмирал М.Н.Васильев поторопился сообщить А.С.Меншикову о происшествии с трапом и о невозможности посещения императором корабля «Париж». Во втором капитан «Парижа» В.И.Истомин, узнав о записке Васильева, в свою очередь предупредил своего брата флаг-капитана «Владимира» о том, что он надеется своевременно подготовить трап. В результате, при посадке Николая I и свиты на катер произошло следующее. А.С.Меншиков докладывает, что на «Париже» разбился парадный трап и подняться на корабль невозможно. Император в ответ не сказал ни слова. В свою очередь флаг-капитан К.И.Истомин , как бы про себя, вполголоса, через плечо сказал «Трап на «Париж» готов». И на это император промолчал. И только когда катер отвалил от «Владимира» последовало грозное: «На «Париж!»

Когда катер пристал к «Парижу», трап был уже восстановлен и капитан корабля В.И.Истомин, желая показать его надежность, спустился вниз встречать императора. Но не тут то было!

« - Капитан, ваше место на верху- раздается звучный и грозный голос Николая Павловича, заставивший Истомуна быстро подняться наверх.

На корабле чувствовалась приближающаяся гроза – все присмирело и ждало появления грозного царя.

- Орлов, - слышится внизу, - подымайся вперед! Если тебя выдержит, то и мы пойдем.

И вот десятипудовый князь Орлов начинает подниматься по вновь сфабрикованному трапу, грузно ступая на каждую ступеньку.

За Орловым поднялся государь и, приняв рапорты, не обошел, по обыкновению, выстроившихся офицеров и караул, а суровый прошел на середину палубы и остановился около грот-мачты.

Окинув опытным взглядом щеголеватый «Париж», в котором все дышало исправностью и лихостью, присущей черноморскому флоту, посмотрел государь на стоящую перед ним тысячную молодецкую команду экипажа, и все это сразу сгладило неприятное впечатление случайно изломанного трапа.

- Капитан, откуда ты набрал таких молодцов? – ласково сказал государь, переходя с грозного вы, на привычное ты. – Здорово, молодцы!

И вместе с могучим радостным «здравия желаем» все на корабле почувствовали, что царь своим чутким оком достойно оценил и «Париж» и его команду.» [2, с. 1057-1058].

После приветствия император начал осмотр корабля – с верха до низу. «Когда государь сошел в трюм, блестяще освещенный 114 матовыми лампочками и содержащийся в такой щеголеватости и чистоте, что нельзя было предположить, что этот корабль несет трудную крейсерскую службу, то государь не мог скрыть своего удовольствия.

Остановившись по середине , при чем высота трюма позволяла во весь рост стоять, не сгибаясь и не снимая каски, государь обратился к князю Меншикову:

- Меншиков, скажи пожалуйста , отчего ты меня на Балтийском море не показываешь корабли, так, как показал мне сегодня Истомин – от клотика (верхняя точка мачты) до киля?

На это со стороны князя Меншикова последовал ответ, что в Балтийском море нет таких больших судов, как в Черном.» [2, с. 1058].

Но на этом смотр не был закончен. Поднявшись на палубу император, император стал у шпилья и потребовал барабанщика для подачи сигналов.

« - А ты, старик, прячься за меня – сказал он адмиралу Берху - а то собьют - и приказал ударить тревогу.

За тревогой последовало учение при орудиях потом парусное учение и так далее.

Тридцать шесть раз молодецкая команда получала во время смотра царское «спасибо». Отбывая с «Парижа» , государь командиру его, Истомину, пожаловал Владимира на шею, а старшему офицеру, лейтенанту П-ну (возможно П.А.Перелешину П.Ш.), штаб - офицерские эполеты.» [2, с. 1058 - 1059].

Выводы. Таким образом, перед нами два образца высочайших смотров флота. Смотр Александра I, который характерен повышенным вниманием к береговым батареям и сухопутным войскам и с меньшим вниманием к боевой подготовке флота. Так, в 1818 г. император ограничился объездом на катере эскадры, а затем поднялся на корабль «Париж» (предшественник того, на котором был Николай I) , где присутствовал на обеде и провел награждение. В 1825 г. Александр I присутствовал при спуске на воду катера «Жаворонок», дважды объехал на катере эскадры, посетил морской госпиталь и принял смотр флотских бригад, причем, ни о каких смотрах на кораблях И.Х.Сиверс не упоминает.

Николай I же не только осмотрел большой линейный корабль от верхней палубы до трюма, но и провел целое большое учение экипажа, которое включало учение при орудиях, при парусах и пр., всего 36 заданий, получив доскональное впечатление о боевых возможностях экипажа. Кроме того, в процессе смотров решались и вопросы об улучшении качественного состава флота. Так, имеются сведения о том, что во время смотра 1845 г. тогдашний главный командир Черноморского флота М.П.Лазарев поставил перед императором Николаем вопрос о заказе в Англии нового пароходофрегата , поскольку количество пароходов

и винтовых судов в составе Черноморского флота было совершенно недостаточным [1, с. 45]. Именно в период смотра 1852 г. В.А.Корнилов выступил с программой полной замены паровых кораблей винтовыми [1, с. 51-52]. Программа была поддержана Николаем I.

Однако и адмиралы и император запоздали с этими мерами. Когда британско - французская эскадра вошла в Черное море, она имела в своем составе 14 парусных линейных кораблей и 8 винтовых, 3 парусных фрегата, 6 пароходфрегатов и 6 винтовых фрегатов [1, с. 54-55]. В составе Черноморского флота винтовые корабли вообще отсутствовали, было 13 парусных линейных кораблей, 8 парусных фрегатов и всего один железный пароход «Инкерман». Было некоторое количество пароходов (пароходфрегаты «Владимир», «Громоносец», «Одесса», пароходы «Крым», «Херсонес», «Эльбрус»), но по ходовым и боевым качествам они все же уступали английским. Такой флот успешно решал проблемы противоборства с турецким флотом, но не мог противостоять объединенным силам двух сильнейших морских держав, Великобритании и Франции. Жертвенный порыв адмирала В.А.Корнилова был пресечен А.С.Меншиковым, 4 линейных корабля, 2 фрегата и портовый корабль «Силистрия» были затоплены поперек рейда, между Константиновской и Александровской батареями. Таким образом, техническое отставание России того времени не позволило реализовать на море тот высокий уровень боевой подготовки матросов Черноморского флота, в создание которого стремился внести свой вклад и император Николай I.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы осуществления контроля императором Николаем I состояния и развития Черноморского флота. Проводится сравнение характера и методов осуществления контроля за состоянием флота императоров Николая I и императора Александра I. Высказываются соображения о степени эффективности подобных форм контроля для повышения боевых качеств флота.

Ключевые слова: Черноморский флот, смотр, воспоминания очевидца, рейд, батареи, трап, учение при орудиях, парусное учение.

Annotation. The article considers some issues of control by Emperor Nicholas I of the state and development of the Black Sea Fleet. A comparison is made between the nature and methods of exercising control over the state of the fleet of Emperors Nicholas I and Emperor Alexander I. Concerns are being expressed about the effectiveness of such forms of control in order to improve the combat qualities of the fleet.

Keywords: Black Sea Fleet, review, eyewitness recollections, raid, batteries, gangway, gun training, sailing training

Литература:

1. Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной. Геополитика и стратегия. // Г.А.Гребенщикова – СПб: издатель М.А. Леонов – 2003. – 80 с.
2. Зайончковский А.М. Последний смотр императором Николаем Павловичем Черноморского флота в 1852 году (из рассказа очевидца) / А.М.Зайончковский // Исторический Вестник № 79 . 1900 г. - с. 1054-1059.
3. Каллистов Н.Д. Флот в царствование императора Александра I. Состояние флота./Н.Д.Каллистов // История русской армии и флота.Т.9 – М.: Книг-изд-во Образование - 1913. – с. 66-76.
4. Пребывание императора Александра Первого в Севастополе в 1818 и 1826 годах (Из дневника генерал – лейтенанта И.Х.Сиверса) // Русский Архив - 1902, № 2. – с. 263 - 268

УДК 796.332

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФУТБОЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВО 2 ПОЛ. XX В.

*обучающийся 2 курса магистратуры Шевчик Руслан Владимирович
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта);
кандидат педагогических наук Вишневский Сергей Анатольевич
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Первые публикации послевоенного времени носили в себе яркий пропагандистский характер. Всё что касалось спорта, должно было восприниматься как вспомогательное средство для патриотического воспитания молодежи, доказательством преимуществ социалистической советской системы спорта над системой капиталистической, нести в себе четкую и обусловленную пропаганду идей социализма. Отдельный этап в изучении футбола был непосредственно связан с вступлением Советского Союза в ФИФА в 1946 году. Также этому способствовало первое участие сборной СССР на Олимпийских играх 1952 года, что соответственно расширило спортивные международные коммуникации [1].

Изложение основного материала исследования. В первые послевоенные годы проводились исследования, связанные с популяризацией физической культуры и спорта. Исследователями того времени, подчеркивалось, что спорт является неотъемлемым инструментом идеологического воздействия. Одни из самых известных трудов на эту тему были опубликованы в 1951 году Савиным С.А. – «Роль тренера в идейно-воспитательном воспитании футболистов», Кукушкиным Г.А. – «Советская физическая культура – важное средство коммунистического воспитания» в 1953 году. В книге С.А. Савина большое внимание уделялось роли тренера как идейного наставника спортсменов. Было описано, как тренер должен всегда оставаться воспитателем и педагогом для своих футболистов, что стиль руководства команды, в первую очередь зависит от манеры поведения наставника. Отмечалось, что тренер и тренерская школа в целом передают определенные спортивные традиции, способствуют формированию морально-волевых качеств, заставляют ответственно и требовательно относиться к своему делу будущих спортсменов. И всё это должно было быть связано с идеологией того времени. Кроме этого описывалось не так влияние тренера на

футболистов, как процесс становления самого тренера-специалиста. Считалось, что профессиональные качества тренера добываются упорным практическим трудом, изучением имеющихся на тот момент, спортивно-педагогической базы. Подчеркивалось, что советский тренер должен всегда повышать свой профессиональный уровень, никогда не останавливаться в своём развитии, познавать новое и быть примером гражданина и спортсмена идеального коммунистического воспитания [7].

Смена руководства страны и события XX съезда КПСС непосредственно повлияли на подходы к изучению истории футбола в стране. Градус пропаганды был заметно снижен, было разрешено изучение и обобщение событий, связанных с историей футбола на территории СССР еще до момента его образования. Если до времен, так называемой, «оттепели» количество даже публицистических трудов об истории советского футбола в отечественной историографии было минимальным, то с этого момента ситуация изменилась. Один из значимых трудов того времени оставил нам в те годы П.А. Соболев – «Международные связи советских спортсменов». Это был один из первых публицистических трудов, повествующий о взаимоотношениях советских футболистов с зарубежными коллегами. В эти годы советскому футболу удалось наладить довольно крепкие контакты со многими социалистическими странами. Как ни странно, всё это совпало с возрастающим интересом общественности к футболу. С конца 50-х годов XX века в СССР футбол стал явлением, объединившим вокруг себя не только узкий круг непосредственно спортсменов, но и миллионы болельщиков по всей стране [1].

В это же время некоторые зарубежные футбольные издания стали доступны узким спортивным кругам в Советском союзе. Тренеры всерьез изучали данные публицистические издания, анализируя полученные из них сведения, применяли новые знания на практике, тем самым привносили в советский футбол элементы нового, комбинируя это с традиционной советской школой. С началом активной фазы конфронтации во время Карибского кризиса, государственная стратегия относительно развития спорта и его роли в обществе вновь подверглась некоторым изменениям. Однако футбол в СССР всё же не рассматривался в качестве инструмента внутренней и внешней политики, но с тех пор подчеркивалась его доминирующая роль в развитии общества, в повышении престижа страны на международной арене, превосходства социалистического образа жизни над капиталистическим. Внутри самой страны изучение истории и развития футбола рассматривалось только в рамках описания уже свершившихся событий. Записывалось и анализировалось, сколько мячей забил тот или иной футболист. Сколько та или иная команда, в каком сезоне добыла побед и набрала очков, отдельных публикаций стали удосуживаться отдельные личности. Игроки и тренеры, хорошо проявившие себя как внутри страны, так и на международной арене ставились в пример молодежи, и соответственно о таких людях было написано немало отдельных публицистических статей и книг. Таким примером может служить вратарь сборной СССР и московского «Динамо» – Лев Яшин. В конце XX века ФИФА официально признала его лучшим вратарем столетия. Как раз на пике популярности Льва Яшина, были написаны две известных книги Акимов А.М. – «Записки вратаря» и Соколова Н.Е. – «Первый вратарь сборной» опубликованные в 1968 году. Но стоит отметить, что Анатолий Климов в своей книге затронул не только феномен Льва Яшина, но и детально разобрал психологию и процесс становления вратаря в футболе как отдельного ампула. Им же была высказана мысль о том, что для вратаря высокий рост не является обязательным и определяющим фактором. При должном занятии физическими упражнениями, гимнастикой, акробатикой и атлетикой, вратарь мог достигнуть той ловкости и прыгучести, которая принесла бы ему и его команде намного больше пользы, чем его высокий рост. Уделил особое внимание автор и психологической составляющей. Акимов считал, что, самое важное для футболиста это не думать всё время о предстоящей игре, так как часто это приводило к переоценке своих сил и возможностей, что впоследствии приводило к потере мотивации спортсмена на игру [8].

Впоследствии, многие выдающиеся советские спортсмены писали собственные книги и автобиографические произведения. Например, нам достоверно известно, что Львом Ивановичем Яшиным были написаны два сочинения. «Записки вратаря» опубликованные в журнале «Огонёк» в 1976 году и «Счастье трудных побед» в журнале «Физкультура и спорт» в 1985 году. Олег Владимирович Блохин – лучший бомбардир в истории киевского «Динамо» и обладатель Золотого мяча в 1975 году, также оставил свой рукописный след в истории футбола. Им было написано несколько книг, две из которых в соавторстве с Д.А. Аркадьевым. Самые известные из них это «Гол, который я не забил» (1981 г.), «Право на гол» (1984 г.), «Экзаменует футбол» (1986 г.) и «Футбол на всю жизнь» (1988 г.) [4].

Книга Юрия Федоровича Коршака – «Старый футбол», изданная в 1975 году затрагивала моменты становления футбола в стране еще с конца XIX века. В своей книге автор описывал процессы, связанные с образованием первых спортивных клубов на территории страны, участии сборной Российской Империи на Олимпиаде 1912 года, описал первый опыт зарубежного выступления советских футболистов в 1923 году. Информация о данных событиях способствовала структуризации основных этапов развития отечественного футбола на его первоначальном этапе [5].

Пятью годами ранее книгу об истории развития футбола в отдельно взятом городе написал Киселев Н.Я – «70 футбольных лет. Футбол в Петербурге, Петрограде, Ленинграде». В данном справочнике автор изложил все этапы развития футбола в современном Санкт-Петербурге в период с 1898 по 1968 год. Стоит отметить, что с каждым годом всё более доступным в СССР стало свободное изучение и освещение событий истории отечественного футбола в дореволюционный период [3].

На рубеже 70-х – 80-х гг. XX века у отечественных исследователей был замечен возросший интерес к истории развития спорта, во многом это было связано с международными успехами советских спортсменов и проведением Олимпиады 1980 году в Москве. Бойкот данной Олимпиады западными странами, повлек за собой бойкот следующей Олимпиады в США уже социалистическими странами. В это время было написано немало трудов о взаимоотношениях советских и зарубежных футболистов и роли спорта в идеологической борьбе двух политических систем. Советское государство в очередной раз прибегло к методам пропаганды. Изучались решения и указы, связанные со спортивной деятельностью, изданные правящей партией. Для создания подобных статей и книг были задействованы лучшие спортивные журналисты, публицисты и исследователи страны. Больше внимания стало уделяться аспектам подготовки советских спортсменов, их моральному облику, подчеркивалась роль партии, а победы и достижения на футбольных полях трактовались исключительно как триумф советской системы. Роль же самого спортсмена на фоне громких побед нивелировалась. В 1983 году Константин Сергеевич Есенин написал книгу, посвященную сборной СССР. На тот момент этот труд считался фактически первым расширенным справочным изданием о главной команде

страны. В книге детально описывались результаты матчей, информация об игроках и тренерах, о становлении команды как единого механизма, который всегда готов был проявить свои лучшие качества против лучших сборных мира. Данный сборник повествует нам о мало известной, бытовой стороне жизни футболистов. Не о сухих результатах матчей и количестве забитых мячей, а о настоящих историях, переживаниях и эмоциях спортсменов того времени. Десятки статей, очерков и собственных журналистских репортажей, посвященных футболу, являются примером упорного труда данного профессионала-публициста [2].

С середины 80-х годов в стране вновь начались социально-политические изменения. Перестройка внесла изменения и в развитие спорта к и подходам к его изучению. В условиях гласности и понижения градуса напряженности в Холодной войне, многие авторы решили отойти от темы сравнения достижений отечественного и зарубежного спорта. Во главе угла стало изучение социальных проблем, связанных с развитием футбола. Благодаря тому, что идеологическая и пропагандистская составляющая в публицистических трудах практически исчезла, многие авторы и исследователи стали рассматривать футбол исключительно в рамках общественно-социального явления. Участие советской сборной на Чемпионате Мира в Мексике очень хорошо описано в труде А.А. Горбунова – «Мехико-86». В этой книге был представлен тактический анализ игры советской сборной, рассказывалось об атмосфере внутри коллектива. В числе соавторов данной книги были известный судья всесоюзной категории – В.И. Симakov, старший тренер сборной – В.В. Лобановский, лечащий врач команды – С.Е. Мышалов [1].

Книга Г.С. Орлова «Футбольный экспресс Мюнхен-Мехико» повествует нам о событиях, проходивших на Чемпионате мира не только в Мексике, но и в Аргентине, Испании и ФРГ. И если на полях Германии и Аргентины наша сборная сыграть не смогла, так как не прошла квалификацию, то информация о результатах выступления советской сборной на Пиренейском полуострове в 1982 году является очень полезной [6].

С развалом Советского союза был открыт доступ к множеству ранее засекреченных архивов. Выяснилось, что было, что скрывать советской власти и в футболе, так как политическое лобби всегда оказывало большое влияние на его развитие, как в целом, так и в отдельных взятых регионах страны. Кроме этого, проникающие в Россию новые течения в изучении истории, в частности, спортивная история, обусловили большое количество публикаций об истории развития отечественного футбола в конце XX века [4].

Выводы. Футбол – составная и неотъемлемая часть спорта, а соответственно и массовой культуры общества. Так как футбол является самым популярным видом спорта в нашей стране, информация о нем всегда была широко представлена во многих публицистических изданиях, журналах, статьях, книгах. На протяжении всего советского периода изучению данного вида спорта было посвящено множество разнообразной педагогической литературы, но практически везде в ней футбол рассматривается лишь в рамках инструмента воспитания будущих спортсменов. Непосредственно футбол как социально-культурное явление, его история, развитие и влияние на общество, в нашей стране не являются предметом широкого изучения в научной сфере. В рамках проведенного историографического анализа было выделено несколько этапов, характеризующихся разницей подходов к изучению и описанию исторических событий и фактов, связанных с историей футбола. Во многом это было обусловлено изменениями в политической конъюнктуре, то есть приспособлению публицистов определенного временного отрезка к официальной политике государства по отношению к футболу, исходя из условий внутренней и внешней политики государства. Так, например, в послевоенные годы особо была заметна пропагандистская направленность статей и публикаций связанных с развитием физической культуры и спорта в стране. В годы оттепели и перестройки подобной идеологической составляющей в публицистических и научных трудах становилось заметно меньше. В разные временные периоды особое внимание публицистов уделялось то описанию футбольных событий исключительно внутри страны, то коммуникациям советского спорта с зарубежными спортсменами, то написанию публицистических трудов об отдельно взятых спортсменах. Был выделен ряд авторов, которые оставили определенный вклад в имеющуюся на данный момент историографическую базу по вопросу истории развития отечественного футбола. Стоит отметить, что на протяжении всей второй половины XX века ежегодно издавались справочные пособия о результатах того или иного футбольного турнира, еженедельно публиковались спортивные журналы, с разной периодичностью выходили в свет посвященные футболу спортивные статьи. Отдельного научного исторического направления, которое изучало, было спортивную историю и историю развития футбола как социально-культурного явления в СССР не было. Многие из вышеперечисленных авторов-публицистов предоставили много детальной информации, которая может быть использована именно в рамках научного изучения данной темы.

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования историографической базы для изучения вопроса заявленной темы на основе публицистических трудов. В работе обозначены основные этапы, характеризующиеся разницей подходов к изучению и описанию исторических событий и фактов, связанных с историей футбола. Дается пояснение изменениям риторики публицистов, обусловленное изменениями официальной политики государства по отношению к футболу, исходя из условий внутренней и внешней политики советского государства.

Ключевые слова: футбол, спорт, публицистика, историография, СССР.

Annotation. In the article deals with the process of forming a historiographical base for studying the issue of the declared topic on the basis of journalistic works. The work outlines the main stages characterized by the difference in approaches to the study and description of historical events and facts related to the history of football. It explains the changes in publicist rhetoric caused by changes in the state's official policy towards football, based on the conditions of the domestic and foreign policies of the Soviet state.

Keywords: football, sport, journalism, historiography, the USSR.

Литература:

1. Горбунов, А. А. Мехико-86 / А. А. Горбунов. – М.: Физкультура и спорт, 1987. – 211 с.
2. Есенин, К. С. Футбол. Сборная СССР / К. С. Есенин. – Москва: Физкультура и спорт, 1983. – 208 с.
3. Киселёв, Н. Я. 70 футбольных лет. Футбол в Петербурге, Петрограде, Ленинграде / Н. Я. Киселёв. – Л.: Лениздат, 1970. – 279 с.
4. Колосков, В. И. Сто лет российскому футболу (1897-1997) / В. И. Колосков. – М.: Российский футбольный союз, 1997. – 229 с.
5. Коршак, Ю. Ф. Старый, старый футбол. / Ю. Ф. Коршак. – М.: Физкультура и спорт, 1975. – 118 с.

6. Орлов, Г. С. Футбольный экспресс Мюнхен – Мехико Ленинград / Г. С. Орлов. – Л.: Лениздат, 1988. – 206 с.
7. Савин, С. А. Роль тренера в идейно-воспитательном воспитании футболистов. Теория и практика физической культуры. / С. А. Савин. – М.: Физкультура и спорт, 1951. – 75 с.
8. Соколов, Н. Е. Первый вратарь сборной / Н. Е. Соколов. – Москва: Физкультура и спорт, 1968. – 144 с.

УДК 37.042.2 + 379.8.092

ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ГОТОВНОСТИ К ОРГАНИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ

*аспирант Щербакова Олеся Анатольевна
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар)*

Постановка проблемы. Одной из острых проблем современного общества является неуклонный рост количества детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – дети с ОВЗ), наблюдаемый в мире и в России [1]. Задачи обеспечения равных прав данной категории детей и включения их в социум могут быть решены в условиях инклюзии.

Инклюзия детей с ОВЗ подразумевает такое изменение общества и его институтов, «чтобы это включение содействовало интересам всех членов общества, росту их способности к самостоятельной жизни (включая лиц с ОВЗ), обеспечению равенства их прав и т.п.» [2].

Задача по удовлетворению особых социально-культурных потребностей детей с ОВЗ может решаться при условии организации инклюзивной среды в социально-культурной сфере.

Изложение основного материала исследования. Инклюзивную среду в социально-культурной сфере мы рассматриваем как совокупность специально организованных условий для обеспечения удовлетворения особых социальных, культурных и образовательных потребностей детей с ОВЗ, их социализации и интеграции в общество. Данные условия создаются на основе принципов доступности, экологичности, адаптивности, развивающей направленности и личностно-ориентированного подхода.

Организаторами инклюзивной среды, как в учреждениях культуры, так и в организациях дополнительного образования могут выступать специалисты по социально-культурной деятельности, что актуализирует проблему формирования готовности студентов социально-культурного профиля к осуществлению данной профессиональной деятельности в период обучения в вузе.

Подготовка будущих специалистов по социально-культурной деятельности в вузе включает, в том числе, и формирование профессионально важных личностных качеств, одним из которых выступает эмоциональная устойчивость.

Вопросу формирования эмоциональной устойчивости у будущих специалистов инклюзивной команды посвящены диссертационные исследования ученых Ю.В. Яковлевой (педагоги), Е.В. Медведевой (психологи), О.А. Казаковой (социальные работники). При этом проблема формирования эмоциональной устойчивости будущих специалистов по социально-культурной деятельности остается малоизученной.

В научной литературе приводятся различные определения понятия «эмоциональная устойчивость».

С опорой на труды современных отечественных исследователей мы определяем эмоциональную устойчивость как профессионально важное личностное качество, позволяющее контролировать проявление эмоций, обеспечивать стабильность эмоционального состояния, адекватно и эффективно действовать в напряженных эмоциональных ситуациях профессиональной деятельности и предупреждать возникновение профессиональной личностной деформации [3, 4, 5].

Эмоциональная устойчивость является эмоциональным свойством личности, то есть одной из характеристик эмоционального реагирования, постоянно и ярко проявляющихся у данного человека, [6] и составляющих его эмоциональность. Поэтому для изучения эмоциональной устойчивости будущих специалистов по социально-культурной деятельности использовался опросник «Характеристики эмоциональности» Е.П. Ильина, позволяющий изучить эмоциональную возбудимость, эмоциональную реактивность (т.е. интенсивность и длительность эмоциональных переживаний), а также влияние эмоций на эффективность деятельности и общения будущих специалистов.

Констатирующий эксперимент проводился на базе Краснодарского государственного института культуры (г. Краснодар). В исследовании приняли участие 105 студентов очной формы обучения: 1 курс (27 чел.), 2 курс (29 чел.), 3 курс 32 (чел.), 4 курс (17 чел.). Все исследуемые – студенты направления подготовки «Социально-культурная деятельность».

Результаты диагностики характеристик эмоциональности будущих специалистов по социально-культурной деятельности представлены в таблице:

Характеристики эмоциональности	Единицы измерения	Уровни развития характеристик эмоциональности														
		1 курс (27 чел.)			2 курс (29 чел.)			3 курс (32 чел.)			4 курс (17 чел.)			Всего (105 чел.)		
		низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
ЭВ	чел.	10	10	7	6	15	8	9	16	7	9	4	4	34	45	26
	%	37,0	37,0	26,0	20,7	51,7	27,6	28,1	50,0	21,9	52,9	23,5	23,5	32,4	42,8	24,8
ИЭ	чел.	5	13	9	1	12	16	3	18	11	3	10	4	12	53	40
	%	18,5	48,2	33,3	3,5	41,3	55,2	9,4	56,2	34,4	17,7	58,8	23,5	11,5	50,5	38,0
ДЭ	чел.	10	10	7	11	16	2	15	13	4	7	9	1	43	48	14
	%	37,0	37,0	26,0	37,9	55,2	6,9	46,9	40,6	12,5	41,2	52,9	5,9	41,0	45,7	13,3
ЭУ	чел.	4	11	12	7	17	5	2	19	11	4	11	2	17	58	30
	%	14,8	40,7	44,4	24,1	58,6	17,2	6,3	59,4	34,4	23,5	64,7	11,8	16,2	55,2	27,6

Из таблицы следует, что у четверти студентов (24,8%) выявлен высокий уровень эмоциональной возбудимости (ЭВ), следовательно, им характерна выраженная чувствительность, легкость и быстрота возникновения эмоциональных переживаний. У данных лиц могут проявляться такие особенности поведения как вспыльчивость и раздражительность, что может создавать профессиональные трудности при организации инклюзивной среды. У трети испытуемых (32,4%) определен низкий уровень эмоциональной возбудимости (ЭВ), характеризующийся недостаточным эмоциональным откликом на различные воздействия и ситуации, что, с нашей точки зрения, может препятствовать развитию процесса эмпатии в работе с детьми с ОВЗ.

Высокий уровень интенсивности эмоций отмечается у 38,0% студентов, а длительности эмоций – у 13,3% студентов. Данным группам будущих специалистов по социально-культурной деятельности свойственна тенденция к проявлению сильных, продолжительных эмоций и чувств, глубоким переживаниям, что создает риски раннего развития эмоционального выгорания при работе в условиях инклюзии.

Около трети студентов (27,6%) отличаются высоким уровнем эмоциональной устойчивости (ЭУ). У половины (55,2%) участников диагностики выявлен средний уровень эмоциональной устойчивости. Высокий уровень отрицательного влияния эмоций на эффективность деятельности и общения (эмоциональная неустойчивость) присущ 16,2% студентов направления подготовки «Социально-культурная деятельность». Следует отметить, что низкий уровень эмоциональной устойчивости студентов социально-культурного профиля может приводить к эмоциональным затруднениям при организации инклюзивной среды.

Выводы. Таким образом, анализ результатов диагностики эмоциональной устойчивости и характеристик эмоциональности будущих специалистов по социально-культурной деятельности позволил сделать вывод о необходимости развития эмоциональной сферы студентов, показавших низкий и средний уровни эмоциональной возбудимости, интенсивности и длительности эмоций и отрицательного влияния эмоций на эффективность деятельности и общения. Студентам с высоким уровнем развития данных эмоциональных свойств и низким уровнем эмоциональной устойчивости могут быть рекомендованы специально организованные занятия по коррекции эмоциональных трудностей.

Аннотация. В статье затронуты вопросы изучения профессионально важных личностных качеств студентов социально-культурного профиля, необходимых для организации инклюзивной среды. В работе рассмотрены понятия «эмоциональная устойчивость» и «инклюзивная среда в социально-культурной сфере». В статье представлен анализ результатов констатирующего эксперимента, сделан вывод о недостаточной сформированности эмоциональной устойчивости у будущих специалистов по социально-культурной деятельности и предложены пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: эмоциональная устойчивость, профессионально важные личностные качества, готовность к профессиональной деятельности, социально-культурная деятельность, будущие специалисты по социально-культурной деятельности, дети с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивная среда.

Annotation. The article touches upon the issues of professionally important personal qualities in students majoring in social and cultural studies necessary to organize an inclusive environment. The study reviews the concepts of emotional stability and an inclusive environment in the social and cultural sphere. The article analyzes the results of stating experiment, concludes insufficient level of emotional stability in future specialists in social and cultural activities and propose a solution this problem.

Keywords: emotional stability, professionally important personal qualities, readiness to professional activity, social and cultural activities, future specialists in social and cultural activities, children with disabilities, inclusive environment.

Литература:

1. Алехина, С.В. Принципы инклюзии в контексте изменений образовательной практики // Психологическая наука и образование. - 2014. - № 1. - С. 5-16.
2. Шеманов А.Ю., Попова Н.Т. Инклюзия в культурологической перспективе // Психологическая наука и образование. - 2011. - №1. - С. 74-82.
3. Яковлева Ю.В. Педагогическое обеспечение развития эмоциональной устойчивости будущих учителей: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. - Ярославль, 2015. - 240 с.
4. Медведева В.Е. Педагогические условия формирования эмоциональной устойчивости студентов-психологов в вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. - Орел, 2011. - 227 с.
5. Казакова О.А. Формирование эмоциональной устойчивости у будущих специалистов социальной работы в процессе профессионально-прикладной физической подготовки: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. - Самара, 2010. - 207 с.
6. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. - СПб.: Питер, 2011. - 784 с.

*студентка 61/1-И, направление подготовки
46.04.01 «История» Юдина Александра Александровна
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта)*

Постановка проблемы. Современный образовательный процесс в России требует комплексной подготовки будущих учителей истории. Появление в российской практике тенденции подготовки учителей к правовому образованию призвано опытом зарубежных стран, в том числе и стран Европейского Союза. Поэтому изучение зарубежных тенденций правового образования позволит проследить как общие, так и отличительные черты в отечественной и зарубежной подготовке учителей истории, предоставит возможность выяснить пути возможного реформирования сферы правового образования будущих учителей истории.

Целью данной статьи является выявление специфики правового образования в ходе подготовки будущих учителей истории в странах Европейского Союза.

Изложение основного материала исследования. Правовое образование выступает как одно из требований к будущему учителю в странах Европы. При этом в отличие от США, в странах ЕС правовые дисциплины могут преподаваться на всех этапах подготовки, а не только после окончания бакалавриата. Учитывая значительный массив стран ЕС, проблема правового образования будущих учителей истории будет проанализирована только на примере трех самых влиятельных государств Европы - Великобритании, Франции и Германии.

Рассматривая подготовку будущих учителей истории в разрезе отдельных стран, можно отметить, что высшее образование Великобритании развивается в контексте образовательной стратегии ЕС. Оно направлено на подготовку высококвалифицированных кадров стран Европы с учетом их национальной культуры, социальных потребностей и возможностей, а также согласно новым запросам общества, связанных с необходимостью усиления национальной экономики и поднятия рейтинга этих стран на мировом уровне [9].

Если обратить внимание на правовую подготовку будущих учителей в Великобритании, то следует отметить, что изучение каждого предмета включает в себя определенное знакомство с его правовыми аспектами. Кроме того, важной составляющей каждого вуза (несмотря на то, что в Англии не существует единой программы подготовки учителей), студенты изучают правовые аспекты педагогической деятельности, как в контексте педагогических дисциплин, так и на отдельных правовых предметах, которые им предлагает учебное заведение.

В Великобритании важное место в профессиональном становлении учителей занимает практика, на которой они в первую очередь получают новые знания, в то время как в России, в ходе практики, происходит закрепление знаний, полученных в ходе обучения в вузе. Весомое место в ходе практики отводится правовому образованию: студент должен получить знания по основным юридическим вопросам своей профессиональной деятельности и одновременно научиться соблюдать их в своей практической деятельности [7].

Позже, в ходе профессиональной деятельности, правовое образование учителя истории происходит путем последипломного образования. Например, изучается курс, посвященный совершенствованию законодательно-правовой базы педагогов в условиях постоянного расширения и дополнения его функций и задач (передача информации, профессиональная адаптация, повышение квалификации, личное развитие, получение новой квалификации, развитие учебного плана, развитие школы и т.д.) [3].

В целом, правовое образование учителя истории в Великобритании выходит из самой правовой системы государства. Ведь в Британии действует англо-американская (прецедентная) правовая система, в которой законы формируются на основе исторических правовых прецедентов. Таким образом, как и в США, так и Великобритании, роль учителя истории в ходе правового образования школьников достаточно весомая, поскольку каждое событие становится прецедентом, а, следовательно, и изучение истории позволяет познакомиться с общими чертами правовой системы государства. Таким образом, правовое образование студенты - будущие учителя истории, в Великобритании получают в том числе и при изучении, собственно, исторических дисциплин.

В остальных странах Европы присуща романо-германская правовая система, следовательно, здесь отличается и специфика правовой подготовки будущих учителей, хотя ряд общих черт образовательной системы ЕС присущ всем странам Европы. Для начала разберем правовую подготовку будущих учителей истории на примере Германии.

Как и в США и Великобритании, подготовка учителей истории в Германии отличается в разных федеральных землях и вузах. При этом отсутствует единая для всех 16 регионов страны общая модель подготовки будущих учителей истории [5]. В каждой федеральной земле есть собственная структура учебных заведений, свои особенности дифференцированного подхода в профессиональной подготовке педагогических кадров, учитывающие состояние общего образования в стране, а также свои источники финансирования. В целом, время обучения в педагогических вузах Германии длительней, чем в России. Так, средняя продолжительность обучения в университетах составляет 14 семестров, а в отраслевых институтах - более девяти.

Во время изучения специальных предметов учителя одной ступени (I) обязательно изучают немецкий язык, математику и один предмет на выбор. Учителя двух степеней (I и II) могут выбрать любые два предмета из перечня, предложенных университетом. При этом четверть всей учебной программы занимает изучение педагогических и гуманитарных наук, таких как педагогика, философия, социология, правоведение и дидактика [4].

Стоит отметить, что в Германии, в отличие от США и Великобритании, педагогическое образование является обязательной составляющей для дальнейшей работы в школе. Поэтому лица, окончившие

юридические факультеты, не смогут заниматься педагогической деятельностью, а значит, такой вариант правового образования в Германии можно и не рассматривать, учитывая и стоимость и продолжительность обучения на юридических факультетах.

Еще одним ярким представителем европейского образования, которое имеет свою длительную историю, является Франция. Общей чертой, как для Франции, так и для остальных стран Европы, является то, что реформирование системы подготовки учителей произошло в начале 90-х годов XX столетия, когда происходило переформатирование педагогического образования во всех высших учебных заведениях. Так, 1 сентября 1991 года вместо традиционно существующих Ecoles Normales (EN) - высших школ по подготовке учителей кадров - были открыты университетские институты по подготовке учителей [10]. Изменилась и структура правового образования, доля которого в общей подготовке стала незначительной. Студенты только знакомятся с основными законами, регламентирующими работу школы и с правовыми обязанностями учителей в школе. Экзаменов по правоведческим дисциплинам не предусмотрено [6]. Однако работа с нормативно-правовой документацией осуществляется студентами в свободное от учебы время, которое составляет 444-528 часов в год. Студентам разрешается использовать свободное время для индивидуальной работы в центрах документации и информации [3].

Интересным фактом является то, что значительный массив правового образования студентов во Франции происходит путем изучения философии. В первом направлении, которое называется политическая философия, изучаются следующие вопросы:

- понятие школы и общественной службы;
- общественное образование, национальное образование, воспитание и обучение;
- светскость;
- гражданственность и воспитания гражданина;
- демократизация образования, второгородничество.

Второе направление, которое изучает непосредственно философию знания, эпистемологию, затрагивает следующие темы:

- что значит уметь преподавать, уметь понимать, уметь объяснять ...;
- понятие учебного предмета, понятия составляющих элементов, понятие упражнения;
- история и эпистемология учебных предметов;
- культура и культуры;
- поливалентность специализации.

Третье направление касается вопросов антропологии и философии морали:

- понятие обучения, конечные цели обучения, ценности в обучении;
- понятие детства, понятие меньшинства, права ребенка;
- ребенок как субъект, субъект права, речь ребенка;
- период детства, привлечение детей к режиму обучения;
- этика и деонтология в профессии учителя;
- власть и ответственность, автономия и здравый смысл;
- теории обучения;
- управление классом, педагогические понятия, виды педагогики;
- класс, группа, цикл, оценки [8].

Как мы видим, значительный массив тем первого и второго направления являются юридическими (правовыми) и представляют собой составляющую правового образования молодежи. Изучение представленных тем расширяет правовые знания студента, а главное, дает ему возможность выражать свои мысли с очерченных вопросов. Сам процесс изучения философии во Франции предусматривает формирование умения высказываться из предлагаемых тем, высказывать собственные суждения, а значит философия в контексте правового образования, предоставляет будущим учителям способность не только знать нормы права, но и применять их на практике, оценивать их значимость и роль.

Дальнейшая педагогическая практика в учреждениях образования также способствует расширению правовых знаний и умений будущих учителей, следовательно, являются составной частью правового образования. Практика проходит на втором году обучения, в период которой значительное внимание отводится работе с документацией, как той, что заполняет учитель, так и собственно с нормативно-правовыми актами, на основе которых работает данная школа (учебное заведение) [10].

Таким образом, образовательная концепция правового обучения во Франции, основана на критическом анализе и на осмыслении того, что на сегодняшний день представляет собой юридическая система, и в каком направлении она должна развиваться [1]. Также, отталкиваясь от основных знаний, которые студент должен получить в ходе учебного процесса, он должен научиться рассуждать над юридическими вопросами. Поэтому при обучении большое внимание уделяется единству образовательных методик и содержанию образования. Так как правовые акты не являются чем-то застывшим, следуют за развитием общества, постоянно модернизируются, то студенту необходимо четко представлять, под влиянием каких факторов происходили изменения законов, и к каким последствиям это привело. А это значит, что он должен уметь комментировать, анализировать и критиковать законы, с тем, чтобы в конечном итоге быть способным понять вклад нового закона в юридическую систему в целом, и последствия, возникающие от принятого закона [8].

Подводя итоги по правовому образованию в странах ЕС, следует привести некоторые общие черты для всех стран ЕС в плане, как подготовки учителей истории, так и собственно правового образования. Так, выделяются следующие цели преподавания истории в странах ЕС:

- занять важное место в подготовке ответственных и активных граждан и стать решающим фактором в развитии уважения ко всем видам различий, основываясь на понимании национальной идентичности и на принципах толерантности;
- стать решающим фактором примирения, признания, понимания и взаимного доверия между народами;
- играть жизненно важную роль в развитии фундаментальных ценностей, таких как терпимость, взаимопонимание, права человека и демократия;
- быть одним из основных частей «свободного дома» Европы на основе общего исторического и культурного наследия, обогащенного через разнообразие, в том числе, конфликтного, а порой драматического характера;

- быть частью политики в области образования, играть непосредственную роль в развитии молодежи и прогресса с целью их активного участия в строительстве единой Европы, а также в мирном развитии человеческого общества в духе взаимопонимания и доверия;

- способствовать развитию у учащихся интеллектуальной способности анализировать и интерпретировать информацию критически и ответственно, через диалог, через поиск исторических свидетельств и через открытые дебаты на основе мультиперспективности, особенно в спорных и деликатных вопросах;

- позволять европейским гражданам почувствовать свою собственную индивидуальную и коллективную идентичность через знание их общего исторического наследия в его местном, региональном, национальном, европейском и глобальном измерениях;

- быть инструментом для предотвращения преступлений против человечности [2].

То есть, правовой аспект занимает ведущее место в преподавании истории в Европе, следовательно, важным для этого есть и правовое образование будущих учителей. Особый акцент делается на нормах международного права, которое исходит из самой специфики ЕС.

Выводы. Таким образом, правовое образование будущих учителей в странах ЕС имеет как общие, так и отличительные черты. Это обусловлено, с одной стороны, переходом к единым образовательным стандартам и Болонской образовательной системе, а с другой стороны, историческими традициями европейских государств. Основой правового образования является изучение правоведческих дисциплин и акцентирование внимания на правовые тематики при изучении исторических и педагогических дисциплин.

Практически во всех странах Европы изучение права является основным и обязательным предметом для будущих учителей истории. Хотя в ряде европейских государств, «Правоведение» выступает как предмет по выбору. Дополняет общее правовое образование в странах ЕС прохождение ознакомительной практики и изучение философии. А педагогическая практика одновременно проверяет и правовое образование студентов.

Аннотация. В статье рассматривается суть и специфика правового образования в странах Европейского союза.

Ключевые слова: правовое образование, учебный процесс, правоведческие дисциплины, правоведческие курсы.

Annotation. In the article the essence and characteristics of legal education in the EU.

Keywords: legal education, educational process, jurisprudential discipline jurisprudential courses.

Литература:

1. Гордиенко Н.Е. Подготовка учителя-профессионала в высшей педагогической школе Франции в конце XX – начале XXI веков: диссертация... к. пед. н 13.00.01 / Гордиенко Н.Е. – Рязань, 2010 – 248 с.
2. Мартынова О.В. Подготовка учителей в Германии в условиях создания европейского пространства высшего образования: диссертация... к. пед. н 13.00.01 / Мартынова О.В. – Пенза, 2006 – 180 с.
3. Мотехина Марина Викторовна. Правовая подготовка будущего учителя в учебном процессе педагогического вуза: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01: Тула, 2000. - 223 с.
4. Подготовка учителей в Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cleverinvest.net/news/71-podgotovka-uchitelej-v-germanii>
5. Саксе М. Базовая подготовка учителей истории в Баварии в начале XXI века: новые подходы, трудности и пути дальнейшего развития / М. Саксе // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 4 (41). – С. 194-201
6. Сидоркин А. Профессиональная подготовка учителей в США: уроки для России / А. Сидоркин // Вопросы образования. – 2013. – № 1. – С. 136-155
7. Синенко С. Організація післядипломної освіти педагогів в Англії і Уельсі // Освіта на Луганщині.- 2001. - № 1. - С. 61-65.
8. Серов Г.П. Основы правовой культуры гражданина России. Учебное пособие. - Москва: Издательство МНЭПУ, 2008. – 208 с.
9. Толочик А. І. Сучасні тенденції підготовки вчителів у Великобританії / А.І. Толочик // Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В.О. Сухомлинського. Серія: Педагогічні науки. – 2011. – Вип. 1.33. – С. 128-131.
10. Шайдуров А.А. Педагогические условия развития правовой культуры будущих учителей: автореф. на получение науч. степени к.пед.н.: спец. 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования / А.А. Шайдуров. – Екатеринбург, 2001. – 9 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Рябцева Светлана Эдуардовна Абибуллаева Энисе Эдемовна	ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	4
Апазова Сельвие Рефатовна	ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ПРОМЫШЛЕННОГО РЫБОЛОВСТВА В СЕВЕРНО- ЗАПАДНОМ КРЫМУ	7
Баранов Андрей Владимирович	МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В МОЛОДЁЖНОМ СООБЩЕСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И Г. СЕВАСТОПОЛЯ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)	11
Билецкая Татьяна Ивановна Бекирова Эльмира Шевкетовна	ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО - ЛЮТЕРАНСКОЙ ОБЩИНЫ В КРЫМУ (XIX-XX ВВ.)	14
Блинцов Дмитрий Александрович	ЯЛТИНСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД:1920-1923 ГГ.	15
Волянюк Дмитрий Владимирович	СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТСКИХ ЗАВОДОВ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	17
Зубарев Артур Владимирович Бекирова Эльмира Шевкетовна	КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ	19
Иванова Екатерина Юрьевна	СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАРТЕНИТА И ИСТОРИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ	22
Куралева Алёна Юрьевна Абибуллаева Энисе Эдемовна	УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	25
Ливенцев Дмитрий Вячеславович	К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ УКРАИНСКОГО ФЛОТА В 1918 Г.	28
Марков Евгений Алфеевич	ИСТОРИЯ ОДНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ	30
Никитина Ирина Витальевна	ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ТИПА «ДЕКАБРИСТ» НА ЧЕРНОМ МОРЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	32
Полянская Елизавета Сергеевна	МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)	35
Сапронова Карина Андреевна	ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ КРЫМА	38
Снисаренко Виолетта Владимировна	РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КРЫМА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	40
Солнце Екатерина Олеговна	ЯЛТА И РИЕКА: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ К КУЛЬТУРНЫМ СВЯЗЯМ	43
Сопилко Артём Антонович Жеребкин Михаил Васильевич	ПРОБЛЕМА СТАТУСА И ПОДЧИНЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА (1991-1993 ГГ.)	46
Фёдорова Алёна Витальевна	ИНТЕРНЕТ – ЗАВИСИМОСТЬ ДЕТЕЙ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, КАК ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	48
Федорова Татьяна Анатольевна	ИНТЕГРИРОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МЕТОДИК В КУРСЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	50
Хоменчук Алексей Игоревич	ГЕНУЭЗЦЫ В КРЫМУ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	52

Шаутин Павел Васильевич	НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И СЕВАСТОПОЛЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА И РОЛИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ	54
Шевчик Руслан Владимирович Вишневский Сергей Анатольевич	ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФУТБОЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВО 2 ПОЛ. XX В.	57
Щербакова Олеся Анатольевна	ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ГОТОВНОСТИ К ОРГАНИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ	60
Юдина Александра Александровна	СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	62

Педагогический вестник

Выпуск 4

Ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, дат, наименований, фамилий, имен, цифровых данных несут авторы статей.

Научные статьи печатаются в соответствии с авторскими вариантами.

Адрес учредителя:

295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4
(3652) 54-50-36

Адрес редакции и издателя:

630049, Новосибирская область, г. Новосибирск, проспект Красный, дом 165, офис 4
298635, Республика Крым, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2а
+79852011282

Отпечатано в типографии:

630049, Новосибирская область, г. Новосибирск, проспект Красный, дом 165, офис 4
+79852011282

Подписано к печати 26.11.2018. Сдано в набор 03.12.2018. Дата выхода 08.12.2018
Формат 210x297. Бумага: офсетная. Печать: трафаретная. Условн. печатн. листов 7,78.
Тираж 500 экз. Цена свободная.